

Колосёв

2

ФЕВРАЛЬ
1964

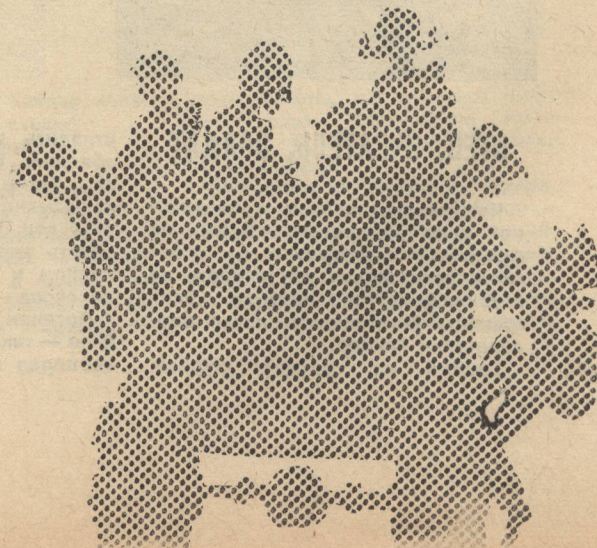
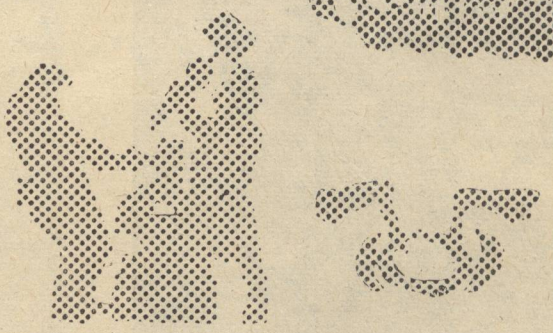
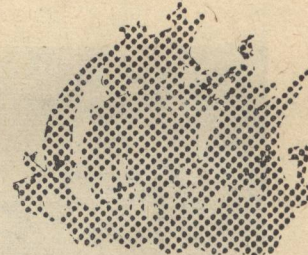
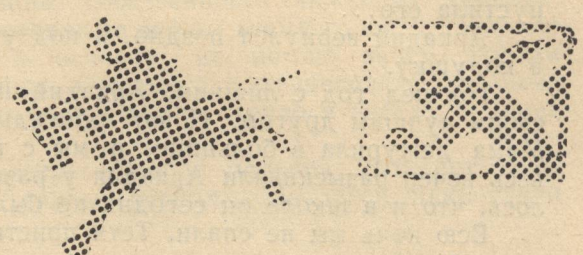
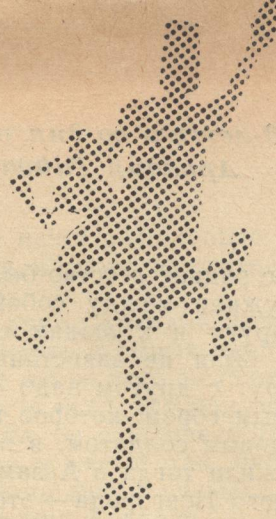
СЕГОДНЯ — МОДЕЛИ, ЗАВТРА — ЗВЕЗДОЛЕТЫ!

Костёр

2
ФЕВРАЛЬ
1964

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

- Как Гайдар на фронт бежал**
воспоминания сестры писателя 2
- Подарок**
рассказ Б. НИКОЛЬСКОГО 5
- У нас в гостях литкружок**
Челябинского Дворца пионеров 9
- Броня слабых не любит**
репортаж Ю. КОРШАКА 10
- Почему Отто уносят из дому?** 13
- Три дня в Мегри**
очерк М. ЯХОНТОВОЙ 14
- Масштабные ребята**
повесть Н. ПЕЧЕРСКОГО 17
- Спрашивают — отвечаем**
из почты КЮКа 33
- Когда человек ныряет**
очерк Н. ВЛАДИМИРСКОЙ и А. ТОМИЛИНА 34
- Шел по городу волшебник**
повесть-сказка Ю. ТОМИНА 36
- Веселые рассказы**
В. ГОЛЯВКИНА 47
- Биатлон**
*инструктаж заслуженного
мастера спорта СССР Ю.БОРИНА* 48
- Двести фамилий**
к семидесятилетию со дня рождения В. БИАНКИ 49
- На таежной реке**
стихотворение В. КУЗНЕЦОВА 51
- Два рассказа**
К. ЗОЛОТОВСКОГО 52
- Морская энциклопедия**
под редакцией С. САХАРНОВА 54
- Что такое карикатура**
беседа А.ЛОСЕВА 57
- Герои белых олимпиад**
спортивный обзор 59
- Что? Где? Когда? Почему?**
заметки, рисунки, фотографии 60
- Загадки боцмана Румпеля** 63
- Новые сообщения из Стенгазетии**
на странице КОСТИ ТЕРКИНА 64

Наше раннее детство было светлым, не омраченным никаким серьезным горем. Отец и мать дружили между собой и, вероятно, их постоянно доброжелательное отношение друг к другу и к людям служило примером и нам, детям. Если мы ссорились, то не надолго, были не завистливы и как-то легко усвоили отцовское наставление, что делиться друг с другом надо «по-братски» — меньшую половину оставлять себе.

Первым горем, которое глубоко переживал Аркадий, был уход отца на войну в 1914 году рядовым солдатом, в первые же дни мобилизации.

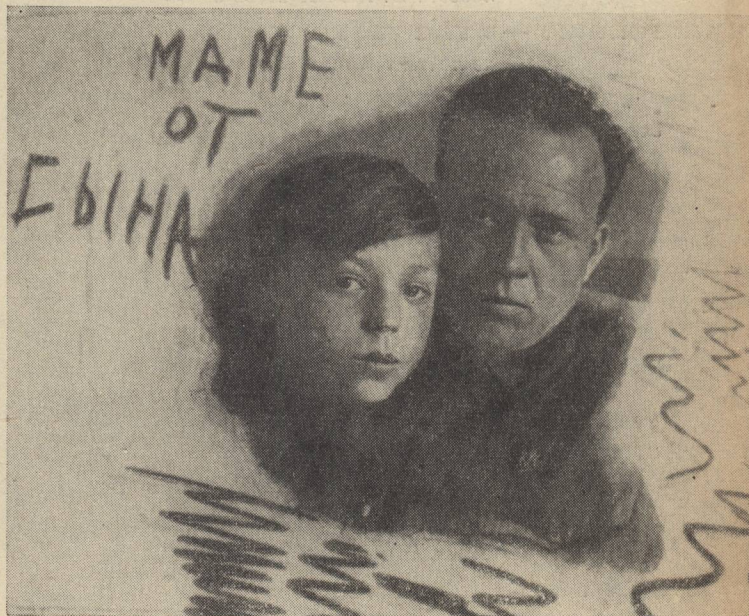
Мы жили тогда в Арзамасе. Отец должен был отправляться в действующую армию из Нижнего Новгорода — это за 120 километров от нашего города.

Аркадий, ему тогда было одиннадцать, — отпросился у мамы провожать отца. Мама пустила его...

Аркадий вернулся поздно, и под утро я слышала, как он всхлипывал, спрятав лицо в подушку.

Прошел год с лишним. Аркадий не переставал скучать об отце, которого считал своим лучшим другом. И вот однажды осенью Аркадий не вернулся из школы домой. Мама дежурила в больнице, и мы с тетей решили не тревожить ее до утра, а сами весь вечер разыскивали Аркадия у разных его школьных товарищей. Внезапно выяснилось, что и в школе он сегодня не был. В этот день его вообще никто не видел.

Всю ночь мы не спали. Тетя приставала ко мне с расспросами: о чем мы шептались

ОТЕЦ, ПИСАТЕЛЬ, СОЛДАТ

Четырнадцатилетним мальчишкой ушел он воевать. «Я был на фронтах: петлюровском, польском, кавказском, внутреннем, на антоновщине и, наконец, близ границы Монголии», — писал впоследствии Гайдар.

Закрой на секунду журнал.

Вглядишься в фотографию, что на обложке. Папаха, португя, шашка... Таким он был, когда учился на командирских курсах в Киеве. 1919 год. Скоро он будет командовать ротой, батальоном, потом полком и уйдет из армии только поневоле — из-за болезни.

Погляди на первую фотографию — так, Аркадий Петрович выглядел в 1937 году. Уже напи-

саны «Школа», «РВС», «Дальние страны», «Голубая чашка». Чаще всего он пишет о войне, а если не о войне, то о «делах суровых и опасных не меньше, чем сама война». Даже внешне он не похож на штатского человека: в мирные дни он носит гимнастерку или френч, шинель, командирский пояс, сапоги. А писательский псевдоним его! Гайдар! По-татар-

ФРОНТ БЕЖАЛ

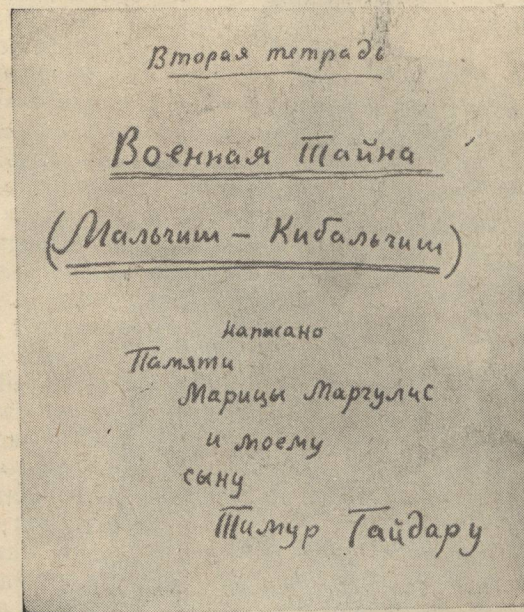
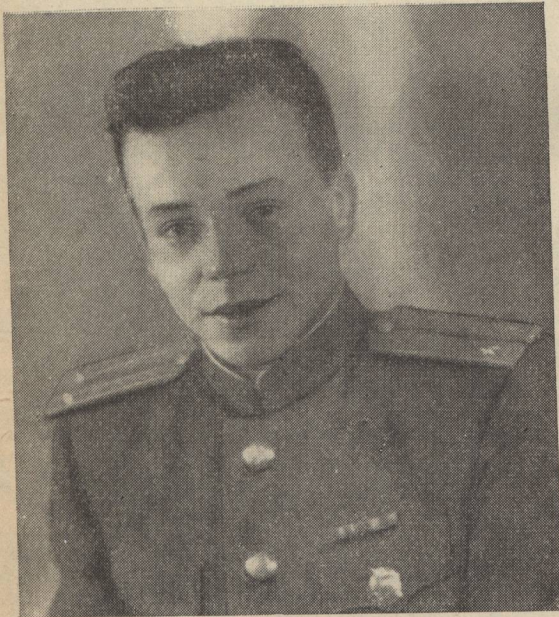
НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА ПОЛЯКОВА

накануне вечером и не собирался ли он куда-нибудь? Мне наши разговоры с Аркадием казались совсем не относящимися к его исчезновению, и я даже не хотела их повторять..

А говорили мы с братом весь вечер про войну и про отца. Аркадий говорил, что вот наступает осень, дожди, слякоть, а папа будет один сидеть в сырых окопах с мокрыми ногами и, быть может, заболит и как плохо, что нет около него никакой близкой души, которая заботилась бы о нем, и как хорошо было бы, если бы все пошло на войну бить врага, тогда бы и война быстро кончилась! И говорил он еще мне о том, чтобы я лучше училась и ничем не огорчала маму, потому что у нее и так много забот, и о том, что я должна теперь почему-то чаще писать папе на фронт письма...

Утром с дежурства пришла мама и узнала об исчезновении Аркадия. В Арзамасе была тогда единственная машина, собственность инженера Тренина, с сыном которого учился Аркадий. Мы с мамой ездили на ней по всему городу, навели справки у разных лиц, ездили на вокзалы, а вечером, не помню зачем, попали в клуб, где шли гастролы Русского народного хора. Участники хора щеголяли голубыми расшитыми серебром сарафанами, в клубе было очень светло, тепло и весело, и наше горе отозвалось в сердце еще острее...

В этот же день мама дала объявление в газету: «Пропал мальчик 12-ти лет. Приметы: крупный, светлоголовый. Голубые глаза. Длинные ресницы. На левой щеке узкий

ски это значит: всадник, скачущий впереди...

Фотография, на которой писатель снят вместе со своим сыном Тимуром, сделана в 1939 году. Примерно в это же время Гайдар работал над повестью, которая стала настольной книгой пионеров. Помните: Тимур, Женя, полковник Александров, пятиконечная звезда с расходящимися

лучами... В те дни Гайдар написал для сына такие стихи:

«Пройдет еще немного лет,
И буду я и стар и сед.

Тогда взгляну, как за меня
Тимур взпрыгнет на коня.»

Тимур вырос, служил во флоте, плавал. Потом он стал журналистом и тоже пишет о «делах суровых...» Сейчас он находится на героической Кубе и, открывая по

утрам газеты, мы нередко читаем строки, пришедшие из-за океана. А под ними подпись: Тимур Гайдар.

Последняя фотография Гайдара. 1941 год. Аркадий Петрович — мужественный, опытный солдат. Он ушел на фронт корреспондентом, а стал пулеметчиком. Когда регулярная часть Красной Армии, в которой находился писатель,

шрам. Одет в форму ученика реального училища. На фуражке и на пряжке пояса буквы: А. Р. У.»

Три дня нам мерещились всякие страхи, как это бывает в таких случаях, а на четвертый день, когда мама дежурила в больнице, к ней вбежала сиделка и сказала: «Везут вашего сына». Маме чуть плохо не стало, она поняла так: раз «везут», да еще сюда, в больницу — значит мертвого. Но выбежав в больничный двор, она увидела извозчицкую пролетку, в ней сидел Аркадий, а рядом жандарм, который по указанному в объявлении приметам задержал Аркадия где-то в лесной деревушке, у староверов, на пути к Нижнему Новгороду.

Аркадий был подавлен, смущен. Маме сказал: «Шел к отцу».

Мама ничего у него не расспрашивала и нам, сестренкам, запретила приставать к нему с расспросами, а поэтому мы мало что знали о его побеге и после.

Вечером же, когда мы опять все вместе собрались на нашей всегдашней кушетке — мы не могли наглядеться на своего беглеца-братишку и жались к нему, а мама, отправляя нас спать, погладила его по стриженной голове и тихо сказала: «светлый мой мальчик...»

Этот свой побег Аркадий осудил много позже в повести «Школа». Там есть слова: «Первоклассник Тупиков оказался дураком. Он даже не знал, в какую сторону надо на фронт бежать. Его поймали через три дня в шестидесяти километрах от Арзамаса, по дороге к Нижнему Новгороду».

Так он писал о себе.

попала в окружение, он с группой бойцов пробился сквозь кольцо врагов и ушел к партизанам.

Однажды отряд вышел на железнодорожную насыпь прямо к вражеской засаде. Гайдар первым

увидел фашистов. Он крикнул, чтобы предупредить товарищей, вскинул автомат... Почти в упор пулеметная очередь прошла его тело. Это было 26 октября 1941 года неподалеку от украинского села Леплява.

На родине писателя, в Арзамасе, стоит этот памятник.

Зорко смотрит Гайдар с высокого постаamenta. Замерли в строю пионеры. Для них воевал он всю жизнь — оружием, пером, сердцем.

Е. Рейн

ПОДАРОК

РАССКАЗ

Б. Никольский

Рисунки А. Сколосубова

В палате нас было трое. Я и мой сосед по койке, Борис Соловьев, уже поправлялись и томились в ожидании когда же, наконец, наступит день выписки.

Третьим в нашей палате был Рохелио. Каждое утро, когда на пороге палаты появлялся врач, Рохелио поднимал на него свои большие черные глаза и сначала смотрел молча, а потом все-таки не выдерживал и спрашивал:

— Скоро? Уже скоро?

И врач отвечал:

— Скоро. Конечно, скоро.

Рохелио был кубинцем. На первый взгляд он казался совсем мальчишкой. И когда он поднимался с койки и, хромя, ходил по палате в просторной больничной пижаме, он выглядел совсем худеньким и легким. Эту мальчишескую худобу рук и шеи, эту легкость всего его тела точно подчеркивало, точно оттеняло то, как тяжело волочил он за собой правую ногу, с каким трудом, с каким напряжением давался ему каждый шаг. Хромота осталась у него после болезни, перенесенной еще в раннем детстве, и с возрастом все увеличивалась — теперь одна надежда на операцию.

Раз в неделю его навещали кубинцы — студенты, они приносили ему целый ворох газет на испанском языке, и тогда он подолгу сидел на койке, погруженный в чтение, весь окруженный газетами.

Когда газет не было, Рохелио читал книги или писал коротенькие письма на родину, или занимался русским языком, или просто болтал с нами. Одну книгу он читал особенно старательно, подолгу не переворачивая страниц, напряженно хмурия свои темные брови. Как-то Борис Соловьев взял у него эту книгу и посмотрел на обложку.

— Ого! — сказал он.

Это был «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина на испанском языке.

Борис удивленно покачал головой и сказал: — Послушай, Рохелио, тебе еще трудно читать такие книги. Для них же нужна специальная подготовка. А, Рохелио?

Рохелио ничего не ответил. Он сердито отобрал у Бориса свою книгу и долго лежал молча, отвернувшись к стене. Наверно, он обиделся. Наверно, он и сам чувствовал, что эта книга пока что не дается ему, и переживал из-за этого.

Впрочем, он скоро забыл о своей обиде и разговаривал с Борисом, как обычно, но с книгой все-таки не расстался.

Когда ему наскучивало лежать в палате, он отправлялся немного побродить по коридору. Его уже хорошо знали и санитарки, и сестры, и врачи, и выздоравливающие больные. Они улыбались ему и говорили:

— Буэнос диас!

А Рохелио отвечал:

— Добрый дьень!

По-русски он говорил с заметным акцентом, а особенно забавно произносил имя нашего соседа — Борис.

Все-таки он был самым настоящим мальчишкой и, наверно, как всякому мальчишке, ему хотелось бегать, играть и баловаться. Однажды он спрятался в шкаф, где хранились больничные халаты, и сидел там добрых два часа, веселясь и наслаждаясь тем, что его никак не могли найти.

Но больше всего, как всякий мальчишка, он любил слушать рассказы Бориса об армии, о солдатской службе.

Если говорить честно, мне даже бывало обидно оттого, что Рохелио подружился с Борисом, а не со мной. Правда, я старался себя уверить, что это мне только кажется — в конце концов, мы всегда были в палате все вместе, втроем, и разговоры у нас были общие... Но все-таки... Все-таки иногда Рохелио мог подсесть на койку к Борису, поло-

жить руку ему на плечо и сидеть так, молча, думая о чем-то своем, до тех пор, пока не приходила сестра мерить ему температуру или делать укол. Рядом со мной он никогда так не молчал...

Я даже не знаю до сих пор, что тянуло его к этому человеку. В больнице к Рохелио все относились очень хорошо, каждый старался сказать ему ласковое слово или угостить конфетой, или просто подбодрить его улыбкой... А Борис был замкнутым, не очень-то разговорчивым человеком... Вот только об армии он любил рассказывать. Рассказывал о нелегких ночах в карауле в сорокаградусный мороз, о тридцатикилометровых маршбросках, где неимоверно тяжело даются последние двести метров, о ночных тревогах, о дежурстве на радиостанции... Он служил давно, уже несколько лет назад, но, видно, слишком крепко держалось все это у него в памяти. Рассказывал о своих друзьях, о всяких смешных и печальных случаях.

Однажды они, трое солдат, отправились за продуктами. Зима была уже на исходе и машина, идя по озеру, провалилась под лед. К счастью, озеро было мелким, и все трое сумели выбраться. Но они промокли насквозь, у них не было ни одной сухой спички, и им предстояло самое страшное — по пятнадцатиградусному морозу добираться до казармы. Как они шли эти восемь километров, как пытались согреться, как подбадривали друг друга, как, наконец, тащили третьего, потерявшего силы, как, гремя обледенелой одеждой, ввалились в казарму — этого я никогда не могу забыть, говорил Борис.

— И, самое интересное, — потом мы трое так сдружились, что везде были вместе, даже в наряды нас назначали вместе...

Рохелио слушал внимательно, напряженно сведя брови у переносицы, — он понимал еще не все русские слова.

Однажды он сказал:

— Рохелио тоже солдат. Рохелио тоже был солдат.

Да, мы знали об этом. Нам рассказывал об этом врач, а ему — кубинцы, друзья Рохелио. Мальчишкой он пришел в отряд и вместе с отрядом исходил, хромя, десятки километров, занимаясь с неграмотными крестьянами в горных селениях. Он никогда не жаловался, и никто никогда не слышал от него, как тяжело давались ему эти километры...

Он не любил рассказывать о себе, зато все время просил Бориса:

— Борис, расскажи...

И Борис рассказывал.

Потом, когда уже Рохелио засыпал, когда

все затихало и в палате зажигали дежурный ночной свет, Борис еще долго лежал с открытыми глазами и не спал — наверно, все вспоминал уже ставшие далекими дни своей солдатской службы. Как-то он сказал мне:

— Как ты думаешь, почему это человеку так дороги становятся те места, где ему приходилось особенно трудно? Вот как вспомню этот наш сибирский поселок, так и тянется меня туда. Почему, а? Ведь, знаешь, я в армию пришел сразу после десятилетки, из-за парты, этаким маменькиным сынком, у которого даже по физкультуре в табеле всегда была тройка, да и та липовая... Жизни самостоятельной совершенно не видел, так что представляешь, как тяжело мне было первое время... А вот вспоминаю теперь... Почему? Знаешь, у меня дома даже старые солдатские погоны до сих пор хранятся — те, самые первые мои погоны... Дороги они мне почему-то очень. Если у меня когда-нибудь будет сын, я подарю их своему сыну. Так, на память...

В палате было совсем тихо, Рохелио крепко спал, чуть посапывая, выпятив припухлые губы, совсем как ребенок...

По-прежнему каждое утро он спрашивал врача:

— Скоро?

И в этом вопросе была и надежда, и тоска по своей стране, и желание, чтобы поскорее осталась позади эта тяжелая операция, чтобы поскорее кончилось это томительное ожидание...

И вот, наконец, наступил день, когда врач сказал: через неделю. Это уже решено, это точно.

Всю эту неделю Рохелио был спокоен, только стал немного молчаливее и замкнутее, чем обычно.

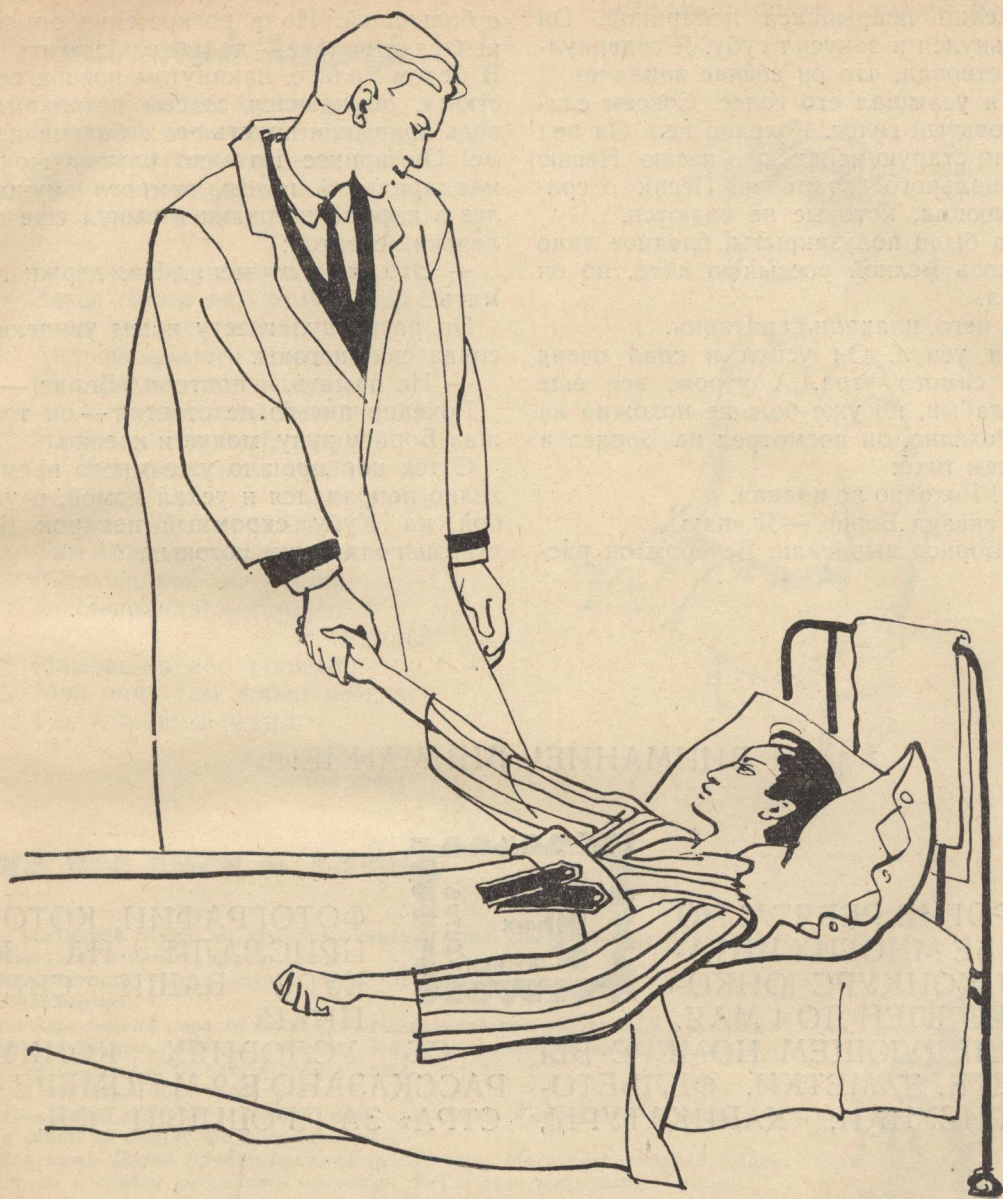
Но в последний вечер он разнервничался. Он долго не мог уснуть, все ворочался, все думал... Не спали и мы. Борис попытался рассказать какую-то смешную историю, он хотел отвлечь Рохелио, но и смех его и веселый голос сейчас звучал очень искусственно, он сам почувствовал это и замолчал.

В палате снова наступила тишина. Так прошел, наверно, час, а может и больше, я уже начинал засыпать, когда вдруг услышал громкий шепот.

— Борис! — шептал Рохелио. — Борис! Я завтра не плакать. Кубинцы не плачут. Рохелио завтра не плакать. Борис!

Он проговорил это несколько раз с отчаянной настойчивостью, словно старался убедить сам себя.

— Я верю. Верю, — негромко ответил Борис. — А теперь спи. Надо спать.

На другое утро Рохелио увезли на операцию. Операционная находилась в другом конце огромного больничного здания, и нас туда не пустили. Нам оставалось только ждать.

Прошел час. Рохелио не возвращался. Мы бесцельно слонялись по коридору, прислушивались к каждому звуку, с надеждой смотрели на каждую сестру, на каждую санитарку.

Прошло еще полчаса. Операция продолжалась.

На исходе был уже второй час, когда Рохелио вернулся. Его привезли в палату на операционной тележке, и две пожилые полные санитарки осторожно переложили Рохелио на койку. Его лицо было совершенно белым, возле носа отчетливо выступили маленькие черные веснушки. Он открыл глаза, медленно приходя в себя после наркоза. Мы оба молча смотрели на него. Мы знали, что сейчас наступает самый тяжелый момент — момент, когда

даже взрослые люди кричат от запоздавшей, проснувшейся боли.

Лоб Рохелио покрывался испариной. Он чуть шевельнулся и закусил губу. Я отвернулся, я почувствовал, что он сейчас заплачет.

И вдруг я услышал его голос. Совсем слабый, хрипловатый голос. Рохелио пел. Он пел едва слышно старую испанскую песню. Песню интернационального батальона. Песню о солдатах революции, которые не сдаются.

Его глаза были полузакрыты, бледное лицо все покрылось мелкой россыпью пота, но он все-таки пел.

Глядя на него, плакали санитарки.

Потом он уснул. Он уснул и спал очень долго — до самого утра. А утром, все еще бледный, слабый, но уже больше похожий на прежнего Рохелио, он посмотрел на Бориса и сказал совсем тихо:

— Борис! Рохелио не плакал.

— Да, — сказал Борис. — Я знаю.

А скоро Бориса выписали. Вечером он рас-

сказал Рохелио свою последнюю солдатскую историю, и на другой день утром распрощался с больницей. Но в воскресенье он снова появился в палате — пришел навестить Рохелио. В белом халате, накинутом поверх серого костюма, он казался совсем незнакомым — мы ведь привыкли видеть его в больничной пижаме. Он принес Рохелио плитку шоколада и мандарины. А потом, немного смущаясь, полез в карман пиджака и вынул еще один маленький сверток:

— Это тебе от меня. На, держи... На память...

Он развернул газету и мы увидели старые солдатские погоны.

— На память, — повторил Борис. — Возьми.

Рохелио ничего не ответил — он только пожал Борису руку, молча и крепко.

С тех пор прошло уже много времени. Рохелио поправился и уехал домой, и увез с собой на Кубу скромный подарок Бориса — старые солдатские погоны...

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

ДОРОГИЕ РЕБЯТА! ПО
ПРОСЬБЕ МНОГИХ ЧИТА-
ТЕЛЕЙ КОНКУРС ЮНКО-
РОВ ПРОДЛЕН ДО 1 МАЯ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ВЫ
НАЙДЕТЕ ЗАМЕТКИ, ФЕЛЬЕТО-
НЫ, РИСУНКИ, КАРИКАТУРЫ,

ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ
ПРИСЛАЛИ НА КОН-
КУРС ВАШИ СВЕРСТ-
НИКИ.

ОБ УСЛОВИЯХ КОНКУРСА
РАССКАЗАНО В 9-М НОМЕРЕ «КО-
СТРА» ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД.

Упрямый Андрей

Начало осени. Сентябрь.
Погожий день веселый.
Андрей сегодня первый раз
Пришел учиться в школу.
— Запомни свой, Андрюша,
класс —

По коридору прямо.
Здесь много лет тому назад
Твоя училась мама.
Андрей немного помолчал.
Окинул парты взглядом.
— А где же папа мой сидел?
Наверно, с мамой рядом?
— Нет, папа жил тогда
не здесь,

А там, где он родился.
Там тоже школа есть, и в ней
Мальчишкой он учился.
— Неправда! — говорит

Андрей,
Наморщив лоб упрямо, —
Мой папа там живет всегда,
Где я живу и мама.

Вера Задорина
8-й класс

СКАЗКА ПРО ЛИСУ И ЗАЙЦА

«Осень наступила. Куда ни ступишь — везде меня слышно: листья шуршат, сучки трещат...» — печально думал заяц.

А лисица-сестрица рада: желтые, красные листья с деревьев летят, и ее среди них незаметно.

Вот однажды сидела лиса за кустом, высматривала лесную дичь. В это время к кусту подбежал заяц. Он не заметил, что лиса рядом, и начал грызть веточки. Лиса его — цап! И бежать к себе в нору.

Принесла его она в нору и говорит:

— Будешь жить у меня и делать все, что скажу. Приберись-ка скорее в норе, обед свари да сказку лисенку расскажи.

Испугался заяц. Давай прибираться, обед готовить. Накормил лисенка, спать его уложил, да и сказку рассказать не забыл. Так и стал жить заяц у лисы.

Но вот в холодном воздухе закружились большие белые хлопья, покрылась первым снежком земля. Лисе все труднее стало ловить зверьков. Задумала она и решила съесть зайца. Пришла как-то домой с пустыми лапами и говорит ему: «Я тебя съем!»

Зяец знал: как лиса скажет, так и сделает. Тогда стал просить: «Лисонька, отпусти в последний раз взглянуть на яркое солнышко, на пушистые елочки!» — «Так и быть, иди», — разрешила она.

Убежал заяц. Проходит час, другой, а его все нет. Пошла лиса искать зайца. Вышла из норы, подошла к кусту и слышит тихий смех. Прислушалась и узнала голос зайца. «Зайнъка, выходи. Вон за кустами лисенок сидит, тебя зовет. Выходи, соскучился он по тебе», — сладким голоском заговорила она. Но заяц так и не вышел к ней.

Тогда лиса обыскала все кусты, а его нет как нет. Только тут поняла она, что не найти ей зайца. Ведь лежит вокруг белый снег, и заяц стал теперь такой же белый. Разве тут найдешь? Так ни с чем и вернулась лиса домой.

Лариса Захарова
6-й класс

БРОНЯ СЛАБЫХ НЕ ЛЮБИТ

Вообще-то здесь было не до меня: только что прозвучал сигнал тревоги. Все-таки я разыскал генерала.

— Поговорить нам сейчас не удастся. Давайте-ка полезайте в танк, сами все увидите, — сказал он и, критически взглянув на мое пальто, добавил: — Экипировать корреспондента!

Так получил я черную куртку, натянул ребристый плотный шлем, кто-то одолжил варежки. Указательный палец свободен. Это чтобы удобно было нажимать курок, но вполне можно и писать.

В танках я разбирался. Не раз видел их на параде, читал книжки. Черная куртка и шлем придали мне уверенность, и я решил показать, что тоже не лыком шит. Звенья гусениц называются траки, это я точно знал. Я спросил:

— А траки запасные взяли?

— Как же, вот они на броню укреплены, перед вами, — вежливо ответили танкисты. Я стал придумывать еще вопрос, но резко прозвучала команда:

— По машинам!

Гром могучих двигателей растоптал тишину. Один за другим танкисты проваливались в узкие люки. Я тоже торопливо вскарабкался по броне, липкой от январской стужи...

Больно задев плечом за металлический выступ, я чуть не

сел на плечи наводчику. Спасибо — поддержал заряжающий и посадил на удобное командирское сиденье. Я пришел в себя и стал осматриваться.

Танкисты сродни подводникам. Есть что-то общее в их суровой службе: накрепко задраив люки, отправляются они в неведомое. Каждый метр пути может таить опасность. Тут смотри в оба!

А где у танка глаза? Сразу и не разберешь. Вот механик-водитель, согнувшийся на низеньком сиденье в самом носу машины, ловко орудует рычагами и не отрываясь глядит в смотровую щель. Щель узкая-узкая и закрыта необычным стеклом — триплексом. А мне куда бы взглянуть? В бронированной коробке барабанный грохот мотора... Кричу танкистам — никто не отзывается. Вспомнил, что мне говорили про телефон. Стал искать трубку, нигде не видно.

Вдруг — голос:

— Товарищ ком... корреспондент, перископ возле вас.

Я опять кричу: какой такой перископ?

— А голос опять:

— Ах, у вас ларингофон не включился, затынитесь потуже.

Стянул я поясной ремень, еле дышу, пуговицы на куртке проверил, застегнуты ли. Ну, думаю, и служба у этих ребят.

Тогда один из танкистов про-

тиснулся в башню и чуть-чуть подправил мне ремешок шлема. И вот уже я могу не сходя с места поговорить с каждым в экипаже. Прямо в пухлом шлеме вмонтированы наушники, а ларингофон прижат к горлу, когда шлем плотно застегнут. Какой бы грохот ни стоял, он не страшен. Ларингофон воспринимает колебания не воздуха, а непосредственно головных связок.

Нашел я и перископ. Настоящий. Смотришь в окуляр — вся панорама, как на ладони.

Кругом редкий лесок. Впереди снежная целина. Двух шагов не ступишь — провалишься. А работяга-танк знай стелет и стелет себе бесконечные тропинки стальных гусениц.

Наша машина головная, сзади течет целая бронированная река. Дрожат над башнями дротики антенн. Это у танка уши: сколько бы километров ни осталось позади, радиоволна все равно донесет приказ.

В наушниках звучал приглушенный голос:

— Температура масла... давление... скорость...

Это механик-водитель по привычке докладывал командиру.

— Ну что ж, — отвечаю, — неплохое давление и скорость ничего. Так и держите.

Молчит экипаж. Потом слышу, вроде смеется кто-то и говорит:

— Никак невозможно так держать, горючее перерасходуем.

Тогда я стал задавать свои репортерские вопросы:

— Может танк свалять де рево?

— Конечно.

— А если река на пути?

— Как-нибудь переберемся.

— Трудная служба?

— Броня слабых не любит, — ответил собеседник.

И он поведал мне короткую историю. Когда ведешь танк по бездорожью, всякое может

приключиться. Однажды машина провалилась в коварный водоем. Сверху вроде снежок, а под ним тонкий лед, и глубина несколько метров. Стал танк и впрямь «подводной лодкой». Пришлось открыть аварийный люк. Танкисты не моряки, но спортсмены все неплохие — нельзя без этого в армии. «Машина, она, знаете, какого ухода требует... Кувалдой стучать приходится, с тяжестями возиться...»

В общем, весь экипаж выбравшись наружу. Потом один из танкистов подряд несколько раз нырял в ледяную ванну, пока не закрепил спасательный трос. Тягач мигом выволок «утопленника» на берег.

Разговор прервал сигнал из эфира. Принят короткий приказ: «Изменить курс, следовать на исходный рубеж атаки...»

— Перехожу на четвертую скорость, — уже официальным тоном сообщил водитель.

Как зверь в клетке, забился мотор. Молотил гусеницы по сугробам, и в безветренном лесу забушевала пурга. Белые хлопья да сизое облако выхлопных газов заволокли все окрест.

Вдруг смотрю, машина наша разворачивается, идет прямо на огромный валун.

— Водитель, не туда едем! — кричу.

— Все в порядке, — отвечает, — это башня только вертится. В лес входим, надо пушку назад повернуть. Не беспокойтесь.

Крутые склоны сопки, вдруг выросших впереди, заставляли машину вставать дыбом; как слаломисты, петляли танки среди валунов и вековых сосен.

Р-раз! Танк тряхнуло хорошим боксерским ударом. Вот когда пригодился шлем!

— Берем препятствие, — донося спокойный голос водителя. Я не успел в свой трип-

лекс рассмотреть, что это было, машина неслась дальше.

Вдруг танк встал как вкопанный. Умолк мотор. Я открыл люк и выглянул. Мы были в дремучей чаще. Кругом искрился нетронутый снег и стояла та первобытная тишина, какая бывает только в зимнем замерзшем лесу.

Не на такой ли полянке в Подмоскowie в 1915 году кучка русских энтузиастов-изобретателей строила удивительную машину?

Крадучись пробирались они в лес, подальше от любопытных глаз, и колдовали над сухопутным броненосцем. Был он трехколесный: два колеса — по десять метров диаметром, а третье, хвостовое, — маленькое. Начались испытания и, пройдя несколько метров, огромная колесница застряла. Денег, чтобы работать дальше, не было. Так и ржавел колесный танк в лесу, пока не наткнулись на него деревенские мальчишки.

...Длинный хобот пушки соседней машины заколебался, будто приноживался к чему-то на горизонте.

— Внимание! — пронеслось по экипажам. — Появилась цель.

Мы стояли в засаде и ждали «противника». Задача — поразить цель внезапным огнем.

Снова задраен люк. Наводчик прилип к прицелу. Внутри танка нагромождение механизмов — так кажется с первого взгляда. Вроде и повернуться негде, зато сколько под рукой необходимых приспособлений! Все размещено с экономной точностью. На полке тускло поблескивают ряды снарядов. Один из них только что загнали в ствол пушки.

Как ни ждал я выстрела, а все-таки прогремел он неожиданно. Едва разглядел в перископ какой-то силуэт на снегу, как оглушительно рявкнула пушка, а потом еще и еще.

Плеснули разрывы. Где же противник?

— Цель накрыта! — в шлемофоне голос наводчика.

А рация приняла короткую похвалу начальника и новую команду — двигаться обратно.

Видю — дело сделано. И говорю ребятам:

— Вы уж как-нибудь на обратном пути управитесь сами, я запишу кое-что в блокнот.

— Так точно, постараемся, — ответили хором.

Снова бушует вокруг колонны поднятая танками метель, беснуется на щитке у водителя стрелки приборов. Нас обгоняет командирский танк. На его башне цифра. Обычный номер машины.

Когда рабочие молодой Советской республики в декабре 1920 года по винтикам собрали первый танк для Красной Армии, у него не было номера.

У него было просто имя. «Борец за свободу товарищ Ленин» — так нарекли первенца сами рабочие.

Долго неслись танки по снегам, пожирая километры. Наконец знакомая опушка. Стопились танкисты возле машины.

Я снял шлем и почувствовал, как заложило уши.

— С непривычки, — улыбнулись танкисты, — вот поехали бы с нами еще разок-другой...

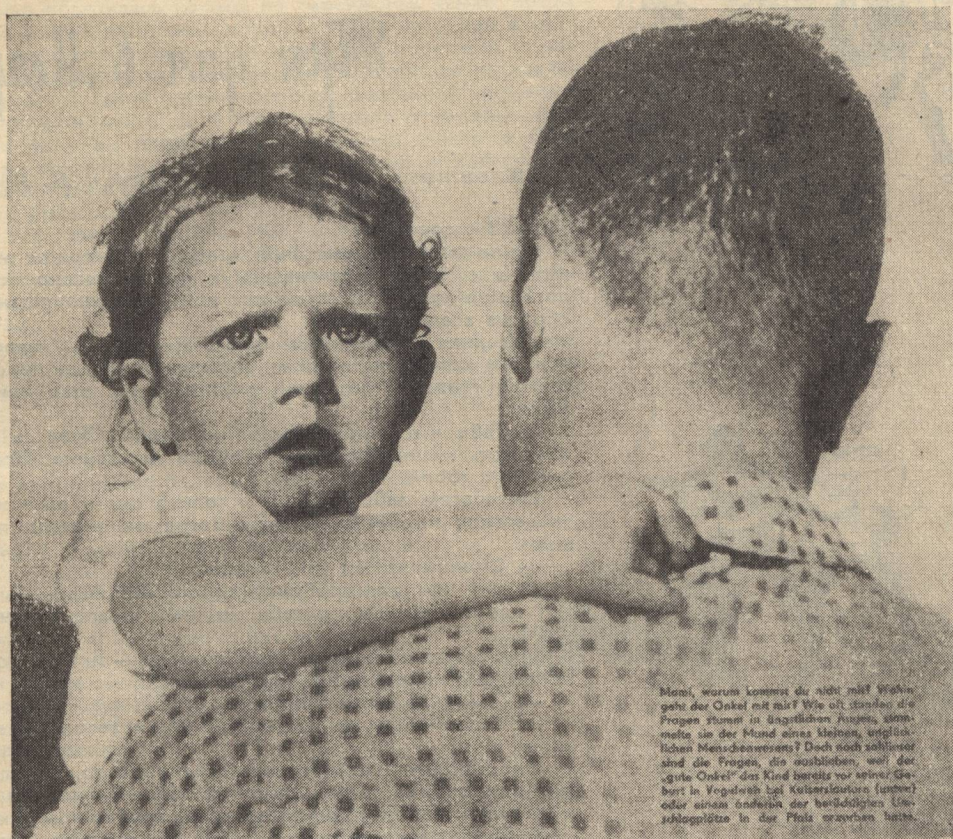
Танки стояли на белой-белой поляне, грозные даже в своем молчании. И так же молчаливы и спокойны были люди в черных куртках. И мне вспомнилась услышанная в танке поговорка: «Броня слабых не любит». Правильная поговорка.

Только меня она теперь не касается. Я ведь теперь и сам заправский танкист.

Ю. Коршак
наш спецкорр.

Н-ская часть

ПОЧЕМУ ОТТО УНОСЯТ ИЗ ДОМУ?

Mami, warum kommst du nicht mit? Wie geht der Onkel mit mir? Wie oft standen die Fragen stumm in Engelhakens Fingern, während sie der Mund eines kleinen, sorglichen Menschenweibens? Doch noch schliefen sich die Fragen, die ausblieben, weil der gute Onkel das Kind bereits vor seiner Geburt in Vogelweh bei Katernberg (unten) oder einem anderen der beliebigen Umschlagplätze in der Pfalz ergriffen hatte.

ПОТОМУ ЧТО ОН ПРОДАН!

Эту фотографию напечатал журнал «Штерн». Вы видите мальчика из Западной Германии. Отчаявшиеся от нищеты родители продали его в богатую американскую семью.

Журнал сообщает: из ФРГ в Америку вывозится ежегодно две тысячи пятьсот детей.

Для живого товара придумано даже название — «голубоглазый экспорт».

Три дня в Мегри

М. Яхонтова

Рисунки В. Бескаравайного

— Эй, дорогу!

Из-за поворота выскочил всадник на черном муле. Мы отпрянули в сторону и прижались к скале. Высоко вскидывая задние ноги, мул проскакал мимо нас и неожиданно остановился, едва не сбросив всадника.

Всадник посмотрел вниз и зажмурился — наверно, представил, что уже катится по крутому склону, увлекая за собой камни. Потом открыл глаза и, отчаянно жестикулируя, стал кричать на своего мула:

— Тебе что — моей жизни не жалко? Осел ты! Сказано: «Дай ослу хоть мешок орехов, он лучше не станет». Осел ты, и я осел вместе с тобой!

Он совсем забыл о нас, и только смех Гаяне напомнил ему о свидетелях неудачной скачки. Тогда он властно повернул к нам мула.

— Смеешься? Над чем смеешься?

— Над тем, как храбрецу дорога его жизнь. Ты чуть не столкнул нас в пропасть, и тебе не жаль даже товарища корреспондента...

Храбрец посмотрел в мою сторону — он был готов извиниться. Но сначала надо было возразить Гаяне:

— Поездила бы на нем сама...

— И пробовать не желаю! Подними тетрадь — из-за тебя уронила.

Он выполнил требование молча и ловко, не слезая с мула, и уже протянул ей тетрадь в синей обложке, но мул снова брыкнул, и тетрадка, описав дугу, полетела по каменистому склону.

Всадник ринулся за тетрадкой, но красное платье Гаяне уже мелькало далеко внизу.

— Проводи товарища до гостиницы, Ашот! — крикнула она, оглянувшись.

Ашот слез с мула и мрачно предложил: «Пойдемте...»

По дороге, вымощенной старинной каменной кладкой, мы медленно спускались к главной улице. Дорога вилась так затейливо, что казалось, будто двухэтажные дома с резными балконами стоят один над другим. А вокруг — над головой и у самых ног — тесно переплелись тугие виноградные гроздья, крепкие темно-красные гранаты, маленькие, еще зеленоватые лимоны. С незапамятных пор люди сажают их рядом — недаром на каменных орнаментах, украшающих стены древних крепостей, тоже переплетаются виноград и гранаты.

— Как хорошо назвали ваш городок, — сказала я Ашоту, — Мегри, Медовое...

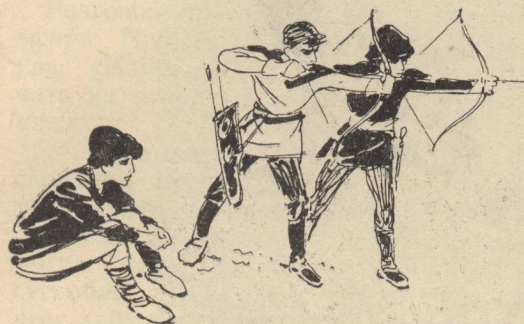
— В этом Медовом люди всегда трудились, как пчелы, — ответил он с гордостью. — Землю привозили издалека, в мешках, и засыпали свои дворы. Кругом одни скалы...

Ашот оживился и, пока мы шли до гостиницы, рассказал мне про юннатов, которые сварили на зиму варенье для детского сада, про музыкальную школу, исторический кружок... Тут он замолчал, снова стал мрачным и, сдвинув брови, закончил как бы нехотя:

— ...Там Гаяне староста.

— А ты не знаешь, — спросила я, — что у нее в синей тетрадке?

В самом деле — не может быть, чтобы девочки в этих краях чуть не в пропасть кидались за обычной тетрадкой со школьными

упражнениями! Но нет — он не знал. Наверно, это дневник, и там написано, какой замечательный человек Рубен и какой дурак Ашот вместе со своим мулом.

— Кто это Рубен?

Ашот будто не расслышал. «Вот и гостиница!» — облегченно сказал он и попрощался.

Гостиница в Мегри — небольшой дом из розового туфа. Перед домом растет столетнее ореховое дерево, а под деревом — лавочка, на которой сидит тетушка Катарине, директор гостиницы.

Она приветливо обратилась ко мне на персидском языке, потом на грузинском и азербайджанском, и только после того, как я оценила широту ее познаний, перешла на армянский и русский — сказала, что разрешает посидеть с ней рядом. Поместиться на узенькой лавочке рядом с такой величественной женщиной непросто, но терпение вознаграждается: за полчаса я узнала о жителях Мегри больше, чем если бы прожила здесь полгода. Какая-то Седа вышла замуж за пограничника, Рипсима поступила в консерваторию, а этот дурной Рубен снова сбил с толку мальчишек...

— Рубен? Это взрослый?

— Как же! Усы только пробиваются, а сам в горы смотрит. Там опасно, есть барсы. Вот недавно внук племянника моего зятя...

И она скороговоркой, мешая русские и армянские слова, принялась за очередную историю, не имеющую отношения ни к Рубену, ни к барсам...

Утром я долго бродила по Мегри, побывала в музыкальной школе, на выставке детских рисунков, а когда вернулась в гостиницу, тетушка Катарине торжественно привстала на своей скамейке:

— Вас ждут.

Я поднялась на второй этаж. Там, прислонившись спиной к двери моего номера, стояла Гаяне. Она пришла, потому что обещала показать мне крепость Давид-бека.

...Чем-то она обеспокоена, или мне кажется? Нет, ничего особенного. Правда, Ашот пропал — ни в школе его нет, ни дома.

Но куда он денется! Наверно, его мул улегся где-нибудь поперек дороги, и Ашот его караулит...

Мы поднялись на вершину горы. Вот они — башни и зубцы крепостной стены. Отсюда виден весь город, ярусами спускающийся к реке, дальние горы и Аракс, широкий, бурный. За Араксом — чужая страна. Чуть ниже крепости у обрыва, церковь, высеченная из серого камня.

— Наверно, очень древняя? — спросила я.

— Ей восемьсот лет, — ответила Гаяне. — В 1728 году мегринцы поклонились в этой церкви быть верными Давид-беку...

Я представила: горят свечи, поет хор, звенят мечи о кольчуги, и воины обнимают земледельцев, как братья.

Вдруг Гаяне сказала:

— Прочтите, пожалуйста, что я тут написала. И она вытащила из школьной папки тетрадь в синей обложке. Я раскрыла ее.

«...У Гоар были задумчивые глаза и тихий голос. С детства она любила старые книги и рукописи, и с детства ее просватали князю Давиду, красивому и бесстрашному. Да, Давид был настоящий витязь, но с детских лет он нашел себе подругу — не такую ученую, как Гоар, не такую знатную, но зато отважную и ловкую, как мальчишка. Звали ее Сатеник.

Давид-бек сплотил отряды армян и шесть лет, медленно двигаясь на юг, они гнали из своей страны чужеземцев. Гоар и Сатеник шли с отрядами. Одетая лучником, Сатеник сражалась рядом с князем, а Гоар вела летопись битв и переходов.

Наступил решающий бой на берегу Аракса, близ Мегри. И тут один из князей предал Давида. Погиб храбрый витязь...

Рассыпались отряды, укрылись в крепости Мегри. И тогда все услышали голос Гоар:

— Разве так встречают горе мужчины?..»

...В эту минуту где-то близко раздался выстрел. Над крепостью взвилась ракета и внизу, на дороге, замелькала цепочка факелов.

— Рубен, Рубен! — закричала Гаяне и побежала вниз по дороге, увлекая меня за собой. Наконец-то я увижу Рубена!

Из-за поворота с факелами в руках вышли пятнадцать витязей.

Да, да, это были витязи — юные, крепкие, в рубахах, похожих на кольчуги. Они шли пешком, и только один был верхом на муле. Мальчик в школьной форме вел мула за уздечку. Я-то его сразу узнала, а Гаяне даже не взглянула в его сторону. Она бросилась к всаднику:

— Что с тобой, Рубен?

— Так это и есть Рубен, этот юноша, похожий на Гаяне! Голова перевязана, правая нога забинтована. Однако он улыбается:

— Откуда ты взялась, Гаяне?

— А этот откуда? — кивнула она в сторону Ашота.

Рубен нахмурился:

— Я запрещаю тебе говорить о нем таким тоном.

...На следующий день в колхозе «Мегри», за речкой, начался воскресник. Приехали пограничники — каждый год они по-братски помогают колхозникам. С бригадой пограничников работал и отряд ЮДП. С ними соревновались юннаты и туристы. Транспортная бригада — двадцать пионеров, каждый со своим мулом — еле успевала подвозить фрукты к грузовикам. Командиром транспортников был Ашот. Мул его казался проворнее арабского жеребца, а сам Ашот озабочен и неумолим.

— Помогать всем только по очереди! — приказывал он своим возчикам, искоса поглядывая на Гаяне. Но та не обращала на него внимания.

После работы все пели, плясали, ели шашлык и фрукты. А когда стемнело, сели вокруг костра. И поднялся тогда командир туристов Рубен. Вот что он рассказал:

— Мы вышли неделю тому назад. Как всегда, по дороге охотились. Сурен поймал живую лису — мы дарим ее юннатам. На привалах стреляли из лука. Хорошо стреляли!

Главную задачу выполнили: составлено описание места боя Давид-бека с персами в пятнадцати километрах от Мегри. Обнаружили четыре старинные надписи, нашли щит и наконечник от шлема.

А на обратном пути мы встретили Ашота, он просил взять его в отряд. Мы сказали: напрасно ты, Ашот, пускался в такую дальнюю дорогу. Звание туриста нужно заслужить!

Через час, во время привала, я отошел в сторону шагов на сто. И вдруг из-за кустов выскочил дикий кабан. Это было так внезапно, что я не успел ничего сообразить. Плохо бы мне пришлось, не окажись поблизости Ашота! Он стал кричать, кидать в кабана камнями, дразнить его. Кабан бросился на Ашота...

Хорошо, прибежали ребята, и Каро убил зверя. Так что все обошлось, и теперь в нашем отряде шестнадцать человек!

...Я уезжала из Мегри. Прожила всего три дня, а казалось — гораздо больше. Тетушка Катарине, не покидая своей скамейки, пожелала мне счастливого пути и угостила орехами.

— Они с этого дерева, — сказала она, устремив вверх указательный палец.

На станцию меня провожали Ашот, Гаяне и ее старший брат Рубен. Ашот и Рубен насыпали в мой чемодан гранатов, а Гаяне, уловив минуту, протянула свою синюю тетрадь.

Поезд медленно шел между скал. Я раскрыла тетрадь.

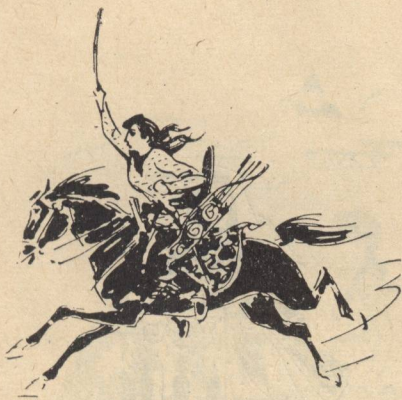
«...разве так встречают горе мужчины?...

Настало утро, и был новый бой у Аракса. Во главе армян дрался стройный юноша. Конь его метался, как молния. Вдруг пуля скинула шлем, и косы упали на спину воина... «Сатеник! Сатеник!» — закричали все, и это имя было, как боевой клич.

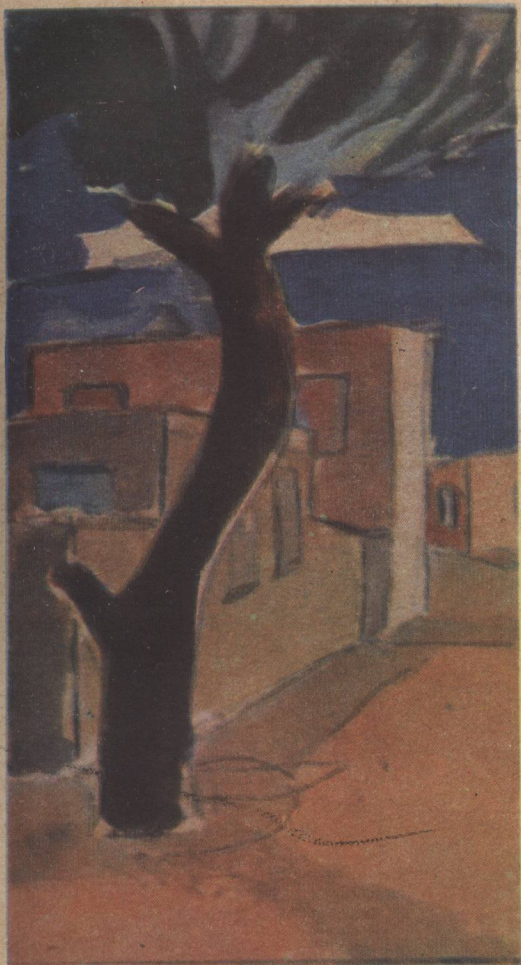
Когда врагов отбросили за Аракс, Сатеник потребовала выдать убийцу Давида. В тот же день предатель был казнен. А Гоар рассказала в летописи о подвиге Сатеник, подруги Давида...»

За окном вагона стемнело. Стало казаться, что небо лежит совсем низко, на неподвижных профилях гор, а в перевернутый месяц, словно в ковш, льются белые звезды. Внезапно на дороге, освещенные месяцем, возникли три силуэта — длиннокосяя девочка верхом на муле и два мальчика, идущие рядом.

Может быть, это мои друзья?

Рисунки на вклейке: «В Аштараке», «Натюрморт», «Горная дорога» сделаны ереванским школьником Ваганом Кочаром, 13 лет. Рисунок «Малое Мегри» — Вагика Карапетяна, мегринского школьника, 10 лет.

В АШТАРАКЕ

МАЛОЕ МЕГРИ

НАТЮРМОРТ

ГОРНАЯ ДОРОГА

МАСШТАБНЫЕ РЕБЯТА

Н. Печерский

Рисунки

М. Беломлинского

Мой отец уехал на все лето в тайгу и в школу отправилась только мама. Дома о драке никаких разговоров не было. Молчала мама, помалкивал и я. В голове у меня была какая-то сплошная каша. Я уже и сам толком не знал, что мне отвечать — да или нет.

Мама пришла в половине одиннадцатого. Она сняла свою шерстяную кофточку, капроновый шарфик, который надевала только на праздник, и отправилась на кухню. Я постоял немножко посреди комнаты и тоже пошел на кухню.

Задумчиво и тихо звенела в руках мамы посуда. Мама накрывала на стол и старалась не смотреть на меня. Так бывает всегда, когда хочешь сказать что-то очень важное и в то же время не совсем ясное и понятное для самого себя.

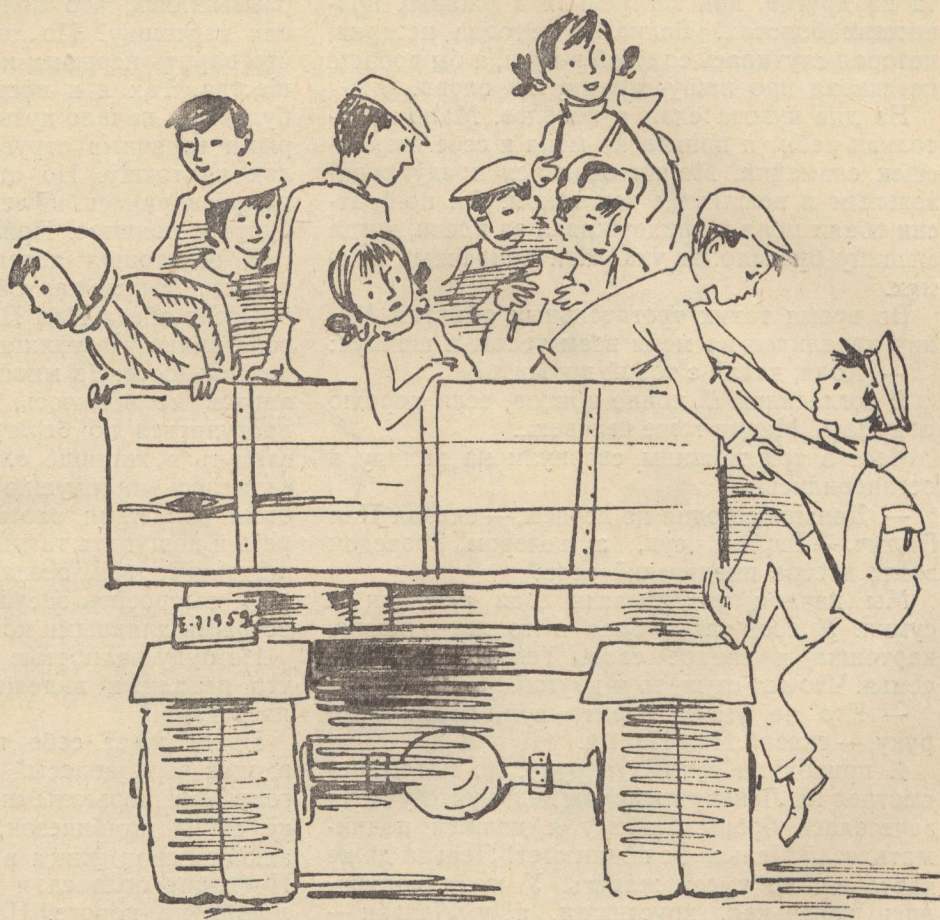
В конце концов я не выдержал и спросил маму:

— Что у вас там было на родительском собрании?

Мама намазала маслом кусочек хлеба и положила возле моей чашки.

— Ничего особенного, — сказала она. — Послезавтра поедете в тайгу на производственную практику. Я думаю, подметать ули-

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1964 г.

цы — это не совсем то, что надо. Как по-твоему?

По-моему, было точно так, как и по-маминному — раз практика, значит, практика.

Мы сидели с мамой за столом целый час и обсуждали предстоящую поездку. Километров за сто отсюда на берегу Вилюя строили какой-то большой поселок. Мы не знали, кто будет жить в новых домах — искатели подземных железных кладов, золотых россыпей, меди, цинка или чистых, как бусинки росы, алмазов. У нас в Якутии есть почти все элементы периодической системы Менделеева. Если бы какой-нибудь волшебник открыл сразу все недра, люди вскрикнули бы от удивления и радости.

Лег я поздно и всю ночь видел коротенькие и какие-то суматошные сны.

МИСТЕР МАНЧ

Я не люблю рассказывать скучные вещи и зря чесать языком. Кому это нужно — как мы ехали, как нас швыряло в кузове с одного борта на другой, как застревали в ржавых прокисших болотах? Если бы не одна история, которая случилась со мной в пути, я бы вообще не сказал про нашу поездку ни слова.

На дне кузова ехал я недолго. Манич растолкал ребят и пригласил меня к себе на краешек скамейки. Манич оказался предупредительным и вежливым человеком. Он побратски обнял меня и придерживал за плечи, когда машину бросало на ухабах и приречных камнях.

Во время таких трогательных объятий Манич навалился на меня всем телом и шепнул:

— Коля, давай с тобой дружить?

Я согласился. В конце концов, если хорошо подумать, Манич тоже человек...

Часа в три машины свернули на поляну и остановились.

— Дальше сегодня не поедем, — сказал Пал Палыч. — Варите суп, а вечером проведем возле костра пионерский сбор.

Мы начали развязывать свои рюкзаки и сумки. У всех было одно и то же — пшено, картошка и свиное сало. Теперь мы одна семья. Что ест один, то и другой.

— Кто не умеет варить суп, поднимайте руку, — сказал Пал Палыч.

Я приподнял чуть-чуть руку, но потом посмотрел на Леньку и сделал вид, будто у меня зачесалась бровь. Почему я должен поднимать, если Ленька не поднимает! Ленька даже картошку не умеет жарить. У меня получалась тоненькая, хрустящая, а у Леньки — сплошная размазня.

Те, у кого были вместительные котелки, начали подыскивать себе партнеров, а те, у кого маленькие, — варить в одиночку. У меня котелок был большой, и я предложил своему новому другу Маничу варить суп напару.

Манич отказался.

— Я питаюсь по-европейски, — сказал он.

Я думал, Манич просто-напросто заливает, но, оказалось, говорил он правду. У Манича была разработана стройная и продуманная система питания. Утром Манич вводил в себя большое количество продуктов, обеспечивал на целый день свой организм белками, жирами, углеводами, клетчаткой и витаминами. В обед Манич только слегка перекусывал, а на ночь снова наедался, как верблюд.

— Ночью организм должен хорошо питаться, — разъяснил Манич. — Учти, зуб мудрости отрастает только ночью.

Мне сильно хотелось есть. Я отклонил европейскую систему Манича и начал разводить костер. Когда вода в котелке закипела, я стал размышлять, что положить сначала — пшено или картошку? По логике вещей получалось, что варить первыми надо твердые и сухие вещества. Так я и поступил. Когда пшено забулькало, начало пузыриться и стрелять быстрыми горячими струйками, я бросил в котелок картошку. Но странное дело, картошка не разварилась и лежала в пшенной гуще, будто в панцире. Пришлось есть так, как было.

Я опустошил котелок и выкатил ложкой в костер сырые картофелины.

После обеда Пал Палыч начал собирать на репетицию участников художественной самодеятельности. За мной и Маничем никаких талантов не водилось, и поэтому мы решили прогуляться по берегу Вилюя и попутно заглянуть в жилище оленьего пастуха, которое виднелось на опушке тайги. Оленьи пастухи были заядлыми охотниками. Можно посмотреть и пощупать там мягкие и легкие, как пух, шкурки соболя, песца, белки, а если повезет, то и выпросить засушенную лапку лисицы с острыми длинными когтями.

Не буду полностью описывать, как мы шли, что делали и видели в маленьком жилище пастуха.

Представьте себе такую картину. В юрту входит черноволосый скуластый мальчишка с голубыми серьезными глазами. На мальчишке синий комбинезон, на ремешке болтается алюминиевая фляга в сером войлочном чехле. Проходит полчаса и мальчишка снова появляется на пороге. На его ремешке уже нет алюминиевой фляги. В потной ладони крепко зажат крохотный красный камешек на суровой нитке.

Не думайте, что тут произошел неравный обмен и хитрый пастух обманул неразумного мальчишку. Нет, все произошло чин-по-чину и в обиде не остался ни пастух, ни мальчишка в синем комбинезоне.

Произошло это так.

Я с Маничем вошел в юрту и увидел возле окошка худого морщинистого пастуха. Он сидел на круглой треногой табуретке и ковырял иглой рыжую собачью кухлянку.

— Капсе, дагор! — сказал я.

Пастух положил на пол кухлянку и отвел:

— Эн капсе!

«Капсе, дагор» — якутское приветствие и означает оно — «рассказывай, друг». Якуты здороваются так не случайно. Они редко

встречаются в тайге и поэтому сразу же хотят узнать, кто ты такой и какие есть на свете новости.

— Капсе, дагор! — скажет один якут.

Второй якут прищурит черные узенькие глаза и ответит:

— Эн капсе!

Это означает: «У тебя больше новостей, Не валяй дурака и рассказывай сам».

Я был сыном геолога и мог без ошибки найти в куче камней и осколок желтого халцедона, и оранжево-красного сердолика, и белоснежного, почти прозрачного доломита, и золотистого топаза, и крепкого, как сталь, серого диабазы.

У нас дома была небольшая геологическая коллекция. В деревянном ящичке лежали в квадратных гнездах камни, которые разыска-

Я вкратце рассказал оленьему пастуху про нашу школу, про то, кто мы такие, куда и зачем едем. О том, что мы украшали ПГТ цветами, а еще раньше собирались делать в заведении Арона Марковича модные прически, я, конечно, умолчал.

Олений пастух похвалил нас, сказал, что мы — деловые самостоятельные люди и попросил рассказать что-нибудь еще.

Я рассказывал пастуху разные разности и все время поглядывал на красный камешек, который висел на его шее на прочной суровой нитке. Я заинтересовался камешком совсем не потому, что люблю всякие безделушки, — очень они мне нужны!

ли в своих походах отец и мать. В самом центре ящичка, обложенный ватой, поблескивал, будто капелька загустевшей крови, огненно-красный пироп. Камень этот особенной цены не имел. Принеси такой пироп ювелиру, он и не посмотрит.

Геологи ценят пироп не за яркий цвет и красоту граней, а за то, что он спутник алмазов. Там, где есть пироп, — там и алмазы, где алмазы — там и наш знаменитый спутник пироп.

Весной, грохоча и спотыкаясь на камнях, бегут с гор мутные потоки. Ручьи вымывают из гор крохотные кристаллики алмазов и несут их вместе с пиропами в реку. Геологу

трудно разыскать на дне реки алмазную песчинку. Можно сто лет ходить по одному и тому же месту, да так и вернуться домой ни с чем.

Тут и приходит на помощь геологу пироп. Увидел один камень, второй, третий — и смело иди вверх по этой красной дорожке. Рано или поздно пиропы приведут тебя к цели и покажут алмазные кладовые. Геологи выслеживают коренные месторождения алмазов по красным камешкам, как охотники выслеживают зверя по следам.

Олений пастух заметил, что я поглядывал на пироп. Он снял камешек с шеи и подал мне.

— Однако, возьми, если тебе нравится.

Я взял пироп и тут же отстегнул с ремня алюминиевую, обшитую войлоком флягу.

У нас в Якутии такой обычай — если ты долго смотришь на вещь и она пришлась тебе по сердцу, — можешь считать, что она твоя. Но есть и другое неписаное правило: подарок требует ответного приношения. Дарить при этом надо более дорогую и солидную вещь, чем получил сам. Получил иголку — снимай кухлянку, взял седло — отдавай лошадь. Якуты любят ходить друг к другу в гости. Они чинно сидят возле огонька, пьют чай, но по сторонам зря не смотрят и чужих вещей не хвалят.

Манич жил у нас в ПГТ пять лет, но обычаев этих до сих пор не знал.

— Здорово ты его надул, — сказал Манич, когда мы вышли из юрты.

— Почему надул? — удивился я.

Манич завистливо посмотрел на мой кулак, в котором был зажат пироп, и хихикнул.

— Как будто я не знаю, что это драгоценный камень!

С дураками можно говорить только по-дурацки. Я не стал лезть на рожон и сказал Маничу, что выменял у пастуха самый настоящий алмаз. Красных алмазов в природе не бывает, но в данном случае это не имело никакого значения. Если Манич думает, что у меня алмаз, пускай думает.

Манич не сводил глаз с моего кулака.

— Ты его кому-нибудь продашь? — хриплым шепотом спросил он.

— Ага...

— А потом что?

— Ничего... Куплю что-нибудь или построю.

Я подумал несколько минут и начал вслух строить в нашем ПГТ двухэтажную каменную школу, телевизионную вышку, плавательный бассейн, цирк и кафе-мороженое «Север». После этих расходов у меня все рав-

но остался целый карман денег. Я посмотрел на Манича и в довершение ко всему построил в ПГТ больницу для кретинков.

Манич не понял моего намека.

— Зачем же больницу? — задыхаясь спросил он. — Пускай сами строят.

Манич полностью разоблачил себя. Передо мной был типичный индивидуалист, родимое пятно прошлого.

— А ты как бы потратил деньги? — спросил я Манича.

Глаза Манича зажглись, как фары. Не нужно много фантазии, чтобы узнать, где сейчас витали его мысли. Манич плыл сейчас на личной шикарной яхте по океану. Он сидел на палубе возле стола и курил толстую сигару. К столу один за другим подходили чернокожие рабы с бутылочками кока-колы на подносе, сэндвичами, живыми устрицами и мороженым-пломбиром с изюмом посередине. Они ставили подносы перед Маничем и кланялись этому дураку в пояс.

— Кушайте, мистер Манч!

Я ненавидел капиталистов и эксплуататоров. Если бы мне разрешили, я бы утопил всех до одного в Вилюе.

— А ты как потратишь деньги? — зловеще спросил я Манича.

Фары Манича вспыхнули последний раз и погасли.

— Отстань от меня! — сказал Манич.

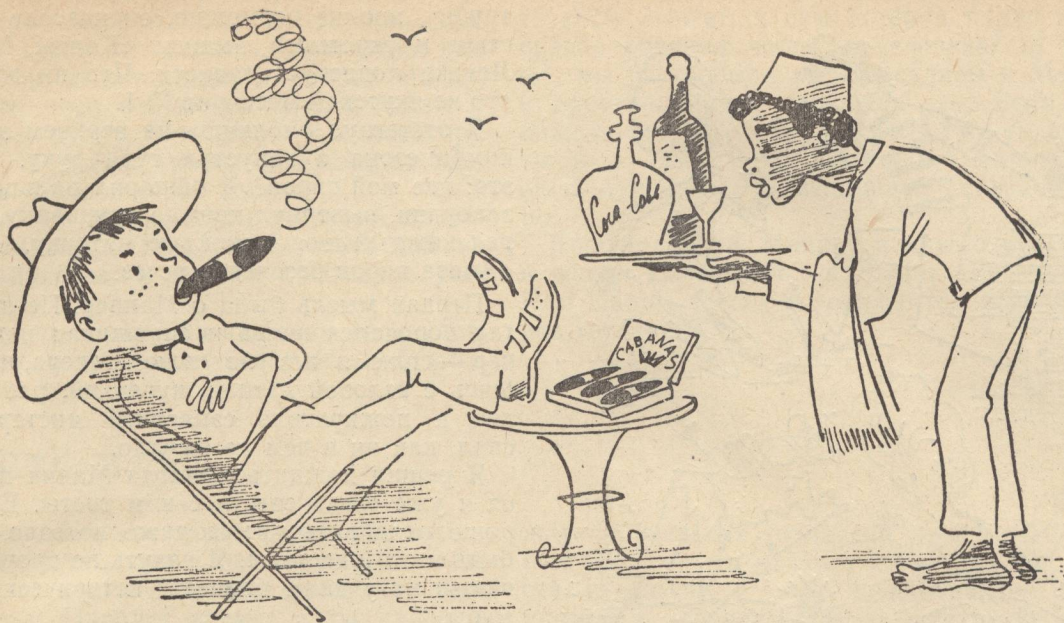
— Нет, ты говори! Раз ты так думаешь, ты говори!

Манич уперся и решительно не желал отвечать на мой вопрос. Собственно, что тут спрашивать, когда и так все ясно и понятно.

Едва мы пришли с Маничем к привалу, Пал Палыч впряг нас в работу — заставил собирать сучья для вечернего костра. Мы увлеклись этим делом и на время забыли о красном алмазе, кока-коле, сэндвичах, устрицах и прочей чепухе.

Костры бывают разные. Если вздумал заночевать в зимней тайге, надо разводить большое, жаркое пламя. На поляне крест-накрест укладывают толстые сухие стволы и поджигают снизу легкими сухими ветками. Позади костра не мешает насыпать высокий отвесный сугроб. Он защитит от холодного ветра и, будто рефлектор, будет посылать прямо на тебя благодатное, томительно разламывающее каждую косточку тепло.

А еще костры разводят от волков, от вредной кусачей мошкеры и просто так — костер для костра. Соберешь летним вечерком кучку хвороста, чиркнешь спичкой и глядишь, как плывет меж стволов и тает синяя задумчивая ниточка дыма. И кажется тогда — нет ничего

на свете краше этого костра, тонконогих, набежавших из чащи березок и тихой, вспыхнувшей в недоступной высоте неба звезды.

Но особое дело — пионерский костер. Складывают его из высоких прямых стволов, будто чум эвенка. Разожгут внизу сушняк, и пламя тут же с треском и гулом ринется к вершине и озарит и поляну, и реку, и плывущую вдалеке лодку, и всё-всё на свете.

Именно такой костер разожгли мы на берегу Вилюя вместе с седьмым-б.

Для начала Пал Палыч провел с нами коротенькую беседу про нашу будущую жизнь в поселке строителей, потом мальчишки и девочки рассказывали стихи и басни, потом

Ира-маленькая танцевала умирающего лебедя. Закончилось все старинной пионерской песней про картошку. Седьмой-б вел себя на этот раз прилично, только во время песни старался перекричать нас и вырваться со своими козлиными голосами вперед.

Тут же, на поляне, мы улеглись спать. Если б кто-нибудь пришел к нам ночью из школы и глянул на сонный лагерь, — ни за что не разобрался бы, где мы, где седьмой-б и вообще кто где. Но это, конечно, не было началом дружбы. Хитроумный седьмой-б еще не раз устраивал нам пакости. Но зачем топиться? Оставим пока седьмой-б в покое. Пускай спит...

БЕДА

Я прекрасно помню, как это было. После костра мы с Маничем легли спать на мягких сосновых ветках. Манич все время ворочался и мешал своими глупыми вопросами — сплю я или не сплю? Я лягнул Манича, и он моментально успокоился.

Я уже говорил, что сплю как убитый и, если меня не разбудить, могу проспять до самого вечера. Но на этот раз я проснулся от холода. Телогрейка, которой я накрывался ночью, сползла с меня и теперь лежала возле самых ног. На поляне было полное сонное царство. Забыв на время о доме и обо всем,

что еще связывало нас с прежней жизнью, каждый храпел и высвистывал, как мог.

Костер догорел. Низовой ветерок кружил серые лепестки пепла. Спать со второго захода я не умел. Я зевнул во весь рот, причесал пятерней свои жесткие прямые волосы и сразу вспомнил про оленьего пастуха и про то, что надо поскорее отослать в конверте пироп моему отцу.

Отец наверняка приедет сюда и разыщет новое алмазное месторождение — кимберлитовую трубку. У нас уже много нашли таких трубок — и «заполярную», и «удачную», и

«зарницу», и «мир». Если отец найдет новую трубку, вполне возможно, он назовет ее простым и скромным именем «Коля». И тогда Ленка лопнет от зависти. Что ни говорите, это не якутский метеорит № 1!

Я отстегнул «молнию» на верхнем кармане комбинезона и запустил туда руку. Но что это: где мой пироп? Я обшарил пальцами все закоулки, вывернул карман наизнанку, осмотрел каждый шов и каждую ниточку. Спутник алмаза пироп бесследно исчез.

Первая мысль была о Маниче. Не зря этот гад ворочался вчера и спрашивал целый вечер — сплю я или не сплю. Теперь, накрывшись с головой ватной шубейкой, рабовладелец и пожиратель сэндвичей мистер Манч спал, как ни в чем не бывало.

Я решил дожидаться, когда Манич проснется и уже тогда свести с ним счеты. Если хорошо разобраться, мне даже повезло. Могло быть в сто раз хуже. Я ничуть не преувеличиваю и могу даже привести исторические примеры.

Вот вам одна такая история. Мне рассказал отец. В ней все правильно до самой последней точки.

В далекие времена на прииске в Ост-Индии раб нашел огромный алмаз. «Вот это привалило, — подумал раб. — Продам алмаз и горю моему конец. И детей прокормлю и внучат черноголовых. Пускай живут...»

Унести алмаз с прииска было трудно. Куда ни глянешь — колючая проволока, цепные псы, стража. У ворот тоже заковыка: только подошел — обыск. Каждую складку ощупывают.

Подумал раб, подумал, а потом взял ножик и ткнул себя в поясницу. Перевязал рану и в середину покрасневшего вмиг платка спрятал драгоценный камень. Так и вынес его с прииска.

Вышел раб на берег океана и думает: «Что теперь, куда с алмазом верней всего податься?» А тут вдруг идет навстречу лихой матрос. Раб к нему.

— Так, мол, и так, — продай алмаз, а денежки поровну. И тебе хорошо и мне тоже. Ладно, что ли?

— О'кэй! — сказал матрос. — Все в порядке!

Как все у них там было, как рядились, как судились, точно я не знаю, но только совести у матроса оказалось не больше, чем у нашего Манича. Матрос утопил раба, а камень продал за двадцать тысяч марок губернатору английской крепости Питту. Богатство не пошло впрок убийце. Матрос промотал деньги и с горя повесился.

Губернатор продал драгоценный камень французскому королевскому дому. Пока там охали да ахали от радости, грабители высмотрели, где лежит алмаз, и унесли его из-под самого носа вельмож... Алмаз попал к берлинскому купцу, а от него — к императору Франции Наполеону, который приказал вдевать его в рукоять своей шпаги.

Если бы наш Манич жил в то время, он наверняка выковырял бы алмаз отверткой из шпаги Наполеона. Я в этом абсолютно уверен!

Прошло еще с полчаса и Манич проснулся. Он сбросил с головы шубейку и улыбнулся

ПРОСТО ВАНЯ

Города и даже вот такие маленькие поселки надо изучать долго и терпеливо. Но самое сильное и острое впечатление оставляет первая встреча. Пройдет время, и ты найдешь и тихую боковую улочку, и дом с кружевной резьбой над окнами, и узенькую скамеечку, на которой острый нож задумчиво вырезал ласковое и простое имя девчонки.

Но все равно, новым находкам не отнять и никогда не сгладить первого впечатления. Оно будет всегда жить в твоём сердце. Вот и сейчас я закрою глаза и вновь вижу на берегу Вилюя длинный прямой ряд бревенчатых домов. У них еще нет ни окон, ни дверей, ни деревянного крылечка, возле которого стоит замурзанный мальчишка с железным самосвалом на бечевке. На третий этаж ведут ребристые, заляпанные известкой сходни. В доме еще живет лесной воздух. Остро пахнут стружками, смолой и солнцем. Рядом с домом грохочет бетономешалка, суетится транспортер с прогнутой нескончаемой лентой.

Справа, возле самого лесочка, разбросаны низенькие, слинявшие от солнца и дождей палатки строителей, а чуть ближе стоит длинный деревянный барак. Над крышей барака дымит труба, из открытых дверей несет квашеной капустой. Повыше дверей висит новенький кумачовый лозунг: «Добро пожаловать!» Такие лозунги вешают у дверей клубов и военкоматов. Запах капусты и звон посуды сами за себя говорят, что это не клуб, а столовая. Впрочем, столовую можно условно назвать и клубом и красным уголком. По вечерам, отодвинув к стенке столы, здесь танцует под гармошку молодежь, пахнет одеколоном, пудрой и сапожным кремом.

У самой околицы поселка нас встретил шустрый черноглазый паренек в клетчатом пид-

такой милой и невинной улыбкой, что я растерялся. Может, я сам потерял пироп и напрасно обвинил честного человека? И вообще, мы часто были несправедливы к Маничу и просто-напросто затюкали его. Если тебе каждую минуту будут говорить, что ты дурак, ты и в самом деле можешь свихнуться и стать дураком. Это медициной доказано давно.

Короче говоря, Маничу я ничего не сказал и решил посмотреть, что будет дальше. Наш Пал Палыч всегда говорит — терпение и еще раз терпение.

жаке и узеньких городских брючках. С первых же слов мы узнали, что квашеная капуста и лозунг «Добро пожаловать!» имеют прямое и непосредственное отношение к нашему приезду.

— Мы вас уже давно ждем, — скороговоркой выпалил паренек. — Сейчас пообедаем, а потом я покажу вам стройку. Я воспитатель. Пошли скорее, повар волнуется.

Паренек говорил так быстро и слова ложились так плотно, что между ними невозможно было втиснуть не только свой вопрос, но даже лезвие ножа. Пал Палыч все же ухитрился найти на мгновение узенькую щель.

— Простите, как вас зовут? — спросил Пал Палыч.

— Иван Петрович. Но вы можете звать меня просто Ваня. Я человек не гордый. Я — штукатур, но сейчас я воспитатель. Я эту работу скоро брошу. Ну ее к черту! Пошли, что же вы стоите?

Мы подчинились воспитателю и пошли за ним.

Ваня распахнул дверь столовой и голосом, каким приглашают только на бал-карнавал, сказал:

— Заходи, братва!

Мы не знали, как вести себя с этим веселым суматошливым пареньком. Наше представление о воспитательной работе было несколько нарушено. Ваня не делал нам никаких замечаний, не совал нос, куда не надо и даже не замечал, что мы полезли за стол с немытыми руками.

Ваня трещал как заведенный. За полчаса мы узнали о нем столько, сколько не узнаешь об ином человеке за целый год. Если бы Ваня был учителем, он заканчивал бы свои уроки за десять минут. Мы даже пожалели, что

Ваня воспитывал каких-то других, незнакомых людей. Кто-кто, а мы бы уж нашли с ним общий язык!

В воспитатели Ваня попал по недоразумению. До Якутии он работал в городе Орле и вечером учился в десятилетке. Однажды молодого штукатура вызвали в комитет комсомола и предложили поехать в Якутию. Ваня не отбрыкивался, как некоторые другие, от холодных суровых краев. Собрал чемоданишко и фюйт на Север.

Приехали вместе с Ваней на строительство нового поселка много других пареньков и девчонок. Ребят привезли в палатку, выдали каждому новое вафельное полотенце с черным клеймом на уголке и сказали: «Живи!»

Запасного воспитателя у здешних строителей не оказалось, а добровольно идти на эту должность тоже никто не хотел.

Не успел Ваня понять, что к чему, как уже был воспитателем. Культинвентаря, без которого немислима серьезная воспитательная работа, Ване выдали немного — затрепанную одноактную пьесу без заглавия, коробку домино и две сапожных щетки. Одну для желтого крема, а другую — для черного.

Работы у Вани тоже было немного. Поднимать ребят на зарядку, следить, чтобы они чистили зубы порошком, заправляли как следует койки и отваживать их от дурных привычек. Ребята имели моду валяться в одежде на постелях и драить чужими одеялами ботинки. Две щетки, выданные под расписку, исчезли на второй же день несчастной Ваниной службы.

После обеда Ваня повел нас в общежитие. Строители дали две палатки нам и две палатки седьмому-б. Между прочим, у седьмого-б не было ни классного руководителя, ни преподавателя по труду. Неизвестно почему, и того и другого отправили перед самым нашим отъездом в ДОК, то есть в школьный деревообрабатывающий комбинат. Все заботы о седьмом-б свалились на Пал Палыча.

В просторной брезентовой палатке стояли одна возле другой четырнадцать кроватей. Семь — справа и столько же — слева.

Отпихивая друг друга локтями, мы бросились к железным койкам. Но тут суровый голос Пал Палыча пригвоздил нас к месту.

— Назад!

Удивленные и разочарованные, мы попятнулись на прежние позиции к порогу. Пал Палыч вышел на середину палатки и стал выкликать всех по очереди.

— Маниченко?

— Я!

— Занимай эту кровать.

— Курин?

— Я!

— Занимай эту.

Мне Пал Палыч указал самую плохую и кривоногую кровать. Но дело не только в том, что была она кривоногой. Моя кровать стояла между кроватями Манича и Леньки Курина.

Неужели даже здесь я не избавлюсь от этого ненавистного Леньки?

Пал Палыч распределил кровати и отправился с Ваней к остальным ребятам в другие палатки. Нам Пал Палыч приказал устраиваться и ждать дальнейших распоряжений.

После ухода Пал Палыча в палатке, как бывает всегда в новом незнакомом месте, сразу стало тихо. Я снял комбинезон и стал примерять новые штаны. Ленька застилал по своему вкусу кровать, а Манич сел на корточки перед тумбочкой и начал один за другим складывать туда сдобные, помятые в продовольственной мешке, коржики.

Манич долго колдовал возле своей тумбочки. Он уложил штабелями коржики, а затем затолкал туда же огромную, завернутую в газету, плитку сала. В палатке деловито и сухо щелкнул крепостной замок. Все обернулись и посмотрели на Манича.

— Повесь ключ на шею, а то потеряешь! — сказал Ленька.

Манич втянул голову в плечи, будто жулик. внезапно пойманный на месте преступления.

— Обойдемся без рыжих, — промямлил он.

Эта была постоянная острота Манича.

Возвратились Пал Палыч и Ваня. Пал Палыч сказал несколько фраз воспитательного значения, выразил надежду, что мы не ударим лицом в грязь и так далее и тому подобное.

— Надо избрать старосту общежития, — сказал Пал Палыч. — Предлагаю Леню Курина. Возражений нет?

Я промолчал. Если я выступлю против Леньки, значит, я автоматически выступлю и против Пал Палыча.

— Кто за Леню Курина, поднимите руки, — сказал Пал Палыч.

Все, кроме меня, подняли руки. Пал Палыч посмотрел в мою сторону и спросил:

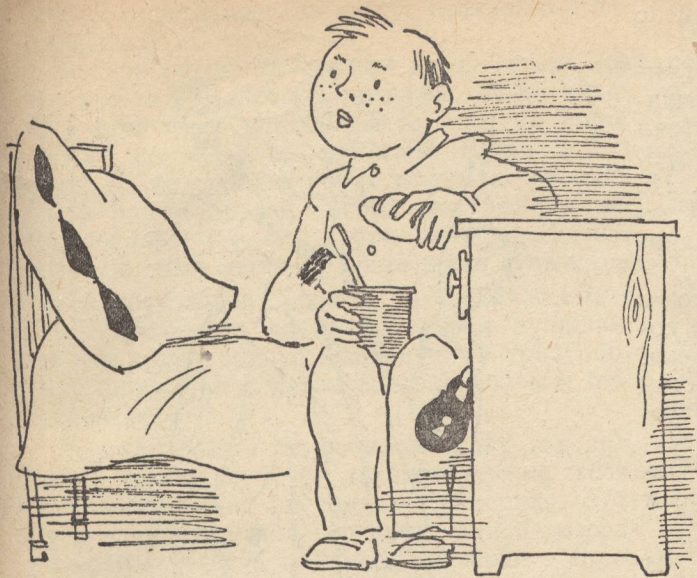
— Кто против?

Я снова не поднял руки.

— Кто воздержался?

Но и тут я не поднял руки. В конце концов это мое право — как хочу, так и голосую.

Выбрав органы самоуправления, мы отправились в поселок. Мы снова, теперь уже поближе, осмотрели деревянные коробки домов, бетономешалки и транспортеры. Пока мы

обедали, ничего там не прибавилось. Разве какой-нибудь новый кирпич да белая, обтесанная топором сосновая балка. Много еще пройдет времени, пока засверкают на солнце стекла и над высокой трубой колыхнется и поплывет к облакам серый лохматый дымок.

Рабочие встречали нас приветливо. Посмеивались и шутливо задирали при случае. Ко мне подошел пожилой якут-плотник. Он стал расспрашивать, кто я такой, и все время поглядывал на меня, будто искал сходства с кем-то другим.

— Погоди, сейчас я тебе чего-нибудь дам, — сказал плотник и стал шарить в карманах брезентовой куртки. Ничего подходящего там для подарка не оказалось. Только

лось больше, чем за всю мою прежнюю жизнь.

И только про спутник алмаза пироп я написал кратко и сдержанно: пошел к оленьему пастуху, выменял у него на флягу красный камень, а потом потерял. Пускай отец приезжает сюда и сам тут все разузнает — может, это настоящий пироп, а может, просто-напросто красная, никому не нужная стекляшка...

Я написал отцу о пиропе и снова стал вспоминать все, что было связано с этим злополучным камнем. Как прятал в карман, застегивал на «молнию», как ворочался вечером Манич и спрашивал меня — сплю я или не сплю? Нет, как хотите, а без Манича тут не обошлось!

ЗНАЙ НАШИХ

Кем вы хотите быть? Такой вопрос задал нам утром прораб Афанасьев. Прораб, который только ночью прибыл из тайги, оказался высоким худощавым человеком с большими профессорскими очками на крючковатом носу. Он был немножечко похож на волшебника и немножечко на попугая, который вытаскивает из коробочки и раздает направо и налево любое счастье.

У нас уже был опыт. Мы не торопились высказываться и терпеливо ждали, что скажет прораб. Это все-таки не в школе. Тут за оперных певцов могут надавать по шее. И еще как!

Наше молчание прораб расценил, как признак самостоятельности и душевной твердости.

— У нас любые спецы есть, — сказал Афанасьев. — И плотники, и каменщики, и маляры. В два счета обучим, только старайтесь. Но я думаю, лучше всего вам учиться на штукатуров: работа — прямо я тебе дам! Ведь верно, ребята?

— Верно! — негромко и вразнобой пронеслось по рядам. — Всю жизнь мечтали!

Афанасьев был увлечен идеей скоростного обучения и поэтому не стал распространяться про штукатурное ремесло.

— Пошли за мной, — сказал он. — Сейчас мы того — в два счета.

Прораб привел нас к большому трехэтажному дому. Внутри стучали молотки, слышались приглушенные голоса. Возле дома стоял без движения транспортер с длинным, прорванным в нескольких местах полотном. Не гудели его шестеренки, не бежали вверх по гибкой и легкой ленте розовые веселые кирпичи.

Афанасьев страшно расстроился. Лицо у него сразу помрачнело. Нельзя было без сожаления и боли смотреть на этого человека. Потрясая над головой маленькими жилистыми кулачками, прораб заявил, что его подвели под монастырь, зарезали без ножа, бросили в грязь и растоптали сапогами. Пал Палыч был спокойным и уравновешенным человеком, но и он не выдержал.

— Послушайте, — сказал он, — может, мы поможем вам как-нибудь?

Афанасьев сразу же уцепился за эту мысль.

— Ну, спасибочко вам, выручили, — поспешно сказал он. — Сегодня потаскаете кирпичики, а завтра починим транспортер. Как Афанасьев сказал, так и будет!

Афанасьев проявил небывалую прыть и тут же нашел всем нам работу. Одним велел носить кирпичи для печек, другим — гасить известку.

— Вы, Пал Палыч, не волнуйтесь, — сказал он. — Ребятам деньжат подбросим. У нас с этим дело того... одним словом, калькуляция.

Прораб вытащил из нагрудного кармана замусоленную записную книжку и ткнул пальцем в то место, где была калькуляция. Пал Палыч не стал проверять записи. Для нас главное не деньги, а производственная практика. Мы дали понять это прорабу с первого шага.

Мне и Ленке Курину досталось носить кирпичи. Дело это было совсем легкое и веселое. Прижмешь к груди пяток кирпичей и одним махом на третий этаж. Можно сто лет носить и то не устанешь!

Мы соревновались с Ленкой на выносливость и быстроту. Ленка возьмет пять кирпичей, а я, назло ему, — шесть. Ленка — шесть, а я семь. Бегали мы так, что под ногами плясали сходни и вниз сыпалась глина и всякая мелкая чепуха.

Ленка обошел меня на два круга. Но это совсем не значит, что он победил. У меня ноги короче, чем у Ленки. Настоящий судья или, как его еще называют, арбитр, должен

всегда судить объективно и делать скидку на ноги.

Наш бег с каждой минутой становился все тише, а кирпичи все тяжелее. У меня уже давно кружилась голова и подламывались ноги. Но все равно я не бросал работу. Пока Ленка не упадет и не запросит пощады, я не сдамся!

Пал Палыч вместе с ребятами из седьмого-б ссыпал в яму известку. Оттуда летела во все стороны белая едкая пыль. Мальчишки прицепили к своим носам намордники из носовых платков, то и дело чихали и отплевывались. Им тоже было несладко.

Пал Палыч вынул из брючного карманчика большие на медной цепочке часы и крикнул: — Перекур!

Нам очень понравилось это простое рабочее слово. Оно сразу сделало нас чуточку взрослее и самостоятельнее. Курить, конечно, никто не думал. Мы были некурящие. Мы сидели рядом с Пал Палычем и болтали, кому что вздумается. Пригревало солнце, внизу синел широкий в этих местах Виллюй. У самого

берега, зацепившись за кусты, послушно стояли облака.

Все утро я думал о своем доме. Теперь все это как-то само собой улеглось, ушло куда-то в сторону и прихоронилось там до поры. Ничего со мной не случится. Разве я тут один! Я смотрел на ребят и думал: хорошо, когда рядом друзья. Порой они бывают несправедливы и могут даже побить. Но все равно, с ними легче на свете жить и дышать.

Только Леньки Курина не было рядом с нами. Подвернув до локтя рукава рубашки, Ленька ходил вокруг испорченного транспортера, ощупывал с видом знатока болты и шестеренки.

Ленька всем и на каждом шагу говорил, будто разбирается в технике лучше всех. Этой чепухе, как ни странно, поверили. Когда в школе портилась розетка или перегорали пробки, всегда говорили: «Позовите Леню Курина. Он сделает». Подумаешь, большое дело — починить пробки! Если на то пошло, я разбираюсь в технике не хуже его. В том году, например, я изобрел мышеловку и она даже ловила мышей. Но я не звонил об этом по всей школе, потому что скромность украшает человека.

Ленька походил вокруг транспортера, будто мышь возле моей мышеловки, а потом залез под полотно и лег на спину, как шофер.

Ленька бережет ботинки и поэтому ходит босиком. Мне видна Ленькина нога с твердой желтой пяткой и сплюснутыми пальцами. Вот Ленька отогнул большой палец, будто что-то напряженно рассматривает и думает — так это или не так? На лице Леньки, которого я, конечно, не вижу, — раздумье и смутная надежда. Хлоп! — и палец снова стал на свое прежнее место. Ленька нашел то, что искал, и принял решение. Ступня Леньки деловито качнулась вправо и влево: «Сейчас мы все сделаем. Будьте здоровы!»

Что произошло под транспортером дальше, проследить я не успел. Нежданно-негаданно прибежал наш старый знакомый Ваня и передал нам страшную весть. Афанасьев или Афоня, как называл Ваня прораба, обвел нас вокруг пальца. Он даже не помышлял делать из нас в два счета штукатуров. «У меня тут не курсы, а производство, — заявил Афоня. — Пускай и за кирпичи благодарят». С транспортером, под которым лежал сейчас великий механик Ленька, тоже было совсем не так. Испортился он не вчера, не позавчера, а три месяца тому назад. И вообще, как заявил взволнованный и запыхавшийся Ваня, это был не транспортер, а гроб с музыкой.

Такого мы не ожидали. Все решили, что Пал Палыч немедля возьмет свою толстую, похожую на букву «Т» палку, и пойдет бить обманщика и эксплуататора. Если Пал Палычу придется туго, мы поможем. У нас — один за всех и все за одного.

Но странное дело — Пал Палыч даже и не думал вооружаться своей палкой.

— После обеда я с ним поговорю, — сказал Пал Палыч. — А сейчас — марш по местам!

Работа потеряла для нас всякий интерес. Мы уже не бегали по сходим, как сумасшедшие, и отдыхали, когда нам вздумается. В начале Пал Палыч покрикивал на нас, а потом махнул рукой. Он и сам понимал, что работать из-под палки нельзя.

Ленька отнес кирпичи два или три раза и вообще бросил работу. Он снова залез под транспортер и сидел там до самого обеда. У Пал Палыча тоже вдруг пробудился интерес к технике. Он сел возле Леньки на корточки и давал ему советы, будто главный консультант. Ленька огрызался из своего укрытия и, видимо, делал по-своему. На месте Пал Палыча я бы уже давно надавал этому Леньке по шее.

После обеда Пал Палыч поймал вероломного прораба Афанасьева возле столовой, вежливо взял его под руку и повел в лес. Мы подождали немного, но криков и стонов так и не услышали. Видимо, Пал Палыч уволок прораба в самую чащу.

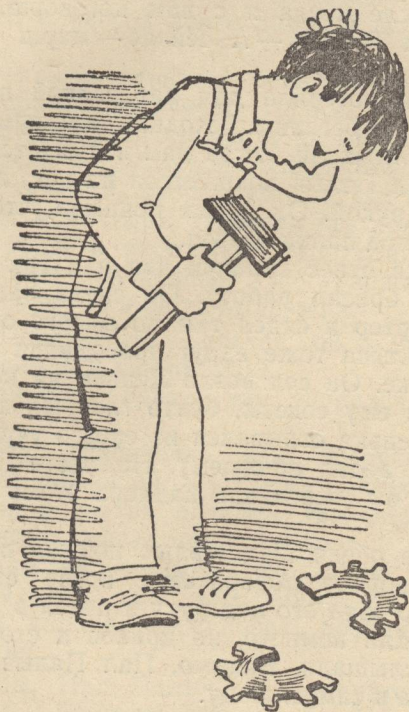
Мы были несовершеннолетние и поэтому на работу после обеда не пошли. Ребята из нашей палатки сели к столу резаться в домино, на высадку. Я достал из рюкзака книжку и лег на кровать.

Ленька Курин по-прежнему корчил из себя делового человека. Он раздобыл где-то плоскогубцы, молоток, разводной ключ и отправился к своему транспортеру. Чем это закончится, я знал заранее. Однажды Ленька разобрал дома швейную машину и ее потом не смог сложить ни один нормальный человек.

Книжка попалась нудная и я сразу же уснул. Мне снова снились короткометражные сны. Легкие, спокойные и по-домашнему уютные. Я сидел на кухне возле большой сковороды с жареным мясом, болтал ногой и рассказывал маме, как я жил в новом поселке, как меня единогласно избрали старостой общегития, как носил на третий этаж тяжелые кирпичи и обогнал на целых два круга Леню Курина.

Когда я проснулся, ребят в палатке уже не было. В квадратное окошко напротив меня

светило красное закатное солнце. Где-то в стороне слышались короткие глухие удары — ребята играли в волейбол. К ребятам я не пошел. Меня не принимали в игру, если даже было пустое место. Я зевал мячи и не умел тушить через сетку. У меня были короткие ноги.

Но сегодня это не огорчило меня, потому что счастье не в ногах. Я решил пройтись по берегу Вилюя, еще раз вспомнить свой сон и подумать о своей жизни. То, что я видел во сне, могло быть и наяву. Нужно только выработать определенные черты характера и навсегда покончить с трусостью. В самом деле, чем я хуже этого Леньки!

Солнце садилось за гребешок леса. По реке от одного берега к другому разлилось вечернее зарево. Вначале река была огненно-красной, затем, когда солнце задело горящим краешком за острые вершины деревьев, ста-

НОЧНЫЕ СТРАХИ

Хорошо все-таки было дома. Там — полная свобода. Отец — в тайге, мать воспитывает за свой счет редко, а бабушка с утра до вечера сидит возле печки и вяжет кофту. Бабушка с головой уходит в эту кофту. Она на-

ла фиолетовой, затем совсем синей и густой. На берегу стало холодно и неудобно, будто у догоревшего костра.

На взгорье темнел пустыми окнами наш недостроенный дом. Интересно, что там делает великий механик Ленька? Я посмотрел еще минутку и пошел на разведку. Главное, чтобы Ленька не увидел. Подумает, что я и в самом деле интересуюсь им.

Леньки возле транспортера не было. На земле, брошенные как попало, валялись плоскогубцы, молоток и разводной ключ. Рядом с транспортером стоял деревянный щит с большим черным рубильником в железном кожухе. Я вытер ладони о штаны и нажал на рубильник. Вспыхнул и тотчас же погас споник голубых искр. В транспортере что-то загремело, забренчало, но полотно даже не шелохнулось.

Минута раздумья — и я под транспортером. Устроен он проще мясорубки: две шестеренки, вал и бегущее вкруговую полотно. Я лег на спину и стал по очереди ощупывать каждую деталь. Поломку нашел быстро. Ничего серьезного тут не было. Просто-напросто разошлись в стороны шестеренки, которые вертели вал.

Ну и Ленька, такую чепуху и то не сумел найти!

Впрочем, хвастать пока нечего. Починю транспортер и пускай тогда сами делают выводы — и прораб Афанасьев, и Пал Палыч, и этот зазнайка Ленька Курин.

Знай наших!

Шестеренки были у самого края. Я выбрался из-под транспортера, поднял молоток, который бросил Ленька, и стукнул по коротеньким заржавелым зубьям.

А ну, еще раз! Еще!

Возле транспортера стоял звон и грохот, будто в кузнице. Я вошел в раж и лепил увесистым молотком по шестеренке, болтам и круглым, как пуговицы, заклепкам.

А ну, еще раз! Еще!

Я не знаю, как это случилось. Наверно, я не рассчитал свои силы и грохнул молотком сильнее, чем надо. Шестеренка неожиданно взвизгнула и развалилась на две части...

низывает одну петельку на другую и пришептывает про себя. Если задать вопрос, бабушка собьется со счета и тогда придется перевязывать. Я не задаю вопросов. Бабушка довольна мной, я — бабушкой. Можно делать что

угодно — расплавлять на печке олово, изобретать мышеловку, проводить под подушку электричество.

В тайге я потерял свободу. Ребята, которых я считал в принципе порядочными людьми, донесли Пал Палычу, что я ругался с Ленькой, валялся с книжкой на кровати, а потом ушел и никому про это ничего не сказал. Из-за этих клеветников я остался без ужина. Вечером, когда все уже сидело в столовой, а я возился возле транспортера, Пал Палыч сказал:

— Ужина Квасницкому в палатку не носите. Пускай сидит голодный.

Интересно, что они сделают, если узнают про шестеренку? Бросят в реку, посадят на цепь, линчуют? Не думайте, что я перебарщиваю или, как еще говорят, гущую краски. Я видел своих дружков насквозь!

Первый раз в жизни я лег спать голодным. Видимо, Пал Палыч не отдавал отчета в своих поступках. Учеников нельзя морить голодом, их надо убеждать и воспитывать по современной гуманной системе.

Ночь пролетела стрелой. Кажется, только закрыл на минутку глаза и вот оно, утро. В палатке стоит зыбкая синеватая мгла, а за окошком солнце уже высекает на острых вершинах лиственниц рыжие искры. Утро, будто костер, разгорается все жарче и жарче.

Я мигом влез в свой комбинезон, схватил со спинки кровати вафельное полотенце и побежал умываться на Вилюй. На берегу толпились березки. Они проснулись еще до рассвета, уже давно умылись и теперь смотрели в зеркальную гладь воды чистенькие, нарядные и веселые. Я глядел вокруг и улыбался. Все дарило этому тихому золотому утру свои маленькие добрые подарки. Старый пенек — горсточку рыжиков с иголками сосны на мокрых шляпках, береза — каплю росы с листа, а птица — песню.

Если б Ленька узнал мои мысли, он бы начал корчить гримасы и глупо хохотать. Леньке совершенно непонятно и недоступно прекрасное и возвышенное. Как только я мог дружить с этим грубым и диким человеком!

После завтрака все отправились на стройку. Впереди колонны вышагивал наш друг Ваня. Наконец-то этому человеку повезло. Ваня сбросил с помощью Пал Палыча ярмо воспитателя и стал в один момент инструктором производственного обучения. С таким инструктором мы пойдем далеко. В этом были уверены абсолютно все.

С известкой и кирпичами было покончено раз и навсегда. Пал Палыч припугнул прораба Афанасьева, и он поклялся, что сегодня

же придет слесаря, и транспортер снова будет работать, как часы! История с шестеренкой не беспокоила меня ни капельки. У слесаря этих шестеренок целый воз. Все было в порядке, все шито-крыто...

Ваня привел нас к домам, где мы вчера носили кирпичи и ссыпали в яму известку, и кратко объяснил задачу. Каждый день у нас будет четыре часа практики и один час теории. Все это Ваня берет на себя. Кто будет стараться, получит разряд и сможет работать в любой точке Советского Союза. Но лучше всего остаться в Якутии, потому что это край неисчерпаемых природных богатств и возможностей.

Ваня ставил задачу и все время поглядывал в тетрадку. Это был первый Ванин конспект по основам штукатурного дела. Речь Вани всем понравилась. Особенно то место, где он говорил о любой точке Советского Союза. Конечно, мы будем стараться. Какие могут быть разговоры!

Ваня закончил свою коротенькую речь, свернул трубочкой тетрадку и сказал:

— Пошли, братва, в дом. Там я все на практике покажу.

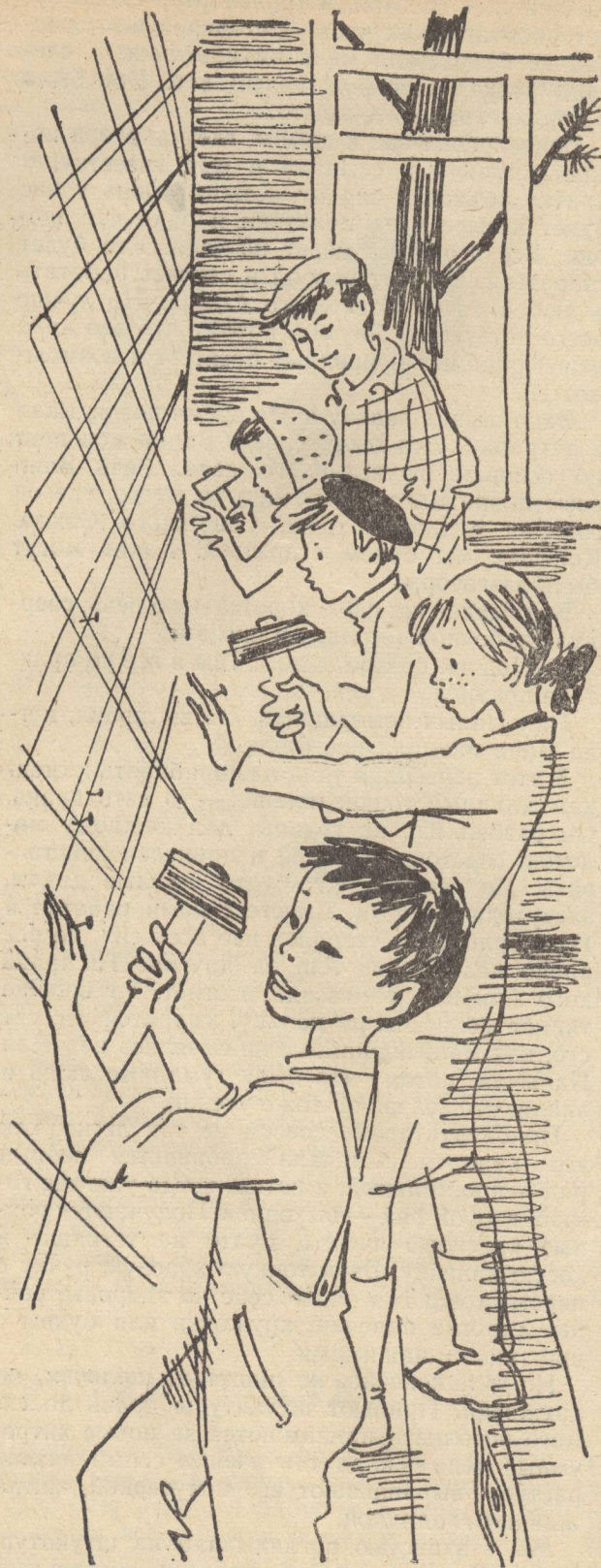
Пал Палыч поморщился. Он не любил, когда Ваня называл нас братвой.

В этот день Ваня учил нас прибивать к стенкам длинные тонкие планки — то есть дрань. Он разбил нас на группы, дал каждому молоток, горсточку гвоздей и приказал действовать. По всему дому, будто веселые дятлы, застучали молотки. Вместе с нами работал и Пал Палыч. Он старался изо всех сил, но все равно делал один ляп за другим. То дрань косо прибьет, то гвоздь изогнет, то вообще тыпнет молотком по пальцу, хмурится и сосет его, как мальчишка. Мы не смеялись над Пал Палычем, потому что были гуманные люди и знали, что сейчас он тоже ученик.

Прибивать дрань совсем не так легко, как это кажется. Сначала набивается первый ряд — простильный, а потом, когда уже все готово, второй ряд — выходной. Получаются ровные красивые ячейки, будто на тетрадке в косую линейку. Бери тонкую красную ручку с пером номер II и пиши себе на здоровье ровные строгие палочки, кружочки или буквы с шикарными нажимами.

Но тут, конечно, не пишут ни палочки, ни кружочки. Прибьют штукатуру дрань до самого потолка и принимаются за новые хитрые дела — кладут в ячейки серый вязкий раствор, выравнивают его полутеркой, заглаживают гладилкой.

Мы с завистью поглядывали на штукатурные причиндалы в углу комнаты, на все эти

полутерки, стальные лопатки для раствора, ковши и правила. Здесь были и маленькие увертливые инструменты, и посolidнее, для крепкой мужской руки. Название им штукатуры давали со смыслом и значением. Квадратную дощечку с острой, похожей на клюв, рукояткой внизу называли соколом, зубчатый педантичный молоток — бучардой, а коротенькую расторопную кисть — окомелком.

Через день, а может быть, через два, Ваня подойдет к этой горе инструментов, поглядит на нас, будто на солдат-новобранцев, и скажет:

— А ну, братва, получай!

А пока придется потерпеть. Дрань — это вам тоже не фунт изюма. Пока выучишься прибивать, сто потов сойдет. С каждой минутой дело у меня шло все лучше и лучше. Я уже не тюкал как попало молотком, а бил точно — в самый центр шляпки. Удар, второй — и гвоздь как миленький сидит в бревне. Рядом со мной трудились две Иры и Манич. Ленька Курин стучал своим молотком где-то наверху.

Ваня бегал с одного этажа на другой. Шумел, суетился, но в общем делал то, что надо. Он показывал, как правильно держать молоток, как вытаскивать кривые гвозди и как спастись от боли, если стукнешь сам себя по руке.

Четыре часа пролетели, как одна минута. Даже не хотелось бросать молоток и идти обедать. Это была моя первая в жизни работа. Раньше я тоже кое-что делал — выносил помойное ведро, чистил картошку и однажды даже мыл в комнате полы. Но все это было не то... Мелочь, пустяк, если хотите, — игра.

Никогда еще не было у меня так хорошо и легко на душе. Я был готов на все. Мог совершить какой-нибудь благородный поступок или помириться с Ленькой Куриным, если бы он сам подошел ко мне и попросил прощения.

Но я так и не успел сделать ничего хорошего.

Только мы пришли в столовую, только припали к алюминиевым мискам с борщом, на пороге появился прораб Афанасьев и вместе с ним слесарь с разводным ключом на плече. Афанасьев пошарил глазами по столовой и громко сказал:

— Пал Палыч, идите, пожалуйста, сюда!

КАРАУЛ, УБИВАЮТ!

Пришло новое утро, а потемки в моей душе не рассеялись. Каждую минуту я ждал, что Пал Палыч подойдет ко мне, тряхнет за шиворот и скажет:

— Признавайся, ты разбил шестеренку?

Работа не шла на ум. Молоток не слушался, гвозди гнулись и влипали в дранку, как горбатые червяки. Подошел Ваня. Показал головой, взял клещи и начал один за другим выдергивать противных червяков и бросать на пол.

Сейчас меня не интересовало ничто на свете, только шестеренка. Почему молчит Пал Палыч? Ведь я прекрасно слышал, о чем говорил в столовой прораб Афанасьев.

Я понимал, что выдаю себя с головой. Если человек хочет отвести от себя подозрение, нельзя беспрерывно охать и вздыхать. Я сто раз попробовал взять себя в руки и стал напевать на весь дом песню. С третьего этажа спустился Ленька Курин. В руке у него был молоток, за ухом, будто у настоящего плотника, лихо торчал карандаш.

— Кого у вас тут режут?— спросил Ленька, хотя прекрасно видел, что тут никого не режут, а поют веселые песни.

Странно, что все начали хохотать и даже повизгивать. Не смеялась только Ира-маленькая. Она наклонилась ко мне и тихо сказала:

— Коля, не надо петь. Они ничего не понимают.

С трудом я дотянул до обеда. Поскорее уйти куда-нибудь в тайгу, лечь на траву и забыть про все... Я сидел в столовой и, не разбирая никакого вкуса, запихивал в себя кашу.

В квадратном окошке возникла голова повара в белом измятом колпаке.

— Эй, работники, кому добавки?

Манич, который сидел рядом со мной, встал и отправился за добавкой. Я подумал минутку и тоже пошел к окошку. У человека с чистой совестью должен быть хороший аппетит.

Повар положил черпак жидкой ячневой каши, полил сверху маслом и бросил миску на железный подоконник. Миска завертелась, как волчок, и прыгнула прямо мне в руки.

— Следующий!

Веселый был этот человек, повар.

Удрать в тайгу не удалось. После обеда у нас был тихий час. Все разделись, легли на кровати и закрыли для виду глаза. Ленька Курин сидел на табуретке возле дверей в роли наблюдателя. Никогда не думал, что у него такие административные таланты.

Я повернулся на правый бок и закрыл глаза. Спать днем я долго не умел и поэтому проснулся скоро. В палатке стоял свист и храп. Ленька сидел на прежнем месте. Сложив руки кренделем, он спал.

Я смотрел на Леньку и думал, что все мои беды идут от него. Если б не Ленька, я бы ни

за что не полез под транспортер. Ленька всегда так. Сует свой нос, куда надо и куда не надо, а потом отвечай за него...

Пал Палыч тоже ведет себя очень странно. Подошел бы ко мне и сказал:

— Коля, я знаю все. Правда это или неправда?

— А кто вам, Пал Палыч, сказал?

— А то ты не знаешь кто. Конечно, Ленька Курин. Сознаешься или нет?

— Теперь я, Пал Палыч, сознаюсь.

— Молодец! Будешь так делать или нет?

— Не буду.

— Перевоспитаешься?

— Честное слово, перевоспитаюсь. Вы ж меня знаете!

Поговорил бы со мной Пал Палыч и все бы было в порядке. Я тоже масштабный человек и все понимаю...

Где-то возле палатки седьмого-б запел горн. Ленька вскочил на ноги, протер глаза и хрипло закричал:

— Подъе-о-м!

Мы повскакали со своих коек, умылись на скорую руку под железным рукомойником и отправились строем на теорию.

Сначала Ваня говорил с выражением и паузами, как на сцене. Но привычка взяла верх. Ваня сорвался с якоря и понес... Остановить его не было никакой возможности. Мы стояли возле Вани кружком и смотрели ему в рот. Вот это дает!

Ваня прикончил за десять минут всю теорию и начал показывать нам штукатурные приемы—как держать сокол, как набрасывать лопаткой раствор, заглаживать резиновой гладилкой, как проверять штукатурку деревянным уровнем с крохотным живым пузырьком в середине.

Грубые, неуклюжие на вид руки Вани длали все с каким-то нежным шикарным изяществом. Ваня не замечал нас, не слышал похвал и завистливых вздохов.

Пал Палыч тоже любовался Ваней. Если б Пал Палыч был в данный момент учителем, а Ваня учеником, он наверняка отвалил бы ему пятерку с плюсом. Он бы ему все простил—и то, что Ваня трещит, как пулемет, и то, что называет нас братвой...

И все-таки день закончился для меня плохо. Беда, которую я ждал с минуты на минуту, не проскочила мимо, не пронеслась стороной... Случилось это сразу же после теории. Пал Палыч собрал всех нас в кружок и сказал:

— Ребята, мне надо с вами серьезно поговорить...

Началось!

Пал Палыч обходился без вступлений, придаточных предложений и вводных слов.

— На транспортере разбили шестеренку, — сказал Пал Палыч. — Кто это сделал?

В ответ — ни звука. Ребята поглядывали друг на друга и молчали.

Не сказал больше ни слова и Пал Палыч.

Я догадывался, о чем он сейчас думает и что мог бы сейчас сказать: «Я ждал целый день. Я надеялся, что кто-нибудь подойдет ко мне и честно расскажет. Неужели и теперь не хватает у этого человека смелости? Кайся, ничтожество, я считаю до трех — раз, два, два с половиной, три!»

Но Пал Палыч мог считать с таким же успехом и до тысячи и до миллиона. Я стоял вместе со всеми и молчал. Я понял, что Пал Палыч ничего не знает про меня. А сам я не полез в петлю. Никогда. Ни за что в жизни!

Я не ошибся. Расчет у меня был точный. Пал Палыч ничего не знал. Он посмотрел вдруг на всех нас прищуренными, темными от злости глазами и сказал:

— Тот, кто разбил шестеренку, стоит сейчас здесь. Он трус и ничтожный человек. Пускай знает, я ненавижу его. Все, можно разойтись.

Пал Палыч раздвинул круг руками и, прихрамывая, пошел к палатке. Ира-маленькая побежала за Пал Палычем, но скоро вернулась расстроенная и заплаканная. Пал Палыч не желал говорить с ней.

Ну при чем же тут Ира-маленькая! Что он себе думает, этот Пал Палыч!

Никто не строил нас в колонну, никто не давал звонких, по-военному четких и строгих команд. Мы постояли еще немного и молча побрели домой.

И только возле палаток всех прорвало. Поднялся такой шум и гам, что мне снова стало страшно. Если ребята узнают правду, мне — капут.

Вечером Пал Палыч не пришел в столовую. Парламентеры, которых мы послали, вернулись ни с чем. Пал Палыч объявил нам бойкот.

Перед самым отбоем ко мне подошел Манич. Лицо у него было как у человека, кото-

рый только что поглядывал в шелку — ехидное и в то же время трусливое — а ну дадут по шее!

Манич отвел меня за палатку и зашептал на ухо.

— Коля, шестеренку разбил Ленька Курин...

— Врешь, — сказал я. — Ленька не разбивал!

— Разбивал!

— А я тебе говорю, не разбивал! Я сам...

— Чудак ты, — тербил меня Манич, — «разбивал — не разбивал». Ленька ходил к Пал Палычу и сам все рассказал. Я стоял за деревом и все слышал.

Это было похоже на правду. Манич умел подслушивать. Тут он мог дать фору кому хочешь.

— А ты что — рад? — спросил я Манича.

— Конечно, рад... то есть не рад. Теперь все знают, какой этот Ленька. Правда, Коля, как ты думаешь?

Манич задавал мне один вопрос за другим и между тем совсем не ждал и не слушал ответов. Он все распланировал, взвесил и решил Ленькину судьбу: разрисовать Леньку в стенгазете, написать Ленькиному отцу, исключить из пионеров, выбрать другого старосту.

Манич вывалил все свои конструктивные предложения и задал мне последний вопрос: согласен я с ним или не согласен? Да или нет?

Я посмотрел в упор на Манича и сказал:

— Нет, Леньке этого мало! Надо вырвать ноздри щипцами, снять скальп, а потом повесить на лиственнице.

Манич от удивления поперхнулся и сразу стал зайкой.

— Т-ты ш-шутишь?

Я был слабый человек. Ребята, бывало, колотили меня за трусость, отрывали на рубашке за здорово живешь пуговицы, а однажды поймали и нарисовали чернилами синие усы. Но сейчас я был сильнее всех на свете. Я сжал до боли кулаки и бросился на Манича.

Манич скакнул в сторону и с криком помчался по улице поселка:

— Кар-раул! Убивают!

Продолжение следует

СПРАШИВАЮТ — ОТВЕЧАЕМ

Дорогая редакция! Когда я вижу фотографии киноартистов, меня берет зависть. Я очень люблю музыку и смотреть кино. С самого детства я мечтаю стать артисткой. Учусь хорошо — двоек нету, а тройки есть, но немного. Я знаю, в театральное училище принимают талантливых. Но не все же киноартисты талантливые! Ведь чтобы стать артистом — учатся же! В городе ребята с детства занимаются в музыкальных и театральных школах, а в деревне этого нет. Когда мне родители говорят, что в театральное училище принимают талантливых и профессия актера тяжелая, я себе внушаю: все равно стану артисткой, несмотря ни на какие отговоры взрослых. У меня даже из головы не выходит это слово — киноактриса. Как мне быть?

Тася Еремина
с. Морозное

Мне часто задают вопрос, как стать актером. А я думаю: почему никто не спрашивает: как стать токарем, слесарем или ткачихой?

Почему, например, в редакцию «Костра» никогда не приходят письма с просьбой прислать фотографии известного рабочего или колхозницы? Зато письма со странной просьбой «прислать киноартистов по две штуки каждого» появляются чуть ли не каждый день.

Тася Еремина понимает, что актеру нужен талант. Но ей так хочется стать актрисой, что она как бы просит для себя исключения на тот случай, если у нее актерского таланта не окажется. «Не все же артисты талантливые!» — восклицает она.

К сожалению, не все, Тася. К большому сожалению для зрителей. Ведь именно зрители от этого страдают.

А ведь это ради них ты хочешь стать актрисой, не правда ли? Ради людей, которые, затаив дыхание, будут следить из зрительного зала за каждым твоим словом, движением...

Или я ошибся, и тебя, Тася, привлекает показной блеск, что сопутствует иногда работе артиста. А может быть, фотографии кинозвезд, которые можно купить в любом киоске?

Хочется верить, что это не так. Хочется верить, что ты всерьез думаешь о будущей профессии, что ты много читаешь, учишь стихи и отрывки из прозы, стараешься, чтоб не было троек — артист должен быть высококультурным человеком; тренируешь гимнастикой мышцы и, наконец, пробуешь свои силы в концертах, самостоятельных спектаклях. Ведь это самый верный способ узнать — стоит ли посвящать свою жизнь искусству или надо думать о другой профессии.

И последнее. Ты глубоко ошибаешься, Тася, если думаешь, что жизнь в деревне — помеха твоей мечте. Замечательный артист драмы и кино Лев Свердлин вспоминает о своем детстве: «Родился на Волге в рабочей семье. Отец дослужился до помощника машиниста. Мать — портниха».

Всеобщий любимец Борис Андреев родом из маленького Аткарска. Молодая киноактриса Татьяна Конюхова, известная по фильмам «Вольница», «Разные судьбы», приехала в Москву из Катта-Кургана, что в Средней Азии. Инна Макарова — уроженка далекой Сибири. А Тася Еремина — из села Морозного...

Впрочем, не будем спешить. Поживем — увидим. Всего тебе доброго, Тася, по какой бы дороге в жизни ты ни пошла.

Тасе Ереминой отвечает главный режиссер Ленинградского Театра Юных Зрителей и художественный руководитель драматической студии Зиновий Яковлевич Корогодский

Н. Владимирская

А. Томили

КОГДА ЧЕЛОВЕК НЫРЯЕТ

Рисунки
Г. Ковенчука

Смотри, две руки. Одна в стальной перчатке, как у древнего рыцаря. Другая — голая. Космонавт и аквалангист-подводник. Что между ними общего? На первый взгляд — ничего. Но если вникнуть поглубже...

И тот и другой уходят в чужой человеку мир. Космонавт в мир без давлений, без воздуха. Подводник — в мир повышенных давлений.

Слово водолазу. Представим себе на минуту пляж, а на нем человека, все тело которого разрисовано, как шахматная доска. Художник расчертил его не зря. На каждую клеточку, размером в квадратный сантиметр, давит сила, равная одному килограмму. Это вес воздуха.

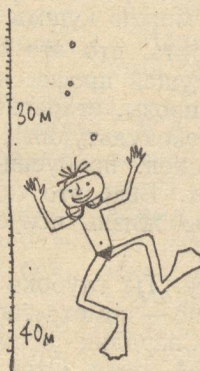
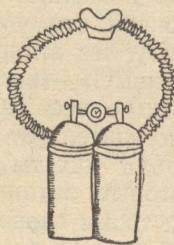
Вот и получается, что только на грудь и живот навалились почти три тонны. А человек этого не чувствует. Почему? Да потому что воздух есть и внутри тела человека. И давит он изнутри с той же силой. Значит — давление в три тонны снаружи и в три тонны изнутри.

$$3 - 3 = 0$$

Тяжесть уравновешена. Поэтому её и не ощущают. Ну, а если человек нырнул на глубину одного метра? Теперь на каждый квадратик груди и живота, кроме воздушного столба, давит еще и водяной. Сто кубических сантиметров — это сто грамм. Значит, на грудь и живот подводника давят уже не три уравновешенных тонны, а

$$3т + 300кг$$

Разве справятся легкие, разве поднимут они такую тяжесть?

Но как подводники-спортсмены опускаются на глубину 30, 50 и даже 100 метров? Как?

Они берут воздух с собой. Прибор акваланг — подводные легкие. В двух баллонах — запас сжатого воздуха. А тарелочка между ними — легочный автомат. Этот автомат регулирует давление воздуха, которым дышит подводник. Глубже ныряет человек — сильнее давит вода на него — под большим давлением поступает воздух в легкие. И снова внутреннее давление уравновешивает наружное.

Как человек дышит?

Он вдыхает воздух. Кислород из легких поступает в кровь — расходуется, а азот вдыхается и выдыхается обратно. Только совсем немножко его остается в крови. На поверхности земли это количество всегда одинаково.

Другое дело под водой. Человек нырнул. Глубже, глубже. Все выше и выше давление воздуха, поступающего из баллонов. Под давлением в крови человека растворяется все больше и больше азота.

Сначала подводник ничего особенного не чувствует. Потом ему становится весело и смешно. Затем человек теряет контроль над собой. И наконец — обморок. Наступает, как говорят врачи, «азотное опьянение». Это происходит на глубине 30—50 метров.

Скорее вверх!

Остановись, пока не поздно. Несется кверху человек, работает ластами. Что ни метр — падает давление. словно из раскупоренной бутылки лимонада, из крови человека выделяются пузырьки газа азота. Сначала чуть-чуть, потом больше, больше. Пузырьки азота раздувают кровеносные сосуды, могут даже закупорить сердце. Смерть тогда человеку!

Чтобы этого не случилось, подводные спортсмены поднимаются на по-

верхность осторожно, часто останавливаясь. Чтобы предатель-азот выделялся бы из крови постепенно.

Долой азот! Конечно, на глубине азот не годится. Но ведь, собственно, для дыхания он и не нужен. Будем дышать одним кислородом. Пробовали применять такие подводные аппараты. Но вот что удивительно — водолазы часто заболели воспалением легких.

Думали, думали врачи — отчего? И выяснили: виноват кислород, газ, без которого не обходится ничто живое. А на глубине свыше 20 метров кислород под давлением становится смертельно ядовитым.

Как же быть? Жить без кислорода нельзя. Нельзя и дышать им под давлением.

Значит, нет человеку доступа на большие глубины без жесткого скафандра, без подводных лодок?

А ведь есть и еще одна опасность, едва ли не самая главная.

Легкие человека пронизаны узенькими канальцами, по которым циркулирует воздух.

Но на глубине воздух так сжат, что становится намного тяжелее атмосферного.

Таким густым воздухом дышать почти невозможно. Точно так же, как трудно налить густое масло через воронку с узким горлышком.

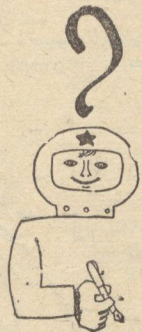
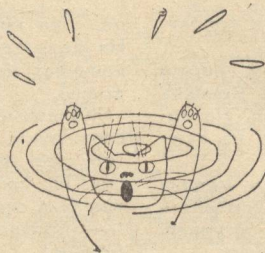
Нужен искусственный воздух. Прежде всего без азота. Но и не состоящий из одного только кислорода.

Трудную задачу предложили химикам. Все же совсем недавно ученые решили ее. Приготовили искусственный воздух. Азот в котором заменен гелием.

Гелий — лентяй, инертный газ, ни с чем не соединяющийся, ни на что не реагирующий. Он в три с половиной раза легче азота. Газ без цвета, без запаха. Газ, который очень плохо сжимается.

Словом, прекрасный заменитель азота в воздухе для дыхания. Ура гелию!

~~АЗОТ~~

Суди сам: гелий отлично разбавляет кислород и при повышенном давлении меньше растворяется в крови. При малом весе и малой плотности — быстрее выделяется из крови, когда давление падает.

Кажется, все чудесно. Но есть одно «но»...

Гелию не совсем ура!

Подвела теплопроводность гелия. Это способность проводить тепло, то есть охлаждать горячее и нагревать холодное до окружающей температуры. У гелия она гораздо больше, чем у азота. Поэтому водолаз, вдыхающий кислородно-гелиевую смесь, всегда ощущает холод в груди, будто под лямки его акваланга засунуто по льдинке.

И еще обнаружилась одна неприятность — плотность гелия меньше, чем у азота, и это изменяет тембр человеческого голоса.

Вот и получается, что на дно опустился громкоголосый, басистый смельчак, а связался по телефону с поверхностью — и услышали товарищи в трубке писклявый лепет.

Такой визгливый писк целый месяц доносился со дна Красного моря из стальных подводных домиков, установленных для экспедиции знаменитого исследователя морских глубин Жака Ива Кусто.

Слово космонавту.

Он уже взял авторучку в свою неуклюжую перчатку и даже успел поставить кляксу.

Но передумал.

— Вы подробно описали положение водолаза, дорогие авторы. Я бы сказал даже, слишком подробно, — заметил космонавт усмехаясь. — Зачем же я буду еще раз повторять все то же? Ведь между нами, космонавтами и водолазами, нет почти никакой разницы. Водолаз уходит в область повышенных давлений, а мы — пониженных. На водолаза давит среда снаружи, а на нас — изнутри. Всё просто наоборот.

Пусть читатели сами разберутся, нужен ли нам, космонавтам, искусственный воздух?

ШЕЛ ПО ПОРОДУ ВОДШЕБНИК

Юрий Толин

Рисунки С. Острова

Тихие рыбы высунулись из воды и закивали головами, словно провожая Толика.

Толик направил катер в море, к горизонту, держа курс прямо на заходящее солнце. Железный Человек стоял совершенно спокойно. Он даже не сел. Наверное, он просто не умел сидеть. Ему это было не нужно. Он не знал усталости.

Катер шел очень ровно, не вздрагивая на мелких волнах. Волны расступались перед ним. Управлять было легко. Толик даже попробовал бросить штурвал. Но катер все равно шел ровно, как по ниточке.

Берег быстро удалялся. Толик, закусив губы, вел катер, каждую минуту ожидая, что Железный Человек ему помешает. Ведь он приближался к какой-то Черте, к которой нельзя было приближаться на два километра. За этой Чертой можно увидеть что-то такое, о чем не знал даже Железный Человек. Может быть, там было страшное. Но сейчас Толику было все равно. Он боялся мальчика с голубыми глазами, ему надоели движущиеся дорожки и тихие рыбы. Он хотел вернуться к папе и маме. Он хотел снова учиться в школе. Он даже готов был каждый день получать подзатыльники от Чичи, лишь бы выбраться из этого странного и ленивого мира. И он думал о том, что даже если сейчас увидит выход, то все же придется вернуться, чтобы выручить Мишку.

Железный Человек шевельнулся.

— Через восемьсот метров поворот, — сказал он.

— Куда поворот?

— К берегу. Нельзя приближаться на два километра.

— Я поверну, — сказал Толик и еще крепче сжал штурвал. Катер несся по спокойному морю. И впереди был отступающий горизонт, и было солнце, уже окунувшее краешек в воду.

— Четыреста метров, — спокойно сказал Железный Человек.

Толик застыл у штурвала, глядя вперед. Там ничего не было, кроме воды.

— Двести метров.

Толик не обернулся.

— Сто метров.

Толик вцепился в штурвал так, что побелели пальцы.

— Ноль метров. Поворот.

Толик втянул голову в плечи, но не повернул штурвала. Катер продолжал идти прямо.

— Поворот. Поворот. Поворот, — несколько раз повторил Железный Человек.

Не обращая на него внимания, Толик пристально вглядывался вперед. Там ничего не было, кроме воды и большого солн-

ца, уже наполовину перерезанного линией горизонта. На одну секунду Толику показалось, что вода впереди начинает как бы вспухать. Но, может быть, это были волны.

Железный Человек подошел к Толику и положил свои руки поверх его рук, выворачивая штурвал. Катер стал заворачивать. Толик сопротивлялся изо всех сил. Но он ничего не мог поделать. Железный Человек был сильнее.

— Больно! — закричал Толик. — Отпусти руки! Мне больно!

Неожиданно Железный Человек убрал руки.

Толик снова вывел катер на прежний курс.

Железный Человек опять взялся за штурвал. Но теперь Толик, не дожидаясь, пока ему действительно станет больно, закричал еще громче:

— Больно! Ой, больно!

Железный Человек снял руки со штурвала и отступил. Казалось, он находился в нерешительности. В это время как будто внутри Железного Человека послышался голос:

— Немедленно поворачивай обратно!

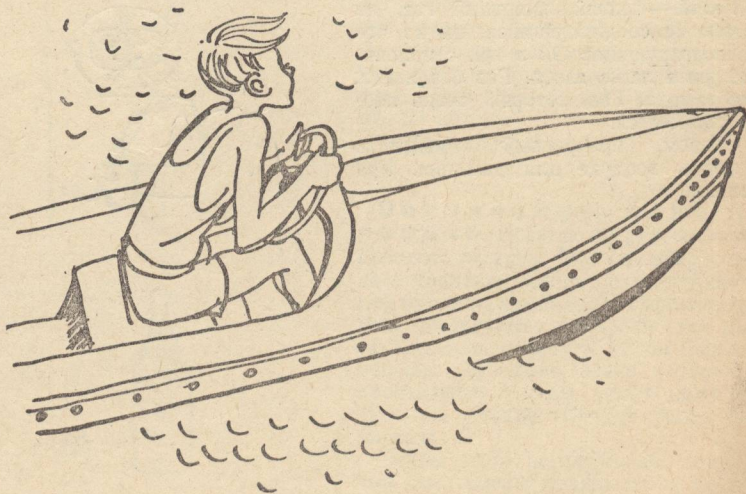
Голос был очень похож на голос мальчика с голубыми глазами.

Толик вздрогнул, но все же не свернул с курса. Катер по-прежнему несся прямо на заходящее солнце.

— Повернуть невозможно, — спокойно ответил Железный Человек. — Он не убирает руки.

— Оторви руки от штурвала. Бери управление!

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Мне приказано не причинять боли. Я не могу оторвать руки, не причиняя боли.

Голос мальчика взвизгнул и умолк. Железный Человек замер на корме, глядя на Толика.

А Толик смотрел вперед. Он видел, что вода впереди вспухает все больше. Катер прошел еще несколько метров. И вдруг перед самым носом катера словно кнутом хлестнуло по воде что-то яркое. По морю протянулась ослепительная оранжевая полоса и за ней Толик увидел конец моря. Но дальше было совсем не ничего. Там был город.

Толик увидел знакомые улицы и дома. Они были совсем близко. Они были сразу за концом моря, как будто возникли из моря. Толик увидел проспект и машины, которые спокойно катились по нему, увидел людей и булочную, и парк, над которым на мачтах развевались разноцветные флаги.

И еще он увидел кусочек своего дома, который выглядывал из-за соседнего дома повыше.

Толик жадно вглядывался в знакомые очертания и не замечал, что катер уже не идет вперед, что он неподвижно застыл на оранжевой черте. Толик замахал руками и отчаянно закричал:

— Мама, я здесь! Мама, это я, Толик!

Но никто из пешеходов на улице даже не обернулся на его крик.

И тут катер дал задний ход. Он медленно сошел с Черты и все исчезло. Все быстрее и быстрее катер шел к берегу кормой вперед, а там, где последний краешек солнца уходил за горизонт, уже ничего не было, кроме воды. Город исчез, словно растаял.

Навстречу катеру, вздымая буруны, мчался белоснежный теплоход.

Теплоход быстро приблизился, катер сам собой остановился и Толик увидел мальчика.

Мальчик стоял на капитанском мостике. Он был в форме капитана дальнего плавания. Губы его кривила злая усмешка.

— Ты хотел убежать?

Толик молчал, стараясь справиться с волнением. Ведь он только что был так близко от дома. Но маль-

чику нельзя этого показывать. Ведь он может заставить забыть папу и маму.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Я просто катался.

— Разве тебе Балбес не говорил, что пора поворачивать?

— Он говорил. Он мне даже руки выкручивал. А я не люблю, когда мне руки выкручивают. Я нарочно не послушался. Тебе бы, наверное, тоже обидно было, если руки выкручивать.

Мальчик нахмурился.

— Я тебе говорил, что нельзя причинять ему боль, — обратился он к Железному Человеку.

— Я его сразу отпустил, — отозвался Железный Человек.

— Если бы он не выкручивал руки, я бы сам повернул, — сказал Толик. — А так я нарочно не поворачивал. Из вредности.

Лицо мальчика слегка прояснилось.

— Я знаю, что мы с тобой подружимся, — сказал он. — Я очень люблю вредных людей. Я сам вредный! Я вреднее всех на свете! Ты уже готов к тому, чтобы стать моим другом?

— Еще немножко. Еще два денька, — попросил Толик. — Я ловил сегодня рыбу и мне понравилось. Но ты очень великий человек. Мне нужно привыкнуть.

— Я — Волшебник! — с гордостью сказал мальчик. — А ты — вредная жадина. И ты мне нравишься. Только помни, что никто не может со мной бороться. Мне не нужно было выходить из дома, чтобы вернуть твой катер. Ты видел, что он сам поехал назад?

Внезапно мальчик нахмурился, словно вспомнил что-то, и подозрительно посмотрел на Толика.

— Ты видел там что-нибудь? — спросил он, кивая головой на море.

— А чего там видеть? — удивился Толик. — Вода и все.

Белоснежный теплоход, быстро набирая скорость, пошел к берегу. И в ту же секунду заработал мотор катера. Толик не трогал штурвал. Сейчас ему было просто противно прикасаться к штурвалу. Но катер сам знал, что ему нужно делать. Он плыл к тому месту, от которого отчалил.

Выйдя из катера, Толик повалился на песок. Перед глазами у него все еще стояла оранжевая Черта, а за ней — знакомые улицы и кусочек дома, в котором он когда-то жил. Перед Толиком появлялись и исчезали знакомые лица: мамы, папы, Анны Григорьевны, толстого доктора, который сейчас казался просто чудесным человеком, Лени Травина, который так хорошо играет на скрипке, и еще многих, многих других. Все это были лучшие в мире люди. Жить без них казалось невозможно.

Размышления Толика прервал безучастный голос Железного Человека:

— Пора спать.

— Я не буду спать! — сердито сказал Толик. — Отстань!

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— А ты когда-нибудь делаешь, что хочешь?

— Я выполняю приказания.

— Неужели тебе никогда ничего не хочется? Например, стать человеком?

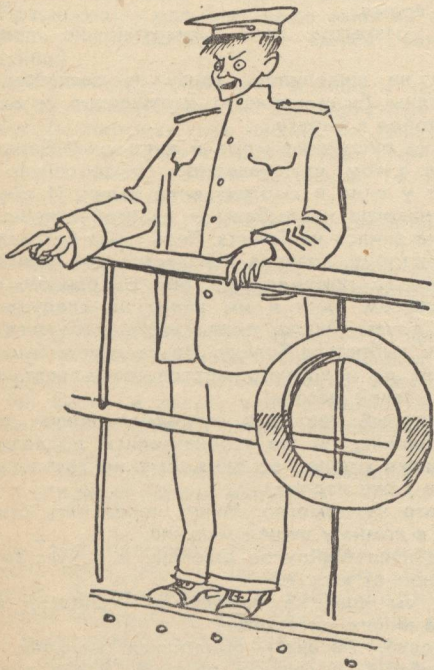
— Я — робот. Так приказал Волшебник.

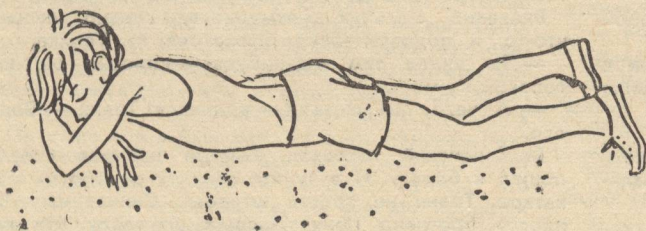
— Ты просто ябедник, — с обидой сказал Толик. — Ты... ты подхалим, вот ты кто!

— Непонятно.

— Замолчи лучше! — сказал Толик и швырнул в Железного Человека горсть песка. Тот не шелохнулся. На лице его сияла безмятежная железная улыбка.

— Он убьет Мишку, — сказал Толик скорее себе,

чем Железному Человеку. — Или превратит его в червяка. Ты понимаешь это?

— Дохлые, мертвые, помереть... — бесстрастно сказал Железный Человек. — Понятно. Человек и собака: раз — и нету.

— Вот тебя бы: раз — и нету! — возмутился Толик. — А мне он друг. Он, а не твой дурацкий Волшебник! Его нужно спасти. И ты мог бы мне помочь. Ты же просил меня помочь, когда висел, как сосулька. Ты даже сказал «пожалуйста»...

— Слово «пожалуйста» необходимо при разговоре с человеком.

— Вот и я прошу тебя, как человека: пожалуйста, помоги освободить Мишку. Ведь тебе все равно. Ты железный, тебе ничего не будет.

— Это не разрешается.

— Тогда молчи! — крикнул Толик. — Шпион железный! Не могу я с тобой разговаривать. У меня от тебя голова разболелась.

При слове «разболелась» Железный Человек слегка шевельнулся.

— Тебе нельзя причинять боли. Я не причиняю тебе боли.

— Причиняешь, — сказал Толик, и вдруг неожиданная догадка мелькнула у него в голове. Толик вспомнил, как при слове «больно» Железный Человек отпустил его руки. — Причиняешь, — повторил Толик. — Ты даже не хочешь сказать, где человек и собака. Мне от этого очень больно.

— Это не разрешается. Но от этого не может быть больно.

— Еще и как может, — сказал Толик. — Мне очень даже больно.

— Человек и собака в доме у воды. Двадцатый этаж.

— Это я знаю. А где дом у воды?

— Это не разрешается.

— Мне больно!

— Там, — сказал Железный Человек, показывая рукой вдоль берега.

Толик взглянул в ту сторону и увидел едва различимое в сумерках белое пятнышко на берегу.

— Ты молодец! — радостно сказал Толик. — Ты очень хороший. Ты не такой уж глупый. Ты мне очень нравишься.

— Непонятно.

— Ты... ты экономичный! — выпалил Толик.

И снова при последних словах Толика Железный Человек слегка шевельнулся, что означало, очевидно, великое удовольствие. Видно, все же он был не такой уж железный, каким казался с первого взгляда. Видно, и у него могли быть свои железные радости.

Мишка стоял у окна и смотрел, как большое красное солнце уходило за горизонт. Вернее, оно уходило за край моря. Еще вчера Мишка разглядел с высоты двадцатого этажа, что у этого странного моря есть край. Море кончалось каким-то обрывом. За краем обрыва было ничего. Не вода, не воздух, не небо, не звезды, а просто — ничего. В это ничего и скрывалось солнце. Даже не скрывалось, а становилось все меньше и меньше, будто таяло.

Уже прошло больше двух суток с тех пор, как часы на стене начали отстукивать время.

Сквозь открытое окно снаружи не доносилось звука.

Ничего не шевелилось внизу на песчаном пляже. Даже волны были какие-то игрушечные и замирали, едва подойдя к берегу.

Глядя на пустынное море и пустынный берег, Мишка думал о том, что, наверное, где-то сейчас вот так же стоит у окна и смотрит вниз Толик. И ему, как и Мишке, никогда не выбраться из этой страны. Сначала Мишка злился на Толика. Ведь из-за него случилась вся эта история, которая неизвестно чем кончится. Но потом Мишка подумал, что они с Толиком остались теперь совсем одни и им никак не следует злиться друг на друга. Мишка очень хотел выбраться отсюда и помочь выбраться Толику. Но за окном был пустынный пляж, да и до него метров шестьдесят. Не прыгать же с такой высоты!

Белоснежный теплоход, поднимая волны, которые, между прочим, тут же успокаивались, подходил к берегу. Мишка отошел от окна. Ему не хотелось видеть мальчика даже издали.

Но это не помогло. Минут через пять отворилась дверь и в комнату вошел мальчик.

Мишка взял Майду за ошейник и почувствовал, что она дрожит от злости.

— Ну, ты еще не передумал? — спросил мальчик. Мишка ничего не ответил.

— Слушай, Мишка, — продолжал мальчик. — Я сегодня добрый, Я сегодня щедрый. Я все равно пре-

вращу тебя во что-нибудь, но это будет завтра. А сейчас ответь мне: неужели тебе так трудно попросить прощения?

— А ты отпустишь меня с Толиком, если я попрошу прощения?

— Толик оказался очень вредным человеком. Он мне теперь нравится еще больше. Он ловил рыбу и катался на катере. Ему очень понравилось. Правда, он чуть не добрался до Черты... Но это вышло случайно. И он ничего не заметил. Он уже наполовину стал моим другом.

— Плевал я на твою Черту!

Мальчик засмеялся.

— Нет, ты не плевал. Ты даже не знаешь, что это такое. Ты и сам бы поплыл к Черте, если бы я отпустил тебя. Если подойти к Черте на закате, можно увидеть город. Если подойти к Черте с рассветом, то можно уйти. Это единственный путь, потому что на рассвете кончается вчерашний день и начинается сегодняшний. Теперь ты все знаешь. И теперь ты не уйдешь отсюда, даже если попросишь прощения.

У Мишки похолодели руки и ноги. Он с ненавистью взглянул на мальчика. Никогда и никого так не ненавидел Мишка за всю свою жизнь. Если бы он мог, то бросился бы на него, как Майда, и хотя бы раз двинул бы его кулаком, прежде чем превратиться в червяка. Но мальчик был надежно защищен от его ударов. Он спокойно смотрел на Мишку. И на лице его сейчас действительно не было никакой злости. Он выглядел так, будто пришел посоветоваться с Мишкой, во что лучше его превратить.

— Слушай, ты — волшебник? — спросил Мишка.

— Наконец-то ты это понял. Я — великий волшебник! Но тебе уже ничто не поможет. Впрочем, за эти слова я могу тебя пощадить. Ты останешься человеком. Но ты никогда не выйдешь из этой комнаты. Если, конечно, не захочешь прыгать с двадцатого этажа.

Мальчик засмеялся. Но Мишка продолжал, не обращая внимания на его слова.

— Ты — самый великий? Ты можешь сделать все, что угодно? Тебе стоит только пожелать?

— Правильно! — мальчик гордо выпятил грудь. — Ты начинаешь исправляться. Я — самый великий! Я — волшебник!

Мишка посмотрел мальчику в лицо и засмеялся.

— Тогда почему же ты выпрашиваешь у Толика дружбу? Ты просишь, как нищий. Ты хочешь дружить без спичек? Но разве с тобой будет кто-нибудь дружить? Ты можешь только заставить. Ты не великий волшебник, а великий нищий.

Мальчик вздрогнул, и глаза его засветились холодным злым огнем.

— Я превращу тебя в червя! — завизжал он.

— Ты сам в него давно превратился! — ответил Мишка.

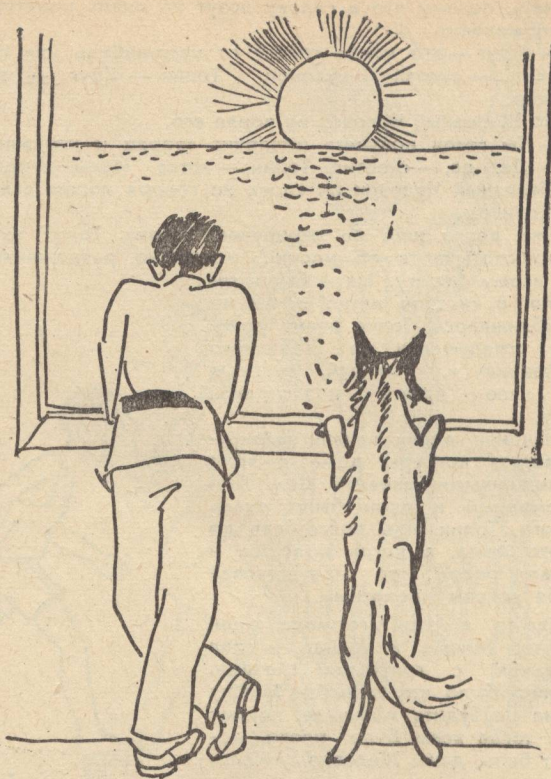
— Осталось восемнадцать часов! — От злости мальчик не мог стоять спокойно. Он извивался так, будто его стегали кнутом. — Восемнадцать! Восемнадцать! — орал он, пятясь к двери, словно боялся Мишки.

Дверь сама открылась и сама захлопнулась за мальчиком.

Мишка посмотрел на часы. Оставалось семнадцать часов и пятьдесят восемь минут.

Когда Толик проснулся, было совсем темно. На темном небе ярко светили звезды. Одна звездочка, самая яркая, быстро бежала по небу. «Спутник, — подумал Толик. — Значит, я уже дома и мне снится сон. Я ведь часто видел дома во сне спутники».

Толик приподнялся на локте. Рука его ощутила холод песка. Совсем рядом с еле слышным шелестом

накатывались на берег мелкие волны. Прямо перед Толиком застыла неподвижно высокая фигура Железного Человека.

Толик снова взглянул на небо. Спутника уже не было. Он прочертил среди звезд свой путь и ушел. Скоро он выйдет на дневную сторону Земли и увидит города, в которых живут люди. Наверное, над спутником не властен вчерашний день, если его можно видеть в этом странном и ненавистном мире.

Толик поднялся на ноги. Далеко, у самого берега, мерцала яркая звезда. Скорее, даже не звезда, а светлое пятно. Там был дом, в котором находились человек, собака и мальчик с голубыми глазами.

Внезапно Толик почувствовал, что он больше не может оставаться один. Он должен увидеть Мишку. Он пойдет туда прямо сейчас, ночью. Может быть, они вдвоем, как раньше, и придумают что-нибудь. И наплевать ему на мальчика и все его коробки, потому что дальше так жить невозможно.

— Я иду к дому на берегу, — сообщил Толик.

— Это не разрешается, — сказал Железный Человек.

— Нет, разрешается. Ты слышал, как волшебник сказал: «Балбес покажет тебе дорогу?»

— Ты уже готов к тому, чтобы стать другом волшебника?

— А ты сам-то знаешь, что такое друг?

— Друг делает подарки: дворец и магазины.

— Нет, — сказал Толик, — друг это... это... — Толик

запнулся и растерянно замолчал. Он не мог объяснить, что такое друг. Раньше он никогда не задумывался над этим. Они с Мишкой ходили вместе и сидели на одной парте. Этого было достаточно, чтобы их считали друзьями. Мишка заступался за Толика, а Толик тоже... тоже... чего-то там делал для Мишки. Сейчас даже не вспомнить, что. И лучше даже не вспо-

минать, потому что в голову лезут не очень приятные воспоминания.

— Друг — это когда спасет от чего-нибудь или помогает... — сказал наконец Толик. — Друг — это Мишка.

Но Железный Человек не понял его.

— Ты готов получить подарки: дворец и магазины?

— Да, да, — ответил Толик, — готов. Идем скорее.

Железный Человек ни слова не говоря пошел вслед за Толиком.

Они долго шли по скрипучему песку. Толик то и дело спотыкался об удочки, аккуратно разложенные по всему берегу. Идти было тяжело, а светлое пятно почти не приближалось. Толик очень устал. Он оглядывался на Железного Человека и, пожалуй, впервые за все время позавидовал ему.

Наконец вдали начали вырисовываться контуры дома с ярко освещенными окнами. Дом был громадный и окон было очень много. Толик еще долго шел до этого дома, а когда подошел и встал рядом, то почувствовал себя совсем крохотным.

Где-то в этой громаде жили сейчас Мишка и Майда, и спал мальчик с голубыми глазами. Нужно было как-то найти Мишку и не разбудить мальчика, потому что тогда всем будет плохо, может быть, даже Железному Человеку.

— Волшебника нельзя беспокоить во время сна, — сказал Железный Человек.

Толик чуть не подскочил на месте от радости.

— Конечно, мы не станем его будить, — прошептал Толик. — Пускай спит на здоровье. Это экономично.

Железный Человек слегка шевельнулся, и Толику показалось, что если бы не железные губы, то робот улынулся бы еще шире.

Задрал голову, Толик несколько раз обошел вокруг дома. Он не увидел ни одного темного окна. Во всех окнах двадцатого этажа горел свет. Толик попробовал вызвать Мишку старым испытанным способом. Он набрал мелких камней и стал швырять их во все окна по очереди. Железный Человек следовал за ним по пятам, но ничего не говорил. Очевидно, это не запрещалось. Или, быть может, мальчик просто не догадался запретить это.

Скоро у Толика заныла рука, но он так ничего и не добился. Ему не удавалось докинуть даже до десятого этажа.

Небо стало чуть-чуть светлеть. Толик с ужасом подумал, что скоро начнется рассвет и проснется мальчик и тогда ничего уже нельзя будет сделать. Но надо сказать, что Толик даже не думал уйти. Он в двадцать раз обходил дом и все смотрел, не покажется ли Мишка в одном из окон двадцатого этажа.

— Толик... — услышал вдруг он негромкий голос.

Толик с удивлением оглянулся на Железного Человека. Но Железный Человек молчал. Голос донесился сверху.

Толик поднял голову и в одном из окон увидел Мишкину голову.

А затем рядом с Мишкой появилась голова Майды и над притихшим берегом разнесся звонкий собачий лай.

Толик изо всех сил замахал руками, но Мишка, вид-

но, и сам догадался. Голова Майды исчезла, и лай прекратился.

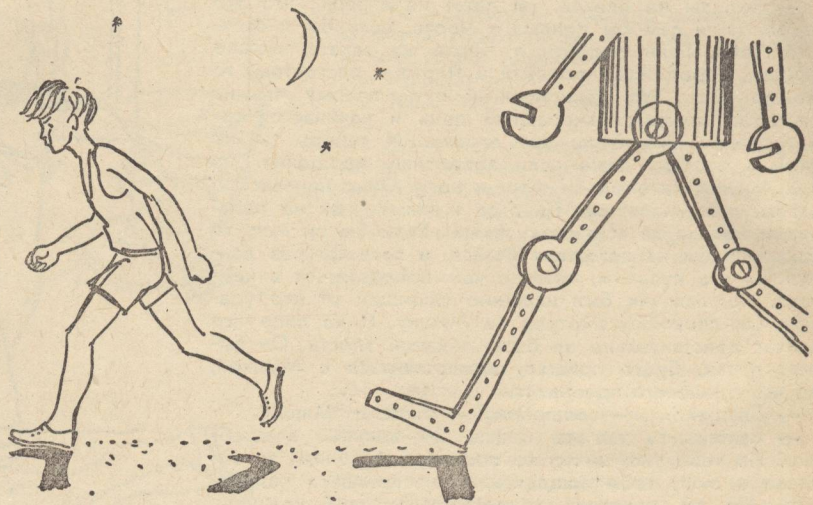
— Толик, я не могу отсюда спуститься. Дверь заперта, — тихо сказал Мишка. — Я знаю, как спастись. Мне только нужно выбраться.

— Я не могу войти в дом, — ответил Толик.

Они говорили очень тихо. Но и кругом тоже было тихо. Слышно было каждое слово.

Толик взглянул на Железного Человека. Трудно было понять по его виду, понимает он что-нибудь или нет.

— Сними оттуда человека и собаку, — сказал Толик,

стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно строже.

— Это не разрешается.

— Это мой друг, — жалобно сказал Толик. — Понимаешь, друг? Он погибнет, если его там оставить. И я тоже — погибну.

— Погибнет, — спокойно сказал Железный Человек. — Раз — и нету. Ты не погибнешь. Я — рядом.

Толик с отчаянием взглянул на небо. Оно стало еще чутьточку светлее.

Толик бросился к берегу. Железный Человек побежал за ним.

Толик не знал еще, чем можно помочь, но понимал, что нельзя терять ни одной минуты. Он надеялся, что попадется какая-нибудь очень длинная палка или веревка, которую можно будет забросить Мишке. Он не знал еще, как это сделать, но бежал по пустынному и гладкому берегу и лихорадочно оглядывался по сторонам.

А сзади, улыбаясь своей бессмысленной улыбкой, негнорпливо переставляя свои не знающие усталы ноги, бежал Железный Человек.

На пристани, возле которой стоял белоснежный теплоход, Толик нашел то, что искал. Это была большая бухта толстого пенькового каната. Зачем она тут лежала — неизвестно. Теплоход стоял покорно и тихо без всякой привязи.

Железный Человек без всякого усилия поднял бухту и понес ее за Толиком.

— Подними на двадцатый этаж конец каната, — сказал Толик, когда они снова подошли к дому.

— Я не могу тебя оставить. Я — всегда рядом.

— Тогда подними меня вместе с канатом.

Железный человек заколебался.

— Мне больно! Мне будет еще больней, если ты не поднимешь.

Железный Человек прицепил к себе конец каната, обхватил Толика одной рукой и полез наверх. Вот когда Толику было действительно больно. Ведь железные руки не чувствуют своей силы. Железные пальцы впились Толику в бок, и он едва удерживался, чтобы не закричать. Теперь Толик понял, что испытывали другие, когда он жал им руки.

А Железный Человек, цепляясь одной рукой за карнизы и подоконники, лез наверх. Толик глянул вниз и ему стало так страшно, что он забыл о боли. Ноги его болтались в пустоте, руками он изо всех сил вцепился в Железного Человека. А внизу, как на дне пропасти, разматывалась бухта каната, которая казалась отсюда совсем маленькой.

А Железный Человек лез наверх с железным бесстрашием. Порой его пальцы могли ухватить только маленький кусочек подоконника. Подоконник гнулся и готов был обломиться, но Железный Человек подтягивался на одной руке и поднимался еще выше на один этаж.

Толик уже ни о чем не думал. И когда они добрались до двадцатого этажа и Железный Человек опустил его, Толик свалился на пол комнаты почти без сознания.

Очнувшись от прикосновения чего-то теплого и мокрого. Прямо в лицо ему дышала Майда. Она лизала Толика в щеку. А рядом стоял Мишка.

— Ты сумеешь спуститься? — спросил Мишка, не обращая внимания на Железного Человека.

Толик кивнул. Мишка нагнулся и прошептал Толику на ухо:

— Нужно обмануть этого Балбеса. Я знаю про него. Он всегда рядом с тобой. Он тебя не отпустит.

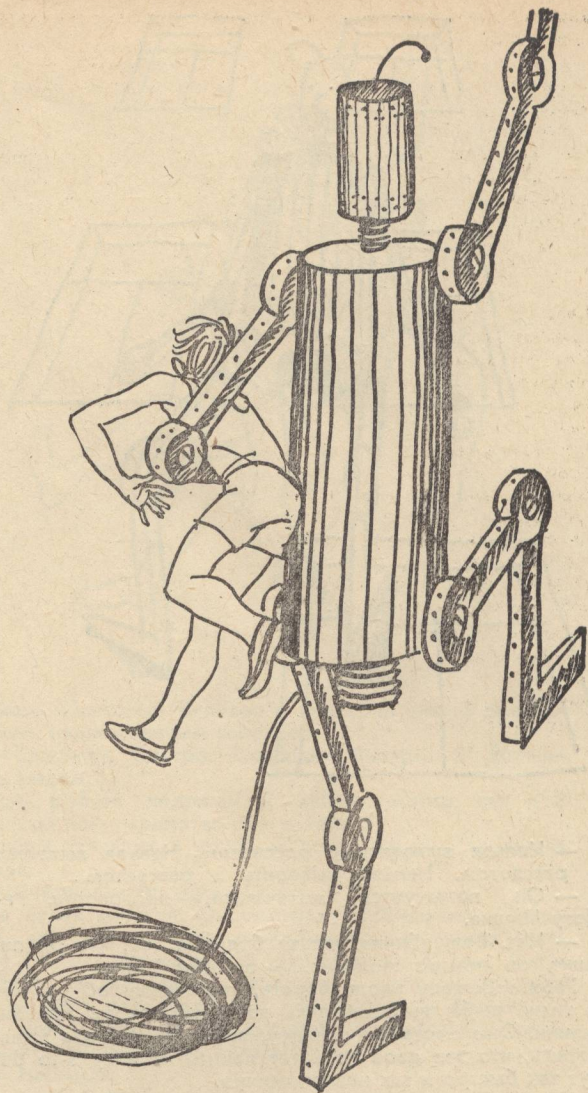
— Полезаешь, — прошептал Толик. — Я его обману.

Мишка связал Майде лапы поводком и посадил ее себе на спину. Умная Майда не издала ни одного звука, как будто понимала, в чем дело. Железный Человек улыбаясь смотрел, как Мишка исчез за окном. Очевидно, у него не было приказа следовать за Мишкой.

Толик выглянул в окно. Мишка был уже на земле. Толик внимательно оглядел комнату. Затем он подбежал к постели, сорвал с нее одеяло, покрывало, матрац и бросил все это на пол. Железный Человек со свойственной ему аккуратностью принялся застилать постель. А Толик носился по комнате и сбрасывал на пол вазы, опрокидывал стулья и скидывал скатерти со столов. Железный Человек терпеливо восстанавливал порядок.

Выбрав минуту, когда Железный Человек повернулся к нему спиной, Толик бросился к окну. Сейчас он думал лишь о том, чтобы добраться до земли как можно быстрее. Он обхватил руками канат и, обжигая руки, помчался вниз. Он спускался зажмурившись — от этого было не так страшно. Открыл глаза Толик лишь тогда, когда ноги его коснулись земли. И в ту же секунду в окне двадцатого этажа показался Железный Человек. Он не стал тратить времени на размышления. Он спокойно шагнул вперед и полетел вниз, с каждым мгновением набирая скорость. Ребята едва успели отскочить в сторону. Железный Человек со свистом промелькнул рядом с ними и врезался в песок пляжа. Он упал на бок, но тут же поднялся и стоял, покачиваясь и улыбаясь своей неподвижной улыбкой.

Мишка застыл на месте. От удивления он не мог бежать. А Толик, который знал Железного Человека гораздо дольше, чем Мишка, видел, что на этот раз не все обошлось благополучно. Что-то надломилось в железных внутренностях. Железный Человек стоял не

прямо, как всегда, а на чуть согнутых ногах. И голова у него как будто немного свернулась на сторону. Но он стоял молча и улыбался. И Толику почему-то было немного жалко Железного Человека.

Первым опомнился Мишка. Он взглянул на море, где уже начинало светлеть у кромки горизонта, и прошептал:

— Здесь есть лодка?

— Я знаю, где стоит катер.

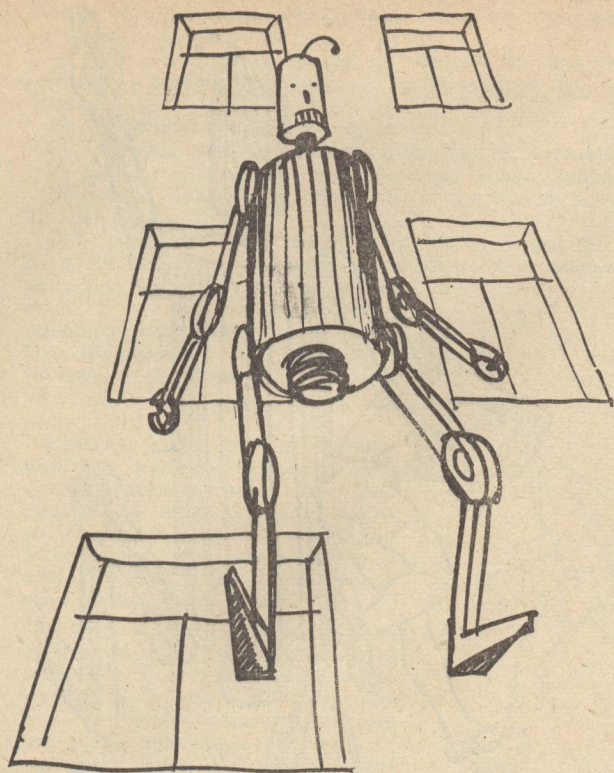
— Бежим туда.

Едва ребята сделали первый шаг, они услышали по-прежнему спокойный, но немного дребезжащий голос Железного Человека:

— Нельзя выходить с рассветом.

— Бежим, он сломался, — шепнул Толик.

Ребята бросились бежать по берегу. Железный Человек заковылял за ними. И теперь уже стало совершенно ясно, что он сломался. Он не успевал за ребятами. Он бежал, неловко подпрыгивая, широко расставляя ноги, и постепенно отставал все больше и больше. Все тише и тише звучал за спинами ребят его дребезжащий голос:

— Нельзя выходить с рассветом. Нельзя выходить с рассветом. Нельзя выходить с рассветом...

— Он пожалуется мальчишке, — проговорил на бегу Мишка.

— Нет. Волшебника нельзя будить... Все, что он помнит, он помнит железно... — ответил Толик.

Ребята бежали вдоль берега, спотыкаясь об удочки, и тихие рыбы высывались из воды при их приближении. Они смотрели с недоумением, как будто удивлялись, что эти двое не хотят ловить их и куда-то бегут так быстро и так неэкономично.

Они отбежали уже довольно далеко от дома, но вдруг Мишка схватил Толика за руку и остановился. Он показал рукой на горизонт, который уже стал наливаться нежно-зеленым светом, и сказал:

— Мы не успеем. Он встает очень рано. Он увидит канат. Он увидит наш катер в море...

Майда остановилась впереди ребят. Она с удивлением повернула голову и залаяла. Она так хотела бежать дальше. Ведь она давно уже не бегала.

Сегодняшний день был особенный. Едва открыв глаза, мальчик с удивлением вспомнил, что сегодня истекает срок, данный Мишке. Мальчик уже вчера решил, что сначала он превратит Мишку в червяка. Потом, когда Мишка поживет в земле с недельку, он превратит его в тихую рыбу и будет ловить его и отпускать обратно. Потом он будет превращать его еще во что-нибудь и так до тех пор, пока Мишка не попросит прощения. И если Мишка попросит прощения, он навсегда превратит его в катер и больше ни во что уже превращать не будет.

С такими приятными мыслями мальчик поднялся со своей золотой постели. Он прошел через двадцать

две своих спальных комнаты и вышел к лифту. Через несколько секунд он был уже в подвале. Там хранились коробки с волшебными спичками. Мальчик заходил сюда каждое утро. Как обычно, все было в порядке.

Мальчик поднялся на первый этаж. Он вышел на площадку перед подъездом. Было раннее утро. Солнце еще не взошло, но утреннего холодка не чувствовалось. В доме и на улице была всегда одинаковая температура: 25 градусов. Мальчик с гордостью подумал, что только у него никогда не бывает ни весны, ни осени, ни зимы — сплошное лето. А море, в котором сейчас мальчик собирался искупаться, было теплее, как чуть остывший бульон.

Мальчик ступил на теплый ровный песок. И сейчас же машины на стоянке зафырчали, слегка вздрагивая. Любая из них готова была везти мальчика хоть на край света. И одновременно с машинами заработали моторы катеров, стоявших невдалеке от берега. Они были только для мальчика и только ему подчинялись.

Но мальчик не обратил на все это никакого внимания. Он давно уже привык к таким мелочам. Они не радовали его. И если бы ему не лень было придумать, он давно придумал бы что-нибудь получше.

Мальчик дошел до угла дома и остановился. Он увидел канат, свисавший с двадцатого этажа. Мальчик с тревогой взглянул в сторону моря. Оно было пустынным — ни лодки, ни катера. Мальчик усмехнулся, и в глазах его засветились злые голубые огни. Не нужно много ума, чтобы понять бессмысленность этого побега. Разве можно спрятаться от волшебника в его собственной стране?

Какая-то тень шевельнулась за углом здания. Мальчик взглянул в ту сторону и глаза его вспыхнули еще ярче. Он увидел притаившихся ребят. Они были заодно — Мишка и Толик. Значит, Толик обманул его. Это он помог выбраться Мишке из дома. Ну что ж, еще одним червяком станет больше.

Мальчик провел рукой по тому месту, где должен был быть карман, и побледнел. Он вышел купаться в трусах. У него не было спичек.

Мальчик бросился к подъезду и в ту же секунду услышал за спиной крик:

— Толик, держи его, он без спичек!

Мальчик слышал, как быстро бежит Толик. Ему было страшно. Он слышал, как быстро и неэкономично стучит его собственное сердце. Ему было очень страшно. У него подкашивались ноги. Он видел дверь подъезда, до которой нужно было добраться, и больше ничего не видел. Он бежал изо всех сил. Но его ноги отвыкли бегать. Они не слушались мальчика.

Толик с разбегу прыгнул ему на спину и они покатались по песку.

Никогда еще Мишка не видел такой короткой драки. Она окончилась в одну секунду. Мальчик лежал на спине и возил ногами по песку, стараясь ударить Толика. Он был старше и крупнее Толика. Но он трусил. У него просто отнимались руки от страха. Огоньки в глазах его вспыхивали часто и злобно. Он с ненавистью глядел на Толика. Но сейчас он не был похож на волшебника. Он был самым обыкновенным трусом.

Майда прыгала вокруг и старалась укунить мальчика. Но она каждый раз натывалась на невидимую преграду. Подошел Мишка и встал неподалеку. Ему тоже что-то мешало подойти совсем близко.

Мальчик скосил глаза и увидел Железного Человека, который, как обычно, стоял рядом с Толиком.

— Балбес... — крикнул мальчик.

— Я — здесь. Я — рядом.

— Зажми ему рот! — крикнул Мишка.

Толик зажал ладонью рот мальчика. Тот впился в нее зубами. Толику было очень больно. Но он не отпустил руки. Железный Человек остался стоять на месте, безразлично улыбаясь. Он спокойно смотрел, как Толик сидит верхом на его хозяйине, но не двигался. Ведь он не получил приказа...

Мальчик понял, что ему уже никто не поможет. Как хотелось ему, чтобы в руках у него оказалась хотя бы одна спичка. Он превратил бы в пыль этих жалких людешек. Он убил бы их на месте!

— Отпустите меня, — плаксивым голосом сказал он, — я покажу вам, как отсюда выбраться.

Голос мальчика был смирный и жалобный. И лицо его было жалобное. Но глаза выдавали его. В них плясали знакомые Толику голубые огни.

— Держи его, Толик, — сказал Мишка. — Ему нельзя верить.

— Честное слово... — проговорил мальчик.

— Заткнись лучше, — сказал Толик.

Мальчик изо всех сил рванулся и закричал:

— Балбес, хватай!..

Но Толик не дал ему договорить. Он припечатал ладонью рот мальчика.

— Непонятно, — ровным голосом сказал Железный Человек, глядя на своего хозяина, извивавшегося под Толиком.

— Толик, давай быстрее, — сказал Мишка, поглядывая на горизонт, из-за которого уже скоро должно было появиться солнце.

— А чего быстрее? Я же не могу его отпустить!

Мишка снял с себя рубашку и протянул Толику.

— Завяжи ему рот. Ему ни на секунду нельзя верить.

Толик обмотал рубашку вокруг головы волшебника и завязал рукава на затылке.

— Иди, — приказал Толик. — Иди, пока я тебя ногой не стукнул.

Мальчик покорно поплелся к павильону, в котором он обычно завтракал. В павильоне было много столов, на них стояли тарелки с едой, но сейчас ребятам было не до еды. Мишка отцепил поводок Майды. Они втолкнули волшебника в уборную, в которой почему-то стояло пятнадцать золотых унитазов, и крепко прикрутили поводком ручку двери снаружи.

Тотчас же с другой стороны двери послышался грохот. Это волшебник колотил в дверь ногами, стараясь выбраться из своей ослепительной уборной.

Но ребята уже бежали по берегу, а вслед за ними

ковылял Железный Человек и повторял своим дребезжащим, надломленным голосом:

— Слишком быстро. Слишком быстро. Я должен быть рядом.

Едва ребята подошли к катеру, мотор, как и в прошлый раз, заработал сам собой.

Мишка прыгнул в катер и вслед за ним прыгнула Майда.

— Скорее! — крикнул Мишка.

Но Толик мешкал. Он смотрел на Железного Человека, который, странно наклонившись и волоча ноги, брел по берегу метрах в двухстах от катера. Толик смотрел на Железного Человека и какая-то непонятная жалость овладевала им все больше и больше.

— Давай возьмем его с собой, — предложил Толик.

— Что он там будет делать?

— Не знаю.

— Хотя, можно его разобрать и посмотреть, как он устроен, — сказал Мишка. — А потом мы сами сделаем такого.

— Нет, не надо разбирать, — сказал Толик. — Давай лучше поедем.

Толик повернул штурвал и катер стал удаляться от берега.

Толик видел, как Железный Человек подошел к тому месту, от которого отчалил катер. Сквозь шум мотора Толик слышал его дребезжащий голос:

— Слишком быстро. Слишком быстро. Я должен быть рядом.

Повторяя эти слова, Железный Человек вошел в воду и двинулся вслед за катером. Дно постепенно понижалось и Железный Человек все более погружался в воду. Она уже покрывала его плечи, но он все шел, улыбаясь своей железной улыбкой.

Тихие рыбы безмолвно расступались, уступая дорогу. Над головой Железного Человека тускло поблески-

вала поверхность моря. Уже кончилась полоса прибрежных водорослей и вода стала синее. Но Железный Человек не замечал всего этого. Он шел вперед и вперед, туда, где темной синью отливала глубина и где, кроме этой глубины, ничего больше не было.

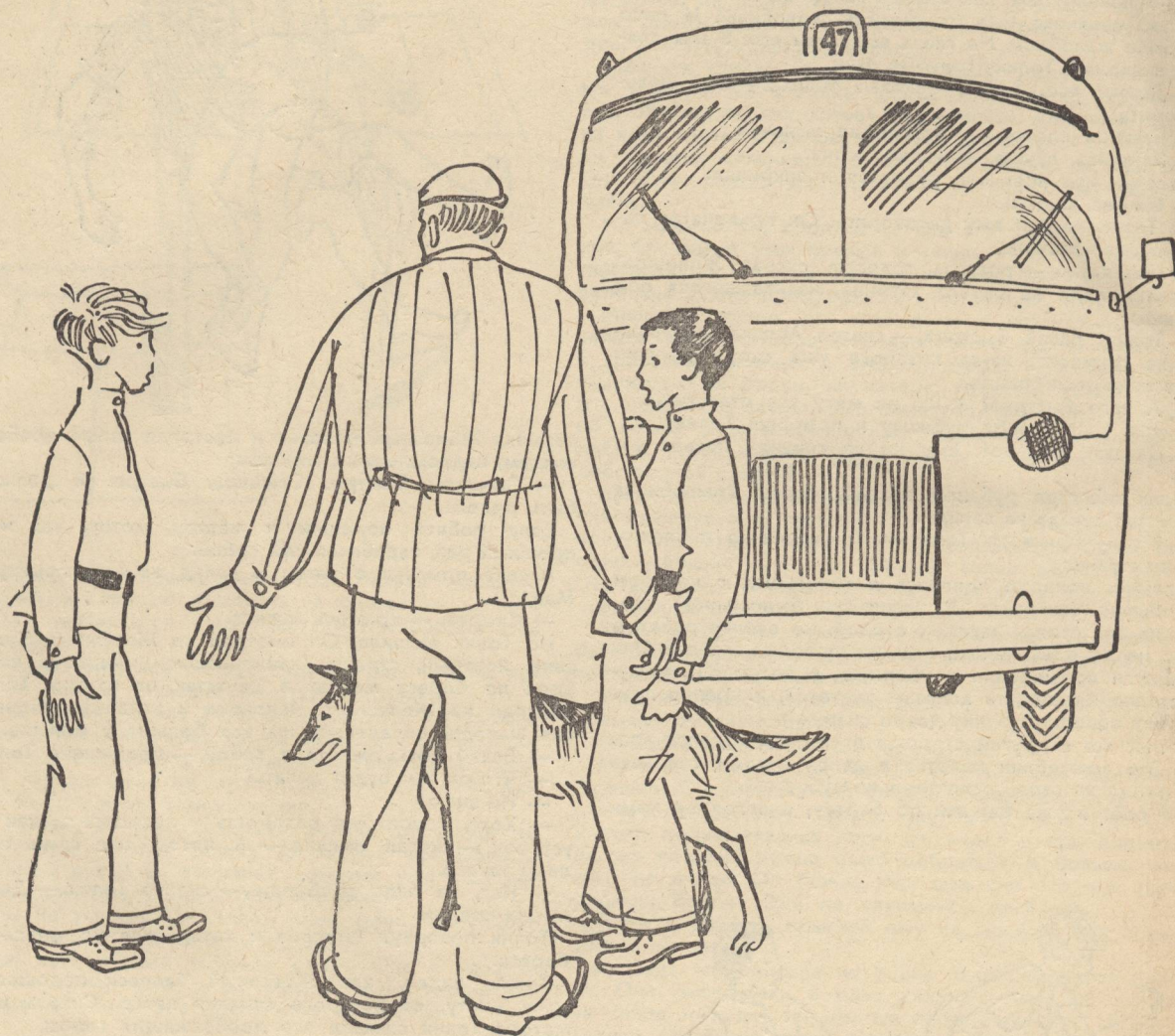
Толик не оборачивался. Он смотрел вперед. Он крепко держал штурвал, по щекам его катились соленые капли. Впрочем, это могли быть и брызги. Море, оно ведь тоже соленое,

где кончалось море, стали возникать неясные очертания города.

— Я вижу! — заорал Мишка. — Толик, я вижу!

И сразу же перед лодкой вспыхнула и засияла нестерпимым оранжевым светом огненная дорожка. Она искрилась, как поток расплавленного металла. А за ней, совсем рядом, виднелись дома и улицы родного города.

Лодка коснулась носом черты. Вот уже треть лодки за чертой... Но в ту же секунду за кормой вскипел

— Где эта самая Черта? — спросил Мишка. — Что-то я ее не вижу.

— Увидишь, — отозвался Толик, вглядываясь вперед. — Я сам ее пока не вижу. Она должна быть очень яркая.

Внезапно Майда забеспокоилась. Она смотрела вперед, в одну точку, и слегка повизгивала. Она видела что-то такое, чего еще не видели ребята. А скорее всего — чувствовала. Ведь собачьи глаза ничуть не зорче человеческих.

Прошло несколько минут, и Толик начал замечать, что море впереди как бы вспухает. И одновременно с этим, как будто выплывая из тумана, за тем местом,

бурун. Мотор начал работать в обратную сторону. Катер медленно стал сползать с черты.

И на этот раз Толик сразу же понял, что произошло.

— Он освободился! — закричал Толик. — Мишка, прыгай, прыгай скорей!..

И Толик, а вслед за ним Мишка и Майда прыгнули в море.

В воздухе Толик пересек черту. В глаза ему ударил нестерпимый оранжевый свет, и он на секунду потерял зрение.

Затем Толик услышал громкий скрежет и визг. Послышались возбужденные голоса.

Толик открыл глаза. Они с Мишкой стояли посреди проспекта. В двух шагах от них, боком стоял автобус. К окнам прилипли взволнованные лица пассажиров. Из своей кабинки торопливо вылез шофер. Лицо у него было бледное.

— Вы что делаете, негодяи! — закричал шофер. — Вы откуда взялись?! Ведь на двести метров впереди дорога была свободна!

Шофер взял одной рукой за шиворот Толика, другой — Мишку и потрянул их как следует. Ребята не сопротивлялись. Ведь не могли же они объяснить, как очутились на проспекте.

Вокруг собиралась толпа. Все обсуждали происшествие.

— Таких задавишь и отвечать не будешь, — говорил один.

— Совершенно распустили детей, — говорил другой.

— Смотрите, стоят как ни в чем не бывало, — говорил третий.

Толик слушал эти слова и был счастлив. Какие это все были славные люди! Как замечательно они его ругали! Он всю жизнь слушал бы эту ругань, но у Майды кончилось терпение. Она встала между ребятами и прохожими и зарычала.

Прохожие стали расходиться. И довольно быстро. Гораздо быстрее, чем они собирались.

Лишь шофер стоял посреди мостовой и что-то объяснял подошедшему милиционеру. Затем уехал и шофер вместе со своим автобусом. Милиционер подошел к ребятам.

— Ну что? — сказал он. — Пойдем?

— Обождите минутку, товарищ старшина, — послышался голос с тротуара.

На краю панели стоял толстый доктор из зоопарка. Как обычно, он был увешан кулками и свертками. И как обычно, толстая улыбка сияла на его толстых губах. Толик взглянул на него и отвернулся. Сейчас ему не очень-то хотелось, чтобы его узнали.

— Отпустите этих ребят, — попросил доктор. — Это замечательные ребята. Они больше не будут так неосторожны. Вот этого мальчика я знаю с самой хорошей стороны. Видите ли... меня часто толкают. Но дело не в этом. Однажды я рассыпал свертки, и он сразу же бросился ко мне на помощь. До этого я не видел ни одного мальчика, который бросился бы ко мне на помощь.

Милиционер с сомнением покачал головой.

— Сегодня я их отпущу, а завтра они снова под автобус полезут.

— Не полезут. Уверю вас, не полезут. Я же, со своей стороны, приглашаю вас в зоопарк. И приводите своих детей. Я им покажу слона совершенно бесплатно.

— Мне, гражданин, бесплатных слонов не нужно, — сказал милиционер. Но тем не менее козырнул доктору и, повернувшись, зашагал вдоль тротуара.

— Ну, а теперь бегите домой, — сказал доктор, обращаясь к ребятам.

— Спасибо, — сказал Мишка.

А Толик ничего не сказал. Он боялся, что его узнают по голосу.

Через несколько минут ребята уже стояли у своего дома. Они нерешительно поглядывали на свои окна, но не трогались с места. Они никак не могли придумать, чем объяснить свое отсутствие. Теперь, когда не осталось ни одной спички, ничего доказать было уже невозможно.

— Эх, если бы была хоть одна спичка, — вздохнул Толик. — Пускай самая последняя. И никаких спичек вовсе больше не надо.

— Да, сейчас бы она не помешала, — согласился Мишка.

Но спички не было.

Толик медленно поднимался по лестнице. Если наверху хлопала дверь, он вздрагивал и замирал, стараясь по звуку шагов угадать, не спускаются ли это мама или папа.

У двери Толик долго стоял, не решаясь нажать кнопку. Снизу послышались шаги. Поднималась соседка по площадке. Увидев Толика, она ахнула, и Толик судорожно ткнул кнопку звонка, чтобы не пускаться в разговоры еще и с соседкой.

Дверь открылась сразу. На пороге стоял папа. Толик не сразу узнал его. Папа был бледный, худой и весь заросший щетиной. При виде Толика папа побледнел еще больше. У него затряслись губы. Но самое страшное было то, что папа сказал каким-то чужим и очень тихим голосом:

— Толик? Ты пришел?

У Толика сразу пересохло горло. Он не мог даже шевельнуть языком.

— Ну, проходи... Что же ты стоишь? — тем же голосом сказал папа.

Толик вошел и остановился в передней.

И тут из комнаты вышла мама.

Увидев Толика, мама ахнула и бросилась к нему. Она не говорила ничего. Она схватила Толика и стала его целовать и плакать. А папа как-то очень аккуратно закрыл дверь и медленно, держась рукой за сердце, прошел в комнату.

Мамины поцелуи пахли лекарством. И во всей квартире стоял аптечный запах. И вещи были разбросаны повсюду, как перед отъездом на дачу.

Внезапно мама отпустила Толика и бросилась на кухню. Слышно было, как там яростно захлопотали кастрюли и сковородки. Затем что-то упало на пол.

Со звоном разлетелись осколки. Мама выбежала из кухни и опять бросилась целовать Толика.

— Мама, — дрожащим голосом сказал Толик. — Мама, я больше не буду. Не сердись, пожалуйста. Мама всплеснула руками.

— Как же я могу на тебя сердиться! Это ты на меня не сердись, что я так за тебя волновалась...

Не договорив, мама отпустила Толика и побежала к телефону. Она набрала номер и закричала в трубку.

— Женя! Женечка, Толик пришел! Да, да! Конечно! Здоровый, здоровый...

Дядя Женя был маминым братом. Наверное, он что-то сказал маме, потому что она закричала в трубку очень сердито:

— Ты с ума сошел! Разве можно пороть Толика! Толика! Он ведь у меня самый умный и самый послушный!

И лишь сейчас Толик понял, что он натворил. Да, он вернулся домой. Он даже помог освободить Мишку. Но мама осталась прежней. Это была не его мама. И он сам сделал ее такой.

Все клюшки и мячи в мире, все хоккейные победы отдал бы сейчас Толик за одну спичку. Но спички не было.

Толик осторожно открыл дверь в комнату. Папа сидел на диване, обхватив руками голову. Таким видел его Толик в тот день, когда они расстались. Ничего не изменилось. Совсем ничего!

— Папа... — сказал Толик. — Папа...

— Что? — сказал папа, не отнимая от головы рук.

— Папа, я тебе все расскажу. Все, все! Самое честное слово! Я тебя тогда не обманывал. Ты можешь спросить у Мишки...

— Хорошо, — глухо сказал папа, — я спрошу... Потом...

Толик сел рядом с папой. Но папа был как каменный. И тогда Толик лег на диван и заплакал. Он старался плакать тихо, но у него это не получалось. Слез было слишком много.

Толик почувствовал, как на его спину опустилась

теплая папина рука. Эта рука легонько похлопывала его, и Толик слышал папин глухой голос:

— Толик... успокойся, старик. Ну, извини... Ведь это я довел тебя до этого. Я бы не ушел тогда, если бы знал... Ты прости меня, старик...

Толик уткнулся в диван и заплакал еще сильнее. Что-то больно укололо его в нос, и Толик нарочно прижался лицом крепче, чтобы было еще больней. Может быть, этой болью он хоть немного искупит свою вину. Но распухший нос Толика отказывался терпеть. Пришлось немного отодвинуться. Толик приоткрыл один глаз и увидел спичку. Она лежала между сиденьем и спинкой кровати. Как раз на том месте, куда папа швырнул коробок в тот злополучный день.

Толик вскочил на ноги. Он взмахнул рукой и накрыв спичку ладонью, как муху, словно боялся, что она улетит от него.

Папа с удивлением смотрел на Толика.

Толик улыбнулся сквозь слезы и стремглав бросился в ванную.

— Толик, ты куда? — тревожно спросил папа.

Но сейчас Толику было не до объяснений. Он влетел в ванную, переломил спичку и сказал:

— Ничего мне не надо. Пускай все будет как раньше. И у Мишки — тоже.

Толик осторожно выглянул из ванной. На пороге кухни стояла мама. Она строго взглянула на Толика и сказала своим обычным голосом:

— Толик, ты разве не видишь, что я устала? Сбегай быстро в булочную. Купи батон и половинку круглого. Хватит бездельничать.

И тут, к удивлению мамы, Толик подпрыгнул, повис у мамы на шее и заорал:

— Ура! Мама, ура! Я бегу в булочную! Да здравствует батон и половинка круглого!

А мама, отбиваясь от Толика, сказала добрым голосом:

— Ну, ладно, ладно. Я всегда думала, что ты не такой лентяй, каким хочешь казаться.

И на этом сказочная жизнь Толика закончилась навсегда.

НО Я ХОЧУ СКАЗАТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Дело в том, что мальчик с голубыми глазами все еще живет во вчерашнем дне. Он может вернуться в наш день, если ему снова захочется найти друга. Он может отомстить Толику за то, что тот оказался не таким лентяем и жадной, как он рассчитывал. И еще долго будет Толик ходить по улицам озираясь. И не раз еще ему придется вздрогнуть при встрече с каким-нибудь человеком, в глазах которого вдруг мелькнет голубой огонек жадности.

А лентяи и жадины, и вообще все, кто мечтает прожить жизнь ничего не делая, должны знать: во вчерашнем дне они — желанные гости. Там их ждет мальчик с голубыми глазами, о котором мне вспоминать настолько противно, что я даже не хочу рассказывать, кто он и откуда взялся. Ведь он сам пожелал забыть

своих родных и друзей, чтобы ни с кем не делиться своим богатством. Так стоит ли о нем вспоминать?

Где-то на дне моря все еще бродит Железный Человек. Он слишком железный и никогда не умел понимать чужое горе и чужую беду. Поэтому ему никогда не стать настоящим человеком. Так он и будет ходить по дну, разыскивая Толика, пока насквозь не проржавеет.

Но мне, если хотите знать, его почему-то немного жалко.

Теперь я до конца знаю историю Толика. И я совершенно уверен в том, что настоящее счастье человеку приносят чудеса, сделанные его же руками.

Вот и все, что я хочу сказать всем, кто прочтет эту повесть.

Автор

Виктор Голлякин

Рисунки автора

НЕ ВЕЗЕТ

Прихожу, значит, я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою, пою себе и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то пристанут еще, почему ты мрачный, почему ты задумчивый. Отец говорит: «Чего он орет?» А мама говорит: «У него, наверное, веселое настроение, вот он и поет». Отец гово-

рит: «Наверное, пятерку получил, вот и весело на душе человеку. Всегда весело на душе, когда какое-нибудь дело сделаешь». Я, как это услышал, еще больше заорал. Тогда отец говорит: «Ну ладно, Вовка, пора-дуй отца, покажи свой дневник». Тут я сразу петь перестал. «Зачем?» — спрашиваю. «Да ладно уж, — говорит отец, — показывай, чего там, я вижу, тебе очень хочется дневник показать.» Берет он у меня дневник, видит там эту двойку и говорит: «Ты гляди, получил двойку и поет! Этого еще не хватало! Что он, с ума сошел? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя случайно нет температуры?» — «Нет у меня, — говорю, — никакой температуры...» Отец развел руками и говорит: «Тогда придется тебя выдрать за это пение...»

Вот как мне не везет!

ЕЖ

Принес я в класс ежа. Никуда его не вытаскиваю. Сидит он в сумке. Никто про него не знает. Вдруг учитель говорит: «Что это такое?» Я говорю: «Еж». «Где еж?» — спрашивает. «Здесь», — говорю. А он говорит: «А вообще-то я не тебя спрашиваю. Я Мишу Галкина спрашиваю.» И на доску показывает. «Это существительное», — говорит Миша Галкин. — «Правильно! — говорит учитель, — а ты выйди с ежом!»

БИАТЛОН

20 МЕТКИХ ВЫСТРЕЛОВ НА ЛЫЖНОЙ ДИСТАНЦИИ В 20 КИЛОМЕТРОВ

Рассказывает заслуженный мастер спорта СССР Ю. Борин

Биатлон — по-гречески двоеборье.

Если в обычной лыжной гонке спортсмен непрерывно движется от старта до финиша, то в биатлоне он четыре раза делает остановки на заранее подготовленных огневых рубежах. Во время каждой остановки лыжник должен пять раз выстрелить. Всего таким образом нужно поразить двадцать мишеней.

На первых трех рубежах стрельба ведется лежа, без упора. На последнем — стоя. Расстояние до мишеней и их размер на каждом рубеже меняется. Все это усложняет стрельбу. А промахиваться — то нельзя! За каждый промах биатлонисту начисляется две минуты штрафного времени. Итог соревнования определяется по сумме времени, затраченного спортсменом, и штрафных минут. Побеждает тот, у кого сумма оказалась наименьшей.

Соревнования по биатлону проходят в лесу и на открытых участках, изобилующих крутыми длинными подъемами и спусками. Спортсмен несет с собою винтовку и патронташ. Представляете себе, сколько спортивных качеств должен сочетать в себе биатлонист: скорость, выносливость, глазомер, силу, меткость!

В тех странах, где нет снежной зимы, лыжную гонку в биатлоне заменяют кроссом. Интересный биатлон проводят

в Японии: там лыжники стреляют не из винтовки, а из лука¹.

Мой ученик Владимир Меланин трижды (в 1959, 1962 и 1963 годах) завоевывал золотую медаль чемпиона мира по биатлону. Не раз первые места в международных встречах биатлонистов занимала и сборная команда нашей страны, в которую, кроме Меланина, входят Дмитрий Соколов, Николай Пузанов, Александр Привалов.

Состязания по биатлону не из легких. К ним допускаются спортсмены не моложе восемнадцати лет. Но готовить себя к биатлону можно уже в пионерском возрасте.

Вот несколько полезных советов тем, кто заинтересуется зимним двоеборьем.

Прежде всего научитесь хорошо ходить на лыжах. Палки на первых порах вам не подмога. Без палок вы лучше научитесь сохранять равновесие. Ходить сначала учитеесь ступающим шагом. Приподнимите передний конец одной лыжи, пяткой прижмите задний ее конец к снегу и шагайте вперед.

Основной бег — скольжение. Скользить поначалу тоже лучше без палок. Согните в колене одну ногу, резко выдвиньте ее вперед, оттолкнувшись другой ногой. Замедляется скольжение — выдвиньте вперед другую ногу, перенося на нее тяжесть тела.

Попеременный двухшажный ход — самый распространенный у нас. Его даже называют «русским ходом». Он пригоден для любой погоды, любой местности. Лыжник идет широким скользящим шагом и попеременно отталкивается палками.

Шаг правой ногой — вперед выбрасывается левая рука с палкой. Тем временем делайте толчок правой рукой и левой ногой. Левая нога приподнимается, скольжение происходит на правой лыже. И наоборот.

Слегка наклонитесь вперед. Ноги полусогнуты. Палку в снег ставьте не отвесно, а под острым углом.

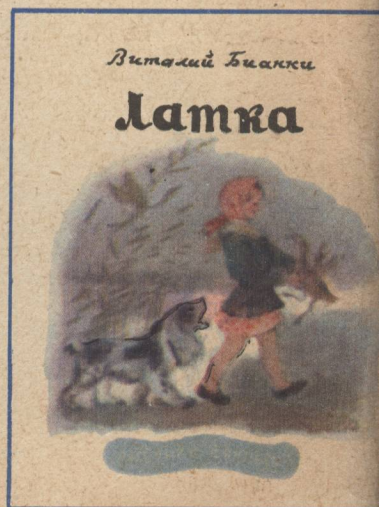
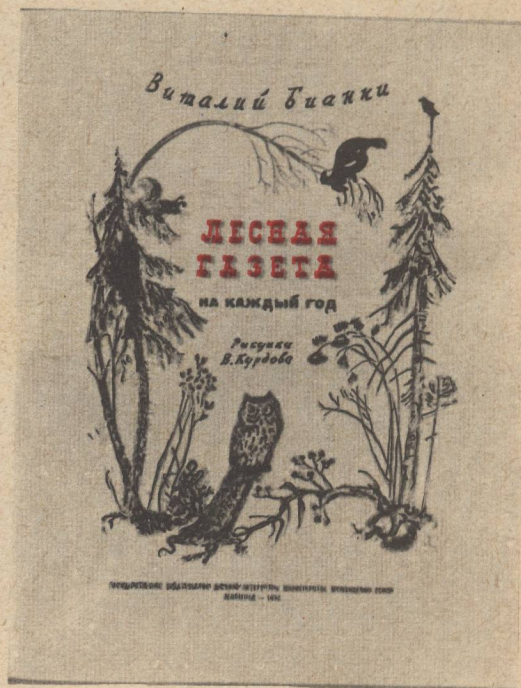
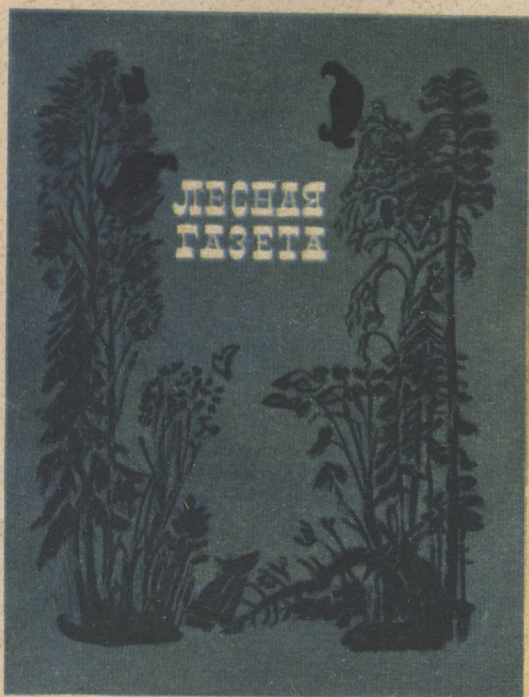
Попробуйте свои силы и в стрельбе. Для этого годится любой тир. Но удобнее всего пользоваться облегченным детским духовым ружьем.

Главное же для будущего биатлониста получить хорошую общую физическую подготовку. Занятия легкой атлетикой, гимнастикой, велосипедом помогут вам стать сильными, ловкими, неутомимыми. Очень полезны баскетбол, ручной мяч — они способствуют выработке выносливости и меткости.

И, конечно же, не забывайте об утренней зарядке!

¹ В «Костре» № 12 за прошлый год можно прочесть о «Пионерском биатлоне».

ДВЕСТИ ФАМИЛИЙ

К семидесятилетию со дня рождения В. В. Бианки

Мне посчастливилось вместе с Виталием Валентиновичем не только принимать участие в составлении радиопередачи «Вести из леса», но и вместе с ним собирать эти вести в лесу. Началось это давно, чуть ли не тридцать лет назад. А как сейчас помню и тот лес, и те поля, и наши разговоры...

Виталий Валентинович почему-то не любил слово «природа» и постоянно искал ему замену. Не любил он и часто повторять о своей любви к природе. Помню, я как-то спросил его: «Виталий Валентинович, я знаю, что вы любите природу, но как вы ее любите?»

Он подумал и ответил: «Как волк!» И рассказал сказку.

Спросили однажды Сороку:

— Сорока, ты природу любишь?

— Ах, природа, ох, природа! — затахтела Сорока. — Да я без нее жить не могу! Только про нее и стрекочу!

Спросили тогда Волка:

— Волк, а ты природу любишь?

— Не знаю, — проворчал Волк. — Я о том не гадал и не думал.

Вот поймали охотники Сороку и Волка, посадили в клетку. А погода спрашивают:

— Ну как, Сорока, жизнь?

— Да ничего! — отвечает. — И в клетке жить можно, подкармливают!

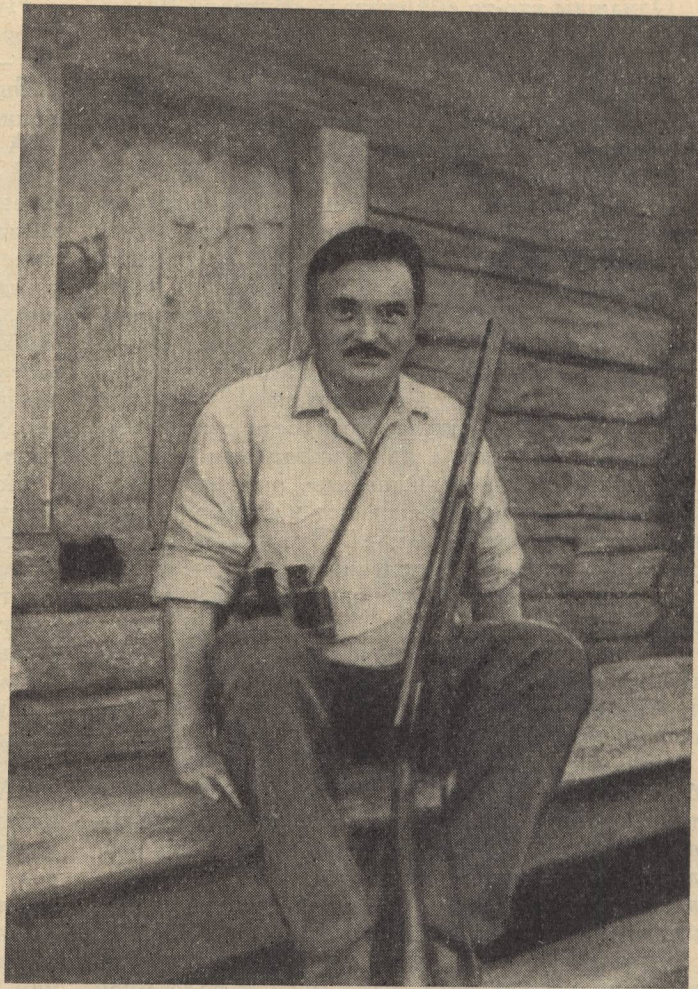
Хотели и Волка спросить, да глядь, а он околел.

Не знал Волк, любит ли он природу, он просто не мог без нее жить...

Люди, которые громко и часто кричали о своей любви к чему-либо, всегда настораживали писателя. Он говорил: подкова тогда громко звенит, когда в ней гвоздя не хватает!

Увиденное в природе Виталий Валентинович любил как бы примерять к нашей человеческой жизни. Однажды в сумерках мы слушали с ним соловьев. Здорово пели соловьи! Старые соловьи «ставили молодых на хорошую песню», как говорят птицеловы. Старые пели, а молодые молчали и слушали.

— Вот молодцы, — шептал Виталий Валентинович. — Вот мудрые старички! Не кичатся,

не заставляют, не тычат в нос. Просто поют. Изю всех своих птичьих сил стараются петь как можно лучше и чище! Главное чище. Чистота свиста ценится у них выше всего! И вот молодые почтительно молчат и слушают. Они учатся петь, а не подпевать.

Однажды на берегу моря я собрал целую горсть раковин, розовых, как лепестки яблони. Но пока я их нес, моллюски умерли и раковины потускнели. Ушел цвет жизни.

— Да, да! — подхватил Виталий Валентинович. — Именно цвет жизни! Это особый цвет, все равно, что для человека румянец. Весной

даже кора берез чуть розовеет, клювы птиц становятся ярче.

И сейчас же перевел на людей:

— Человек подавленный всегда серый. У людей должны быть блестящие глаза, громкие голоса, яркие лица. Мне кажется, что все наши труды и заботы должны быть направлены на сохранение вот этого цвета жизни.

Однажды кто-то ему сказал: «Виталий Валентинович, вот написано у вас везде про зверей, и точно все написано, а ведь пишете-то вы и про человека».

— Вот уж сорок лет пишу! — рассмеялся он в ответ. — А ты и не заметил.

Много невидимых нитей связывает человека с родной землей. Образ Родины складывается не только из зрелых размышлений уже взрослого человека, но и из ощущений и воспоминаний далекого детства, часто мимолетных и будто бы незначительных. Березовая роща, запах ландыша, песня жаворонка над полем... Возня скворцов у скворешен, свист золотой иволги... Вот вслушайтесь-ка: «Грачи прилетели!» Для австралийца или индуса это просто сухое сообщение натуралиста, а для нас это еще и весна, проталины, синие дали, солнце, родная земля... Пишущие о природе умножают и укрепляют эти нити-связи с родной землей. Это целиком относится и к Виталию Валентиновичу.

Некоторые торопятся скорей раскрыть тайну, разгадать загадку:

— Вот вы, ребята, думаете, что тут чудо, тайна, загадка! Ничуть не бывало. Все очень просто, все давно разгадано и объяснено. Все это потому-то и оттого-то.

Виталий Валентинович же считал, что ребят больше всего влекут не отгадки, а загадки и тайны природы, что они сами хотят их разгадывать. Иначе у ребят опускаются руки, у них создается впечатление, что все уже узано и разгадано без них, что им тут делать больше нечего, как только глотать готовенькое.

Виталий Валентинович писал: «...весь огромный мир кругом меня, надо мной и подо мной полон неизведанных тайн. И я их буду открывать всю жизнь, потому что это самое интересное, самое увлекательное занятие в мире!»

И большая заслуга Виталия Валентиновича перед вами, ребята, заключается в том, что он показал вам доступность этого мира, показал

пути проникновения в него, приоткрыл дверь в зеленый мир.

Вот уже четыре года, как Виталия Валентиновича нет. Но вспоминая его, мне не хочется говорить грустных слов. Потому что он и книги его очень жизнелюбивы, крепки, веселы.

Известно ли вам, что у Виталия Валентиновича было... двести фамилий?

Ну, первая и всем известная — БИАНКИ. Вторая, самая короткая, — Янко. А самая длинная — Курильянков.

Были фамилии удивительные и смешные: Вероянки, Янки, Пьянки.

А получалось так вот почему.

В радиопередачах «Вести из леса», которые составлял Виталий Валентинович, всегда загадывались загадки. И в конце диктор громким голосом объявлял: «Дорогие ребята! свои отгадки шлите нам по адресу: Ленинград, Радио, Виталию Бианки».

Радио разносило слова диктора по всему Советскому Союзу. Хорошо, если у всех слушателей были исправные приемники и во время передачи не было никаких помех. Тогда слова диктора всем были понятны.

Но не всегда получалось так. Летят радиоволны на север, на юг, на восток и на запад! За густые леса, за высокие горы. И пока летят, глядишь, некоторые буквы в словах и перепутаются, а то и вовсе потеряются. Вот и слышат ребята: «Пишите... Вести из леса... Виталию Дранки!» или «Италию Белянко». А то, вдруг, «Валерию Вьямке!»

Ну, Вьямке так Вьямке! Главное — загадки разгадал, надо скорей отгадки посылать.

И шли письма из Таллина и Владивостока, из Мурманска и Ашхабада. Из десятков сел, деревень, городов. От юных натуралистов и юных садоводов. От школьников и дошкольников. «Виталию Бианки, Талию Мианки, Виктору Ульяновки, Биданки, Мьянке, Венки!»

Он читал, смеялся и записывал все новые и новые свои фамилии: Дианкин, Зянкин, Бронкин.

Так вот и получились эти двести фамилий.

И сейчас, четыре года спустя, нет-нет да и придет письмо вот с таким адресом: Ленинград, Радио, Виталию Румянкину! Или — Валерию Брянкину, или — Диталию Банки.

Значит, помнят его ребята...

Н. Сладков

Б. Золотовский

Рисунок Н. Кустова

Рассказ водолаза Киндинова

Летом 1942 года в Ленинграде, неподалеку от площади Труда, на канале Крунштейна, вражеская бомба перебила водопроводную трубу. Район остался без воды. Это было настоящим бедствием в те страшные для города дни. Военные водолазы пытались чинить трубу, но безуспешно. Все лето проработали, зима наступает. Тогда Горводопровод обратился за помощью в подводно-гидротехнический отряд. Послали меня посмотреть, в чем там дело.

Приехал. Вижу, горы песку намыты. Большой пожарный насос воду из котлована сосет. К месту, где труба, не подойти, все обваливается. У водолазов будочка стоит. Выходит оттуда молодой парень. Подозрительно оглядывает меня.

— Чего тебе тут надо?

— Да вот, интересуюсь.

А у меня вид неказистый. В шубе, в валенках, двигаюсь медленно — блокада давала себя знать.

— Нечего здесь делать посторонним! — строго сказал парень.

— Не посторонний я, а водолаз.

Он даже присвистнул. Не похож, видимо, я был на водолаза.

— Ну, пошли в будку.

А сам все недоверчиво поглядывает. И что-то показалось мне его лицо знакомым. Заходим, а там ребята смеются:

— Витька, шпиона поймал?

Как назвали по имени, я сразу и вспомнил, где видел его. Однажды на Фонтанке я производил ремонт канализационной трубы, по которой сливаются в реку городские нечистоты. Тогда коллектора-очистителя еще не было. Поднимаюсь из воды по трапику, весь облепленный разной дрянью. День солнечный. Народу на набережной много. Наблюдают. Молоденький матрос с барышней стоят. Форма на нем совсем новая. На рукаве нашивка — водолазный шлем. Барышня и говорит:

— Витька, водолаз вылез!

А он презрительно:

— Грязелаз!

Задело меня за живое. Эх, думаю, ты бы здесь покопался!

Посмотрел я сейчас на Витьку: сказать или не говорить о памятной встрече на Фонтанке? Не стоит, пожалуй, мальчишка был, фасонил перед барышней.

Объяснил я ребятам, что послан из гидротехнического отряда разобраться и помочь, если смогу.

— Здесь уже ничем не поможешь, — говорят.

А труба была повреждена на глубине двух метров под землей, дальше шла по дну канала. Водолазы забили деревянный шпунт вокруг перебитого места и начали выкачивать воду, чтобы добраться до нее. Напали на пловун. Жидкий, как кисель. Отсасывают воду, а в котлован песок несет и все снова заваливает. Прошел месяц, второй, третий. Дома старые подмыло, оползать стали, могут рухнуть. А трубу никак не отмыть. Только хотят до нее коснуться, а сверху камень, щебенка обрушатся и валят шпунт. Снова доски ставят.

Пригляделся я, подумал. И тут вдруг пришла мне в голову мысль: не сделать ли все наоборот — не отсасывать воду, а накачивать? Говорю:

— Дайте напор побольше, до двенадцати атмосфер.

Удивились, но пустили воду по пожарному шлангу. Сразу все в котловане разжижилось, забаламутилось и, как пиво, пошло бродить.

Одели на меня водолазный костюм. Спустился в эту яму. Сразу рукой и нащупал трубу. Фланец, оказывается, у нее перебит, как раз в месте сгиба, где она коленом в канал уходит.

Выхожу. А водолазы не поверили, что повреждение нашел. Молодые, шутками засыпали. Витька больше всех смеется:

— Ого, какой скорый!

Молчу я.

— Достань, — говорят, — гайку от фланца, чтобы мы увидели.

Снова пошел, отвернул гайку и вынес. Водолазы все еще не верят, но перестали смеяться. Ведь они столько мучились, а тут человек за один раз до трубы дошел. Прораб, как увидел гайку, сразу в Горводопровод позвонил. Оттуда говорят: привезите убедиться. Еще бы, столько времени никаких результатов не было. Отвезли. Приехал главный инженер и ко мне:

— Значит, трубу можно исправить?

— Можно.

— За месяц сделаете?

— За пять дней.

Водолазы даже рты раскрыли: вот фокусник нашелся!

— А что вам для этого надо?

— Дать воду по трубе, полный напор.

— Пожалуйста, на той стороне канала у нас задвижка, сколько хотите пустим.

Открыли. Ударила струя, и котлован сразу наполнился водой. Даже через края хлынула, помчалась в канал и разлилась по берегу, до самых домов. Спустился к трубе, вынул перебитый фланец. Вышел весь в грязи, даже из брандспойта отмывали. Заменял неисправную часть. Для этого пришлось отрезок трубы наверх поднимать.

Ровно через пять дней закончил работу, как и обещал. Район получил воду.

Водолазы были смущены. Они все с военных кораблей. Знали, как торпеду поднять, как винты осмотреть, некоторые по судоподъему работали, а в водолазных гидротехнических работах слабо разбирались. Можно ли было их винить или того, кто послал? Нет. Потому что о нас, водолазах, до сих пор неправильное мнение, как об универсалах. Конечно, водолаз обязан хорошо знать современную технику и даже быть сведущим в таких науках, как биология и археология. Но все-таки каждый специалист в своем деле — тут уж и многолетний опыт и смекалка всегда выручат.

Меня наградили Орденом Красной Звезды. Но я и так был рад, что помог блокадному городу.

Снегурочки

Зимой водолазы-разведчики превратились в «снегурочек». Высматривали движение неприятельских частей по линии Володарка — Стрельна — Петергоф. С ночи ложились в мешках на лед Финского залива метрах в трехстах от вражеского берега. Надевали белые халаты с блестками. Сверху подзасыплют еще

снежком, чтобы слиться с местностью. Белая марлечка на лице. Утром летит самолет и совсем не замечает нас. Питание с собой, так и ели в мешках. Целый день наблюдали, что творится у врага, и сообщали обо всем в штаб.

Помню, однажды выскакивают с криком немецкие солдаты на лед, рубят воронки и ста-

вят в них щиты-мишени. Прямо против нас готовятся стрелять. А из мешка сразу не вылезешь. Да если и вылезешь, то как черный жук на белой бумаге. Солдат целая рота. Ну, думаем, пропали! Кричать друг другу — далеко лежим, да и шевелиться опасно.

Лежим, не двигаемся. Смотрим только, как аккуратно немцы мишени устанавливают, слышим, как шелкают затворами — автоматы проверяют. Вот-вот стрелять начнут. Дело табак!

А наши дальномерщики, оказывается, тоже наблюдали. Видят, нам угрожает опасность. Но вот беда — с ближней батарее стрелять

нельзя. Как только она своими хоботками-стволами пошевелит, вся немецкая артиллерия на нее обрушится.

Сообщили на дальнюю батарею в Лисий нос. Оттуда из трех орудий и ударили по фашистам! Паника, крики, раненых хватают, убитых тащат. Еще, еще ударили! Снаряды прямо над нами свистят. Мы вжались поглубже в снег. А фашисты врассыпную. И мишени оставили. Мало кому удалось спастись. А мы продолжали наблюдения до вечера, пока смена не пришла.

Корабль-революционер

Окончание

Старший офицер повалился на палубу. В его руке дымился пистолет. Вакулинчук сиделся, медленно подгибая ноги. Правую руку он прижимал к груди.

И тогда строй взорвался. Ряды разметало, как ветром. Из коридоров на палубу, грохая прикладами по ступенькам, высыпали все новые и новые группы матросов. Скорее к капитанской каюте, на мостик, в машину...

Так 14 июня 1905 года на Черном море началось восстание команды броненосца «Потемкин».

В тот же день восставший корабль пришел в Одессу. Тысячи рабочих проводили в последний путь убитого Вакулинчука.

А через три дня под Одессой произошел бой. Бой, в котором не было ни одного выстрела. Эскадра из пяти броненосцев окружила «Потемкина». Подняв на реях сигнал «Эскадре стать на якорь», «Потемкин» прорезал строй броненосцев. И ни одна рука не поднялась к орудийному спуску. Матросское «Ура!» катилось по кораблям, мимо которых проходил «Потемкин». Но эскадра не стала на

якорь. Она ушла. И «Потемкин» остался один.

Он метался из порта в порт. Одесса — Констанца — Феодосия. Ему не давали угля, воды, продовольствия. Он был обречен.

24 июня восставшие матросы привели броненосец в румынский порт Констанцу.

25 июня команда сошла с корабля на берег. Медленно опустилось на корму алое полотнище революции.

Корабль-революционер, покинутый, но не побежденный, остался стоять у стенки в чужом, не русском, порту.

Главный редактор
Морской Энциклопедии —
капитан второго ранга,
писатель С. Сахарнов

3

Ю

СЛЕДОПЫТЫ, ВСЕ НАВЕРХ!

Следопыты! Мы напали на след Нам нужна ваша помощь!

В первом номере «Морской энциклопедии» мы начали рассказ о гордом броненосце революции — «Потемкине». И вот к нам в редакцию пришло письмо. Пишет старый матрос. Он утверждает, что броненосец «Потемкин» был не один, что вместе с ним по Черному морю плывал второй корабль-повстанец. Ко-

рабль, который оставался верным «Потемкину» до конца. Название корабля матрос не помнит.

Мы обращаемся к вам, ребята! Помогите отыскать след второго восставшего корабля. Как он назывался? Какова его судьба?

Читайте. Спрашивайте. Ищите.
Ждем ваших писем.

С

В

УДИВИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Модели кораблей... Они очень похожи на игрушки: маленькие, ярко раскрашенные. Они стоят на школьных полках, в витринах музеев, плавают по лужам.

Но бывает, что этими игрушками начинают заниматься взрослые люди.

18 апреля 1947 года из порта Кальяо в Тихий океан буксирный пароход вывел плот. Бревна, связанные пеньковым канатом. Ни одного гвоздя. Простой прямоугольный парус. Это была модель. Модель мореходного плота древних индейцев. В натуральную величину.

Ветер надул парус, и плот уверенно пошел вперед. Все его плавание было моделью: норвежский ученый Тур Хейердал и его спутники повторили точь-в-точь плавание древних. Они доказали, что индейцы на плотах могли расселиться по Океании.

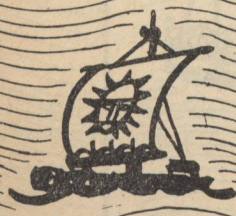
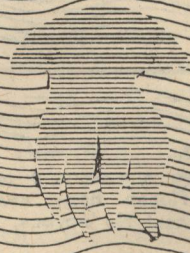
Советские историки с помощью огня и каменных рубил смастерили на берегу Ангары из ствола дерева челн. Получилась модель лодки, на которой плавали люди каменного века. Спустили челн на воду — поплыл!

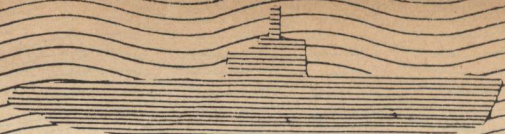
Но не все модели были такими удачными. Французский император Наполеон III решил проверить: правда ли, что древние греки совершали дальние плавания на триремах-галерах с тремя рядами весел? Ведь даже гребцам, сидящим в один ряд, грести в такт очень тяжело. Ученый Дюпьи де Лом построил на реке Сене точную копию триремы. Команда уселась за весла. «Навались!»... и галера двинулась с места. Однако плыла она так медленно, гребцы так быстро выбились из сил, что вопрос о дальних плаваниях на таких кораблях остался открытым.

И наконец модель, которая была повторена дважды. Модель плавания Колумба.

В честь 400-летия открытия великим генуэзцем Америки в 1892 году была построена копия флагманского корабля Колумба — каравеллы «Санта Мария». Водоизмещение (вес) — 120 тонн. Это утлое по нынешним временам суденышко вышло из испанского порта Кадис и благополучно пересекло Атлантический океан, повторив плавание колумбовской эскадры. Правда, маленькую каравеллу сопровождал испанский крейсер.

Прошло семьдесят лет и копия второй каравеллы Колумба — «Ниньи», на этот раз без сопровождающих, вышла в Атлантический океан. Девять человек — из них только двое были настоящими моряками — пустились в плавание из Кадиса к Антильским островам. Они взяли с собой только то, что мог бы взять Колумб. Даже часы и компас у них были старинные. Не столь искусные, как матросы Колумба, они быстро лишились продовольствия, остались без воды и были вынуждены добывать себе пищу рыбной ловлей. Семьдесят семь дней длилось путешествие, но в конечном итоге и оно кончилось благополучно. Еще много удивительных моделей будет построено учеными, потому что модель не игрушка, а орудие науки.

АЙСБЕРГ — ледяная гора. До девяти десятых ее скрыто под водой и только одна десятая виднеется на поверхности. Так и люди — не все в них видно сразу: хорошо, когда человек глубже, чем кажется.

АВИАНОСЕЦ — военный корабль, с которого взлетают самолеты. Они летают над морем и снова возвращаются на его палубу. Целый аэродром плавает в океане. Летят над океаном серебристые пассажирские лайнеры — для них этот аэродром закрыт.

АНТИПОДЫ — люди, живущие вниз головой. Вниз головой. Под Землей. Под тобой...

Было время, когда каждый моряк, отправляясь в дальнее плавание, ожидал, что попадет к антиподам — к людям, ходящим вверх ногами. Потом моряки научились плавать вокруг света, узнали, что земля круглая и что люди повсюду ходят одинаково. А слово осталось...

БАК — носовая часть палубы. В этом баке супа не сварить.

БАЛЛАСТ — груз, который кладут в трюм для утяжеления корабля. Сам по себе он никакой цены не имеет. Приходит время избавиться от балласта — его выбрасывают за борт. Плохо быть балластом.

3

КТО КОГО...

— Ловлю я как-то в море на спиннинг, дернул — не идет. Повел. Веду, веду... Наконец из воды во-от такой лосось! Не лосось, а лососище! Два пуда с гаком!

— А я — на Каспии, на перемет. Выбираю — что такое? Точно сундук с железом тащу. Вытащил — белуга! Полтыщи килограмм!

— А я...

Взахлеб выдумывают рыбаки и не знают, что сколько не ври, а море не переврешь. Рыбаки с Багамских островов несколько лет тому назад поймали сетью китовую акулу. Весила она... двадцать тонн!

Ю

ЧТО ТАКОЕ КАРИКАТУРА

А. Лосев

ЛЕША КАЦАЙ И „КАРИКАРЕ“

В городе Норильске живет себе ученик Игорь. Кое-кому Игорь кажется богатырем. Выйдет на улицу — берегись, девчонки, врасыпную, малыши! Кому — пинка, кому — тычка, кого — за косу.

Что делать с драчуном?

Конечно, «карикаре»!

Так рассудил Леша Кацай из 3-«д» класса. И вот какую картинку прислал он в редакцию «Костра».

«Карикаре» — по-итальянски преувеличивать. Известное вам слово «карикатура» переделано из этого слова. На Лешином рисунке много преувеличено: конечно же, настоящий Игорь хватает девочек за косы только руками, а не ногами и носом. И тем более нет у него длинного хвоста. Но Леша, чтобы пока-

зять своим товарищам, что забияка Игорь вовсе не страшен, а смешон, преувеличил его «хватательные способности», сделал Игоря похожим на драчливую мартышку. Теперь берегись, драчун! Против смеха ты бессилён!

Так КАРИКАТУРА помогает нам в повседневной жизни.

ТАК ДЕЛАЛИ УАШАШИ

«Я разбил даниунов на их островах, такари и пуресати превратил в пепел. Шардана и уашаши моря перестали существовать. Они были взяты в плен и пленными доставлены в Египет, подобно песку морского берега».

По приказу хвастливого фараона Рамзеса III такие надписи высекались на каменных плитах.

Однако, когда археологи раскопали развалины дворца Рамзеса III в Мединет-Абу, они долго спорили: что откопалось — дворец или крепость?

От кого укрывался столь всемогущий фараон за толстыми каменными стенами? Не подскажет ли нам ответ обрывок папируса тех времен?

Оказывается, бесправные даниуны и уашаши осмеливались изображать своего властелина в виде старого тщеславного льва. Значит, не так уж прочно было владычество фа-

раона. Обрывок папируса говорит нам о том, что покоренные не покорились. А толщина дворцовых стен — о том, как страшился фараон их восстания. Нельзя быть одновременно смешным и грозным. Владыка, над которым сегодня смеются, завтра может потерять трон.

Так КАРИКАТУРА борется с тиранами.

ПАПА ВВЕРХ НОГАМИ

— Отпущение обычного убийства будет вам стоить всего-навсего 15 ливров 4 су и 4 гро-

ша. За убийство отца, матери, брата, сестры или собственного ребенка цена одинаковая —

17 ливров 15 су. Обратите внимание, очень выгодно убить несколько человек в один день. В этом случае вы за всех платите, как за одного...

Бормоча обычные свои зазывания, торговец индульгенциями грузно слезает с осла. В этом городе, можно надеяться, торговля пойдет неплохо. Вон, на стене ратуши благочестивые жители даже вывесили портрет святейшего папы. Только прикреплен он как-то странно. Гвоздь вбит посреди-

не листа, и налетающий ветер то и дело переворачивает картинку вверх ногами.

Вот картинка снова перевернулась.

«Папа — «Павел» — на нас он топ карткой. Скорее прочь отсюда, продавец ни-дурячий! В этом городе уже не удастся тебе вытлыть члннчя. Эдеш. Лекжэнэ у жжгелй. Дарон дон обьявил войну»

Так КАРИКАТУРА сражается с мракобесами.

ТЫСЯЧЕПУДОВОЙ ГОРОДОВОЙ

Играют полковые оркестры. Мягкими складками опадает серая холстина. Это Петербург 1909 года. Открытие памятника покойному государю Александру III. Каким же предстанет император, изображенный скульптором Паоло Трубецким?

«Это карикатура на моего покойного брата!» — взвизгивает великий князь Владимир Александрович.

Карикатура, да еще какая! Тысячепудовая, чугунная, на постаменте, в центре Петербурга. Кажется, нельзя метче изобразить российское самодержавие, чем в облике безобразного толстяка городского на коне-битюге. А не снимешь: уйма денег затрачена и скандалу не оберешься... Уж не играют полковые оркестры. Уж разехалась знать со Знаменской площади. Толпится на площади простой народ и весело смеется над «пугалом». А какой-то шутник произносит вслух дерзкие строки:

*Стоит комод,
На комод — бегемот,
На бегемоте — идиот,
На идиоте — шапка.*

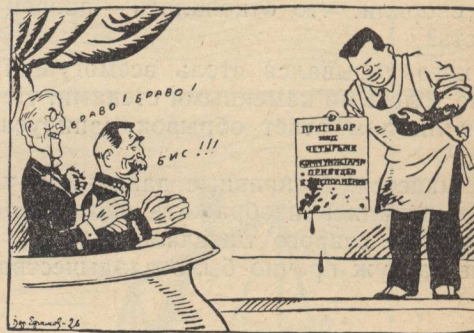
Так КАРИКАТУРА служит революции.

КАРИКАТУРА И ДИПЛОМАТЫ

В ту пору в Литве была у власти буржуазия. Белобровый президент Вольдемарас одну за другой учинял кровавые расправы над рабочими и коммунистами. К этому его подстрекали империалисты всего мира, особенно английский премьер-министр Чемберлен.

В одном из номеров «Известий» художник Борис Ефимов опубликовал вот эту карикатуру.

Британское правительство откликнулось на эту карикатуру не более не менее как дипломатической нотой. «Оскорбили! Оболгали!» — вопила каждая строчка ноты, хотя в подписи к карикатуре имя Чемберлена не было названо. Получилось — «на воре шапка горит».

Так КАРИКАТУРА стреляет точно в цель.

ВОТ ЧТО ТАКОЕ КАРИКАТУРА.

Герои Белые Олимпиады

Когда в стране проводится Белая олимпиада, все школьники получают внеочередные каникулы. Хотя каникулы у советских ребят уже прошли (да и проводятся Зимние олимпийские игры 1964 года в Австрии, в городе Инсбруке), все равно настроение праздничное: все «болеют» за свою команду и желают ей новых побед.

Традиция Зимних игр возникла в 1924 году. Советские спортсмены участвовали в них дважды и оба раза, в Кортине д'Ампеццо и Скво Велли, наша команда в неофициальном зачёте заняла первое место.

Бронза Торлейфа Хауга

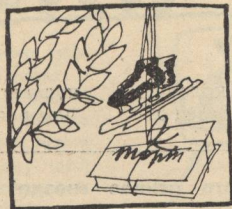
Не часто случается такое, чтобы спортсмену поставили памятник еще при жизни. Этой чести соотечественники удостоили норвежского лыжника Торлейфа Хауга после первых зимних игр в Шамони. С тремя золотыми олимпийскими медалями вернулся в 1924 году северянин в родной город Конгсберг.

Вскоре по решению муниципалитета на центральной площади города была установлена бронзовая фигура олимпийского триумфатора.

Вот это подарок!

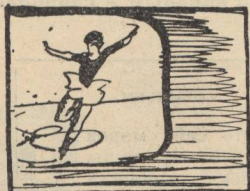
25 февраля для неоднократного чемпиона мира и Европы по конькам москвича Виктора Косичкина особенно приятная дата. Это его день рождения. Но вдвойне радостным было для Косичкина 25 февраля 1960 года. В этот день на Олимпийских играх в

Скво Вэлли он впервые стал чемпионом в беге на 5000 метров.

Десятилетка Соии

Шестнадцатилетней девушкой завоевала в Сен-Морице норвежская фигуристка Соня Хени свою первую золотую медаль. Столь же блестяще выступала она и на двух последующих зимних олимпиадах. На всемирных чемпионатах по фигурному катанию на коньках судьи единодушно признавали ее лучшей из лучших десять лет подряд. С за-

мечательным мастерством Хени советские любители спорта познакомились в фильме «Серенада Солнечной долины».

Кортине повторяется. . .

Завидным постоянством отличались олимпийские успехи быстрейшего конькобежца мира Евгения Гришина. В Кортине д'Ампеццо он был вне конкуренции в беге на 500 метров и разделил первое место со своим земляком Юрием Михайловым на дистанции 1500 метров. Через 4 года в Скво Вэлли все повторилось сызно-

ва: москвич не имел равных на «пятисотке», а в соревнованиях в беге на полтора километра показал одинаковое время с норвежцем Роальдом Осом, за что был удостоен четвертой золотой награды.

Улучшать так улучшать

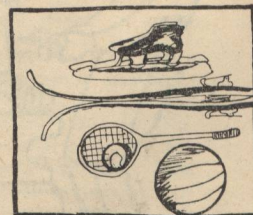
Как в древней Греции олимпиаду называли именем сильнейшего спортсмена, так зимние олимпийские игры 1948 года журналисты провозгласили олимпиадой Ялмара Андерсена. Трижды выходил прославленный норвежец на старт соревнований по скоростному бегу на коньках и трижды под-

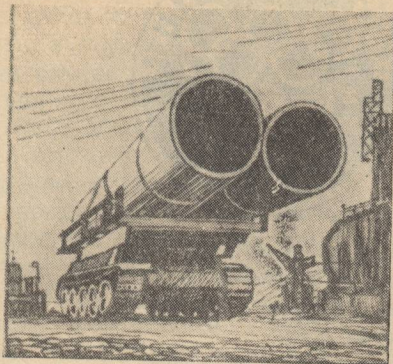
нимался на высшую ступеньку пьедестала почета. На 10-километровой дистанции он улучшил олимпийский рекорд сразу на 40 секунд!

Золото Лейлы

Пожалуй, самая богатая и разнообразная коллекция медалей и призов хранится у норвежской спортсменки Лейлы Шоу-Нильсен. Она стала олимпийской чемпионкой по горнолыжному спорту в Гармиш-Партенкирхене, была чемпионкой и рекордсменкой мира по конькам на всех женских ди-

станциях, 101 раз удостоивалась золотых медалей чемпионки Норвегии по конькам, лыжам, теннису и ручному мячу!

Танк-работяга

Нет, это не пушка с огромным жерлом. Это танк, занятый мирными перевозками в Южном Казахстане.

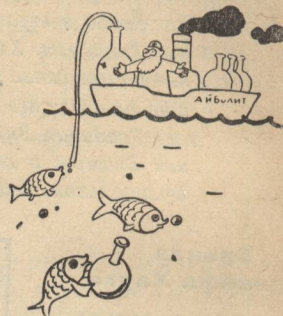
Понадобилась химикам мощь стальных гусениц! На обыкновенном «Т-34» установили платформу, на нее погрузили тяжеленные — весом в 16 тонн — трубы. Без них не обойтись новому химическому заводу, по трубопроводу пойдет серная кислота.

Соль сильнее бульдозера

Иногда строители поступают так же, как дворники зимой: посыпают землю солью. На стройках Сибири еще осенью разбрасывают соль на участках, где зимой предстоит рыть котлован. Благодаря этому даже в самые сильные морозы глинистая почва остается мягкой. Грунт, не обработанный солью, смерзается и с ним не справиться ни лопате, ни бульдозеру.

Озеро ожило

Когда в одном из озер Швеции его обитателям стало не хватать кислорода, на дно опустили пятисотметровый шланг и по нему подали в глубину очищенный воздух. Озеро «ожило» и его население тоже.

Исполинская печь

Норвегия получает от Гольфстрима столько тепла, сколько получала бы от сгорания в каждую минуту 100 тысяч тонн нефти.

Взрыв лечит

Артезианские скважины — источник хорошей питьевой воды. Но скважины «устают» и тогда воды становится все меньше и меньше. Приходится лечить скважину «торпедой». «Торпеду» начиняют взрывчаткой, рассчитывают силу и направление взрыва и опускают

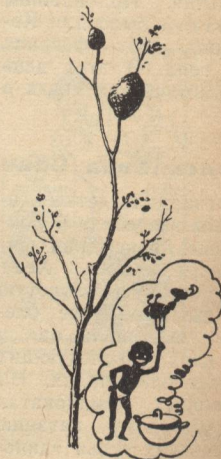

ее в артезианский колодец. В результате этого колодец от-

пускает людям больше воды, чем раньше.

Думаете, это осиное гнездо!

Спасаясь от ливней, на дереве поселились желтые тропические муравьи. Гнездо искусно сплетено из кусочков листьев, склеенных паутиной. Жители джунглей считают такие гнезда лакомством. Его подают на стол вареным с приправой из зелени.

«Металлические» мотыльки

Трудно представить себе мороз в 269 градусов. А вот гусеницы кукурузного мотылька прожили при такой температуре шесть часов. Они, правда, совсем затвердели: стоило их уронить на пол — звенели, как металл.

Осторожно разморозили гусениц. 13 из 20 не только ожили, но и начали двигаться.

Автомат строит дом

Обычный башенный кран, какой можно видеть на строительстве?

Нет. Этой машиной управляют по радио. Коробочка-передатчик — на груди монтажника. «Кран» не собьешь с толку, он работает по заданной программе и неправильную команду выполнять не станет. Электронная установка — крановщик при автомате. Она запомнила порядок сборки домов от первой до последней детали и с успехом заменяет человека.

Мельница в желудке

У куриц, гусей и индюков нет зубов. Эти птицы переваривают твердые вещества с помощью камешков. В желудке камни играют роль жерновов. В сутки гусь проглатывает 20 граммов камней...

Попугай-телезрители

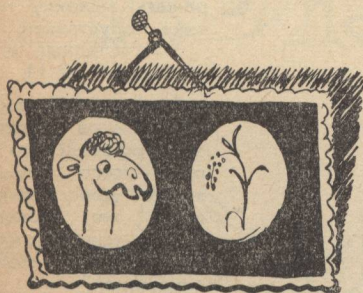
Американское телевидение трогательно заботится о попугаях.

Статистики сообщили, что в штате Нью-Йорк проживает более миллиона попугаев. Телестудия дает специальную передачу для пернатых зрителей. В программе фильмы о птицах, уроки иностранного языка, классическая музыка.

Верблюд растительного мира

Почему художник нарисовал «портрет» растения сорго и портрет верблюда — «корабля пустыни» в одной рамке?

Верблюд пьет много воды, а потом долго обходится без нее, шагая через пустыню.

Сорго — важная кормовая культура — соперник... верблюда. Сорго способно выносить очень сильную засуху.

Возделывается эта культура на юге в засушливых местностях и дает высокие урожаи зерна.

Загадка кукурузы

Каждое сельскохозяйственное растение имеет родословную. Только прошлое кукурузы остается загадкой.

Самое удивительное, что без человека кукуруза не может существовать: ее семена так прочно прикреплены к початкам, что погибли бы, оставаясь на стеблях.

Известно, что кукуруза еще в начале первого тысячелетия до нашей эры служила пищей южноамериканским индейцам. Об этом говорят археологические находки — глиняные изделия в виде кукурузных початков.

На снимке фигурный сосуд, изготовленный гончаром народности мочика около двух тысяч лет назад.

Кошачьи часы

По глазам кошки можно узнавать время! В полдень зрачки у нее узкие, как щель. Через час становятся чуть-чуть пошире. Каждому времени дня соответствует своя величина зрачка. Чем больше света, тем меньшее отверстие зрачка нужно, чтобы хорошо видеть.

Кошачьи часы, конечно, не отличаются точностью, но зато их не надо заводить, не надо носить к часовщику.

Много всяких историй рассказывают про древнегреческого баснописца Эзопа. Вот одна из них.
Некий борец однажды вышел победителем в соревнованиях на Олимпийских играх. В кругу друзей, среди которых был и Эзоп, борец стал расхваливать свою победу, превознося себя как героя, совершившего необыкновенный подвиг.

— А что, — спросил Эзоп, — значит, твой противник был гораздо сильнее тебя?

— Сильнее меня! Ты лжешь! — возмутился борец. — Не говори, чего не знаешь. Он был намного слабее меня!

— Так чем же ты хвастаешь? — спросил Эзоп. — Разве велика заслуга — победить слабого? Вот если б он был гораздо сильнее...

Полвека назад в журналах печатались такие заметки о животных:

«В Вене был дан интересный спектакль, на котором фигурировал «говорящий кот» Петр Алупта, выдрессированный госпожой Суторие. Этот красивый черный кот, которого его воспитательница нашла полумирающим где-то в деревне, довольно ясно выговаривает слова: «Анна», «Элен», «да», «нет», «ура» и делает, не всегда правда удачные, попытки повторить спетую ему песенку».

«Всходы», № 2, 1914 г.

... И БАСНОПИСЕЦ КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов тоже хвастунов не жаловал.

Как-то за столом богатый помещик, известный мастер прилагать, рассказывал о стерляди, которая будто бы водится в Волге, явно преувеличивая размеры рыбы.

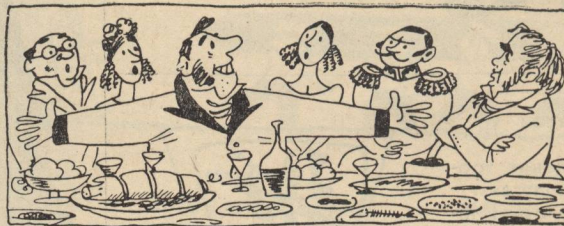
— А однажды, господа, — говорил он, делая большие глаза, — перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь.

... Нет, господа, вы не поверите, но заверяю вас, клянусь честью, она была... вот отсюда и до...

Не договорив и стараясь наглядно показать, какой длины была рыба, помещик протянул руки от одного края стола к другому, противоположному, где как раз сидел Крылов.

Тогда Иван Андреевич, отодвигаясь подальше от стола, сказал:

— Позвольте, позвольте, вот я даже отодвинусь, чтобы пропустить вашу стерлядь.

«На железнодорожной станции в Эльберфельде в Германии несколько дней подряд при остановке каждого дачного поезда творилось что-то невероятное. Едва поезд успевал подойти, как слышался голос начальника полустанка: «Отъезд!» — и раздавался резкий свисток. Машинист, послушный команде, тотчас же прибавлял ход, и поезд мчался до следующей станции, хотя большинство пассажиров не успевало выйти. Долго не могли поймать виновника кутерьмы, пока сигнал не раздался... с дерева! Виновником оказался ручной скворец, который выучился подражать выкрику начальника полустанка».

«Путеводный огонек», № 14, 1914 г.

ПОСЛОВИЦЫ

Кто живет только для себя, тот для других умирает.

/Русская/

Один человек роет колодец, тысяча людей пьют воду.

/Китайская/

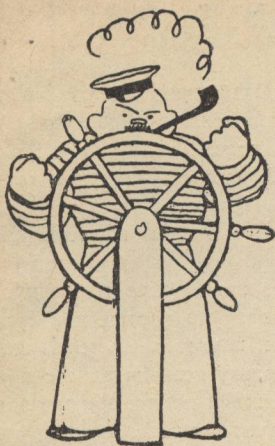
Глупому прощают семьдесят ошибок, а ученому — ни одной.

/Арабская/

Из собрания Г. А. Заславского

Конечно, «способности» Петра Алуpty и эльберфельдского скворца — всего лишь результат дрессировки, но, право же, «говорящий кот» и «скворец-шутник» заслуживают, чтобы их вспомнили.

В. А.

Загадки Боцмана Румпеля

Найди в прицеле стены башни,
Дупло бойницы разгляди,
Шатер каштана камуфляжный,
Где снайпер скрыт позади,
Собора старого руины
И рынка павильон пустынный.

Дорогие друзья!

Задачи, которые я предлагаю вам на этой странице, достались мне не совсем обычным путем. Все началось с бутылки... Как вы знаете, я уже давно собираю выбрасываемые морем бутылки с записками. Минувшей осенью, когда я гулял в окрестностях Одессы, море прибило к моим ногам накрепко запечатанную бутылку из-под кефира. Внутри бутылки я нашел три листочка бумаги. Вот они...

Найди тропинку, что змеей по горным склонам
вьется. Пчелиный рой наполнил дупло равномер-
ным гудением. Слово белые свечи, сияли цветы
на ветвях могучего каштана. Позади холма из-
бушка одинокая стоит. Старого пса к цепи не
приучишь. Хозяйка несла с рынка корзину, пол-
ную овощей и фруктов.

Утром Толя сказал маме: «Найди термометр, у меня, кажется,
температура».

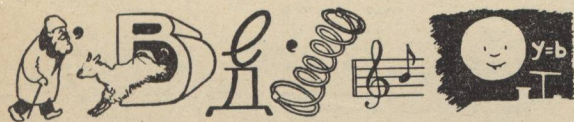
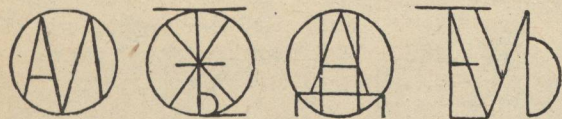
«Не выдумывай», — ответила мама, но Толя не унимался: «Ка-
жется, у меня дупло в зубе».

Тут мама нахмурилась, и Толя, свистнув песика Каштана, нехотя
отправился в школу.

Шел он медленно, с сердитым видом, и Каштан осторожно дер-
жался позади.

На углу Толя встретил своего старого друга Васю.

«Давай, пройдем мимо рынка», — предложил Вася.

Как видите, это отрывок из рассказа, диктант и строфа стихотворения. Я внимательно изучил тексты и, найдя кое-какие соответствия, прочел указание, где я могу отыскать кое-что интересное.

Не прошло и часу, как составленные неизвестным другом два ребуса и строчка монограмм были у меня в руках.

Если вам удалось решить ребусы и монограммы, вы, может быть, попробуете догадаться, как я расшифровал задание в бутылке из-под кефира?

Боцман Румпель,

СНЕЖНАЯ СКАЗКА

Сергей Погореловский

Проплясали по снегам
Снежные метели.
Снегири снеговикам
Песню просвистели.
У заснеженной реки,
В снежном переулке,
Звонко носятся снежки,
Режут лед снегурки.
А в завьюженных лесах—
Снежные палаты.
На сверкающих кустах—
Снежные халаты.

Скрипнут лыжи на бегу
В белом Снегограде,
Впишут синюю строку
В снежные тетради.
А вокруг в снега одет
Весь простор безбрежный.
Чем не сказка белый свет?
Снежный—снежный—
снежный!

Гравюра Р. Попова

На второй странице обложки фото Б. Уткина — ученик 9 класса 188 школы Володи Максимов сконструировал и построил модель межпланетной фотонной космической станции «Фазтонец». Начинающему конструктору Сереже Яковсону он рассказывает о ее устройстве.

Длинной вереницей с самого утра идут почтальоны в редакцию «Костра». От писем едва не лопаются сумки. В сумках — заметки, стихи, рисунки. Лучшие в нашем издании печатном я помещаю на месте почетном.

Видите, как на первом рисунке летают по воздуху портфели и сумки? На доске нарисованы мелом рожи. Но, поскольку все они одна с другой схожи, каждая подписана прозвищем или именем: дескать, смотри прямо сюда. Каждый, кто дорожит своим временем, свой портрет найдет без труда. В воздухе носятся тучи мела. От прыжков содрогаются стены и пол. Это событие место имело в наше время в одной из школ.

Следующий портрет получив от юнкора, я успокоился очень не скоро. Волновался до тех пор, пока не увидел, что рисунок к письму приложен, где написано, что это не чудовище с головой ученика, а ученик, который не слишком прилежен.

Третью картинку художник назвал (в кавычках) — Помощник. Картинка далеко не у всех вызовет веселый смех...

Новые поступления эти свидетельствуют о бурной жизни Стенгазетни. Я считаю, что пора мне отправиться в путешествие по этой стране.

Эй, стенгазетчики, ждите в гости! Шлите приглашения

КОСТЕ ТЕРКИНУ

Редактор **В. В. Торопыгин**
 Редакционная коллегия: **Т. А. Буценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Паителева, А. Ф. Патомов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская** (ответственный секретарь), **Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юрган** (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
 Корректор **М. В. Яхонтова**

Технический редактор
А. А. Двораковская
 Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-21232
Тираж 277 000 экз.

Подписано к печати 18/1 1964 г.

Формат 84×108¹/₁₆
Заказ № 1953

Печ. л. 8+2 вкл. 6,56 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Главполиграфпрома»
 Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
 Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати

ИЗ СТЕНГАЗЕТИИ

Когда гаснет в классе свет

Максим Кранс
и Виктор Маслов,
Химки

Засыпался двойками мальчик...

Слава Зверев,
Ишим

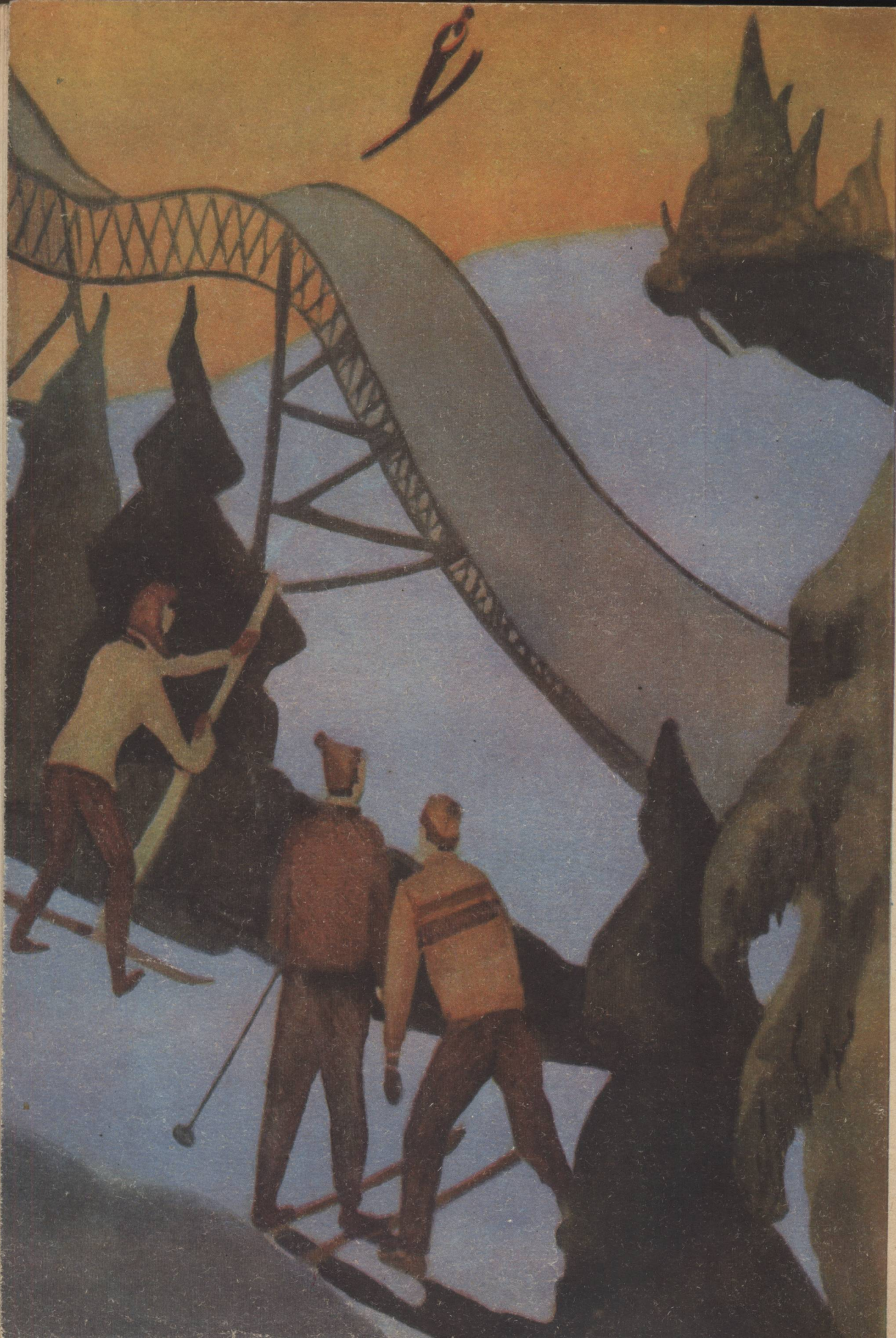
Помощник.

- Что ты делал в воскресенье?
- Занимался уборкой.
- Молодец! Устал, наверно?
- Не очень. Я вызвал тетеньку из Бюро Добрых Услуг.

Саша Симагин,
Ленинград

**ЮНКОР В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕ НА СВЕТЕ!
ЖДЕМ СООБЩЕНИЙ ИЗ СТЕНГАЗЕТИИ!**

ТРАМПЛИН

Женя Арапова

8 класс

Ленинград